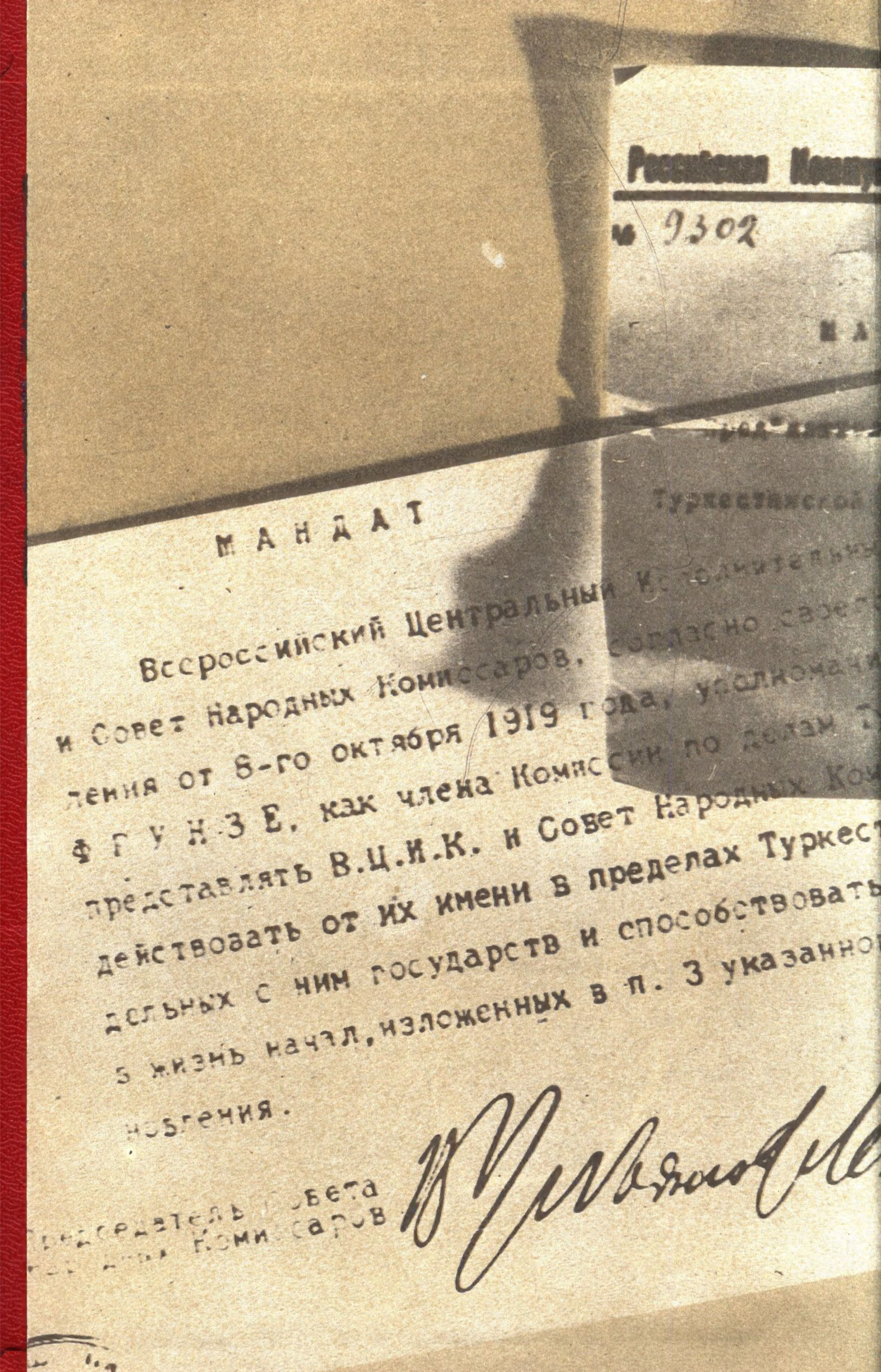
Посланцы ЛЕНИНА в Казахстане


Российская Коммун

№ 9302

Ма

пред

Туркестанской

М А Н Д А Т

Всероссийский Центральный Исполнительны
и Совет Народных Комиссаров, согласно посте
ления от 8-го октября 1919 года, уполномачи
Ф Р У Н З Е, как члена Комиссии по делам Т
представлять В.Ц.И.К. и Совет Народных Ко
действоаать от их имени в пределах Туркест
дельных с ним государств и способствовать
в жизнь начал, изложенных в п. 3 указанно
новления.

Председатель Совета
Народных Комиссаров

...стран, соединяйтесь

...стическая партия (большевиков). Центральный Комитет.

Москва. 10 Октября 1919 г.

...ндат.

...сего тов. Куйбышев ... является членом

...миссии Ц.К.Р.К.П./большевиков/.

Секретарь Ц.К. Сталин

...Комитет

...постанов-

...от 8

...ркестана.

...ссаров и

...тана и сопре-

...проведению

...о выше поста-

...рин)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ПРИ ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. Ленин за рабочим столом в своем кабинете в Кремле. Москва. 16 октября 1918 года

Посланцы ЛЕНИНА в Казахстане

Сборник очерков

Алма-Ата
«Казахстан»
1987

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР **Тулепбаева Б. А.**

Составитель **Григорьев В. К.**

П61 **Посланцы** Ленина в Казахстане: сб. очерков./Гл. ред. общ.-полит. лит. Ин-т истории партии при ЦК КП Казахстана.— Алма-Ата: Казахстан, 1987— 312+иллюстр. с.

Авторы — ученые, писатели, журналисты — рассказывают о плодотворной организующей роли видных деятелей партии и государства, которые по личному заданию В. И. Ленина работали в Казахстане, помогая трудящимся многонационального края устанавливать и укреплять Советскую власть, проводить в жизнь ленинскую национальную политику, формировать марксистско-ленинское мировоззрение, строить социализм.

Очерки написаны ярко, образно, привлекут внимание широкого круга читателей.

П $\frac{0505040000—103}{401(05)—87}$ 22—87 63.3(2)7

По приказу партии, заданию Ильича

Семь десятилетий минуло со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции, а интерес к главному событию XX века, ставшему переломным во всей всемирной истории, не ослабевает. С каждым новым шагом по пути общественного прогресса все ярче раскрывается величие Октября, Коммунистической партии, В. И. Ленина.

Те неповторимые дни Октября 1917 г., когда на развалинах старого строя возникло и утвердилось государство диктатуры пролетариата, навсегда определили генеральное направление и основные тенденции современного мирового развития.

Становление Страны Советов шло весьма непросто. Отчаянное сопротивление сил контрреволюции, технико-экономическая и культурная отсталость, небывалая острота социальных и национальных противоречий — все это осложняло переход от капитализма к социализму, создание основ нового общества. Порой приходилось прибегать к срочным, неотложным мерам. Для их проведения в жизнь привлекались наиболее испытанные и подготовленные большевики. Уполномоченные ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР направлялись туда, где обстановка требовала экстраординарных решений.

Деятельность посланцев партии всегда интересовала историков, она нашла отра-

жение и в республиканской исторической литературе. Особенности обстановки, складывавшейся в 1917—1924 гг. на территории Казахстана, были таковы, что Ленину пришлось многих своих представителей уполномочить в наш край. Чрезвычайная миссия возлагалась и на местных работников. Круг тех, кто в то время имел такого рода задания, оказался довольно широк — более 60 человек. О некоторых из них уже рассказала первая книга сборника «Борцы за Советскую власть в Казахстане» [1], о других читатель узнает из готовящихся к изданию второй и третьей книг указанной серии.

Данный сборник поведает о десяти посланцах Ильича, тех, кому, по определению В. И. Ленина, выпало великое «...счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории...»[2].

Это члены партии с 1898 г. Е. М. Ярославский, В. А. Радус-Зенькович, П. А. Кобозев, большевик с 1902 г. С. С. Пестковский. Они принадлежат к тем, кто входил в ленинское революционное ядро российской социал-демократии, чьи делегаты основали на II съезде РСДРП в июле — августе 1903 г. партию нового типа, партию большевиков. Хотя жизненный путь этих известных деятелей партии широко освещен в исторической литературе, авторы сумели по-своему подать материал, обогатить его малоизвестными и неизвестными фактами, относящимися прежде всего к Казахстану.

Одно из центральных мест заняли очерки о несгибаемых борцах за дело партии М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышеве, Р. А. Дреймане. Они пришли в РСДРП(б) в период бурных событий 1904—1905 гг., когда наша страна дала всему миру подлинные образцы героизма и мужества рабочих в борьбе за ликвидацию самодержавия. Это поколение революционеров с честью прошло сквозь трудные испытания трех революций, составив тот ударный отряд, на долю которого в разгар гражданской войны лег груз военной и политической ответственности за судьбу первого в мире социалистического отечества.

Страницы книги расскажут о большевиках славной

---

[1] Борцы за Советскую власть в Казахстане. Алма-Ата, 1982, вып. 1.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

дооктябрьской когорты. О И. А. Томчуке, связавшем свою судьбу с ленинской партией в 1913 г.— в трудную пору нового революционного подъема. Он представитель славного отряда «правдистов», тех, кто был воспитан на идеях первой легальной рабочей общероссийской политической газеты. О сыне казахского народа А. Т. Джангильдине, ставшем большевиком в 1915 г., в самый разгар мировой империалистической войны, когда на пролетарскую партию обрушились неслыханные по своим масштабам и суровости административно-полицейские кары. Один очерк посвящен всеказахстанскому старосте С. Мендешеву, оформившему свое пребывание в партии в разгар гражданской войны.

И все десять ленинских посланцев, о которых идет речь в книге,— не просто уполномоченные, а чрезвычайные уполномоченные ЦК РКП(б) и СНК РСФСР. Их миссия была связана с решением не местных, а общегосударственных задач: организация разгрома колчаковщины, дутовщины, ликвидация уральского белоказачества, провозглашение Туркестана автономной Советской республикой, налаживание работы Революционного комитета по управлению Казахским краем... *

Чрезвычайные комиссары Ильича, выполняя поручения главы Советского правительства, внесли огромный вклад в победу социализма на казахской земле. Читая о них, узнаем еще одну страницу многотомной и разноплановой ленинианы, на конкретном материале видим примеры того, как величайший мыслитель нашей эпохи, вождь международного коммунистического и рабочего движения находил решения сложнейших проблем, какое место при этом он отводил конкретным людям.

Подробно рассказывая о деятельности ленинских посланцев, авторы помогают нам увидеть, как проводилась в жизнь ленинская национальная политика, как пролетарский интернационализм становился неотъем-

* Мы рассматриваем выход «Посланцев...» как начало сериала о людях, выполнявших ленинские поручения в Казахстане. Институт намерен принять участие в подготовке второй книги «С мандатом Ильича», где будет рассказано о деятельности таких большевиков, как М. Мурзагалиев, В. Лукашев и др.

лемой частью деятельности партийной организации республики.

Чтобы четче представить события той поры, скажем несколько слов и о том, что представлял собой Казахстан. К октябрю 1917 г. на его огромной территории (площадью 2,6 млн. км^2 в современных границах) проживало около 6 млн. человек. Около 92 процентов из них занималось сельским хозяйством. На предприятиях промышленности, транспорта, в строительстве трудилось, по разным подсчетам, от 50 до 65 тыс. человек, т. е. около 1 процента населения. Царизм и буржуазное Временное правительство оставили в «наследство» Советской власти массу сложнейших проблем политического, социального, экономического, национального, культурного плана, решение которых нельзя было откладывать на потом.

Требовалось в кратчайший срок покончить с позорным наследием прошлого — национальным неравноправием, сделать казахский народ равным среди равных, помочь ему в создании национальной государственности на советской основе. Надлежало объединить казахские земли, разодранные самодержавием на несколько искусственных административных единиц, а то и включенных в такие образования, как Степной край, Туркестанское генерал-губернаторство и т. д.

Больным вопросом была и аграрная проблема. Примерно из 70 млн. десятин, пригодных для возделывания земель, самодержавие отобрало у коренного населения около 45 млн. Это поставило кочевой и полукочевой аул (т. е. более двух третей всех казахских хозяйств) на грань острейшего кризиса. Резкое сокращение пастбищ, почти ежегодные джуты, эпизоотии вели к непрерывному сокращению численности скота, разорению десятков тысяч семей, голодовкам, эпидемиям. Изъятые у казахов земли царизм в основном передал в собственность Уральского, Сибирского, Семиреченского казачьих войск и Переселенческого управления, целого ряда других ведомств. Если почти 400 тыс. казаков составляли военно-феодальную опору монархии, то более 1,5 млн. крестьян-переселенцев стремились найти себе здесь лучшую долю. Бывшая колониальная администрация стремилась насадить между этими основными группами населения вражду, недоверие, антагонизм.

Без того слабая экономика края под воздействием тягот первой мировой войны пришла в упадок. Непрерывный рост налогов, разного рода поборы наиболее болезненно сказывались на хозяйстве аула. Объявленная в 1916 г. мобилизация 180 тыс. мужчин (из общего числа 400 тыс. для Туркестана, Казахстана, Сибири) на тыловые работы сразу поставила бедняцкие семьи (байство откупалось от призыва) на грань катастрофы. Если учесть, что из 540 тыс. имевшихся в крае кочевых и полукочевых хозяйств каждое третье теряло основного кормильца, станет ясно, что мобилизация превратилась в национальное бедствие. Трудовой люд аула немедленно отреагировал. Стихийно началось мощное национально-освободительное восстание. Собрав крупные военные силы, самодержавие при активной поддержке феодально-байской верхушки подавило его.

Победа Великого Октября, публикация ленинских декретов о мире, земле, предоставление всем бывшим угнетенным народам, и в том числе казахскому, права на самоопределение ознаменовали утро новой жизни, открыв путь в счастливое будущее. Но за него пришлось бороться с объединенными силами империалистических интервентов и внутренней контрреволюции. Уже в ноябре 1917 — марте 1918 гг. на территории нашего края возникло три крупных контрреволюционных очага. Первый — Оренбургский. В городе и большей части губернии с ноября по январь существовала белоказачья диктатура атамана Дутова. Второй — Уральский. 28 марта 1918 г. офицерско-атаманские верхи казачества произвели в городе и области контрреволюционный переворот, начали военные действия против Советской власти. Третий — в центре Семиречья, Верном. Здесь правые эсеры, эмиссары бывшего Временного правительства, тоже создали белогвардейское правительство, которое стремилось сохранить в области старый строй.

Ликвидация этих очагов реакции, сыгравших роль своеобразных плотин на пути шествия Советов в крае, потребовала немало усилий со стороны местных большевиков, трудящихся. Им оказали действенную помощь ленинские посланцы П. А. Кобозев, А. Т. Джангильдин. После того, как в январе 1918 г. красногвардейские отряды освободили Оренбург, быстро развернулось советское строительство на огромных просторах Тургайских

степей, был изолирован Уральский фронт белых: им не удалось сомкнуть цепь контрреволюционных сил Дона, Урала, Сибири в одно целое. Первый разгром дутовщины, провозглашение Советской автономии Туркестана, установление 3 марта 1918 г. власти Советов в Верном сыграли огромную роль в том, что в апреле — мае 1918 г. был нанесен сильнейший удар семиреченскому белоказачеству, от которого оно так и не смогло оправиться.

Известно, что с июня 1918 г. в районе Тургая, севера и востока Казахстана Советская власть временно пала в результате объединенного выступления империалистов и эсеро-белогвардейского подполья. Возник Восточный фронт, ставший для Страны Советов главным в трудные дни лета — осени 1918 и весны 1919 гг.: решалась судьба революции. На фронт партия посылала свои лучшие силы, на его казахстанских участках взошла немеркнущая звезда воинского мастерства и доблести легендарного полководца М. Н. Тухачевского, прославленного начдива В. И. Чапаева. Именно на этом фронте со всей силой раскрылся изумительный по своей значимости талант выдающегося военного гения М. В. Фрунзе.

Тяжелая обстановка 1918—1919 гг. несколько замедлила, но не остановила революционно-преобразующей деятельности партии в казахских степях. Уже 10 июля 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет о создании чрезвычайного специального органа — Революционного комитета по управлению Казахским краем, которому поручалось подготовить создание социалистической государственности казахского народа. Казревком начинал свою деятельность в самый разгар гражданской войны.

И со своей основной задачей он успешно справился лишь потому, что его с самого начала возглавлял ленинский посланец — заместитель наркома по делам национальностей РСФСР С. С. Пестковский. Начатое им продолжил пламенный интернационалист, первый председатель СНК республики В. А. Радус-Зенькович. Значительна роль ленинского посланца и в организационном оформлении Коммунистической партии Казахстана.

Большевистские организации возникли в нашем крае еще накануне и в годы первой русской революции. К 1920 г.— времени рождения республики — они прошли славный и нелегкий путь. Но характер задач, кото-

рые предстояло решать в новых условиях, оказались таковыми, что при верном понимании отдельных сторон проблемы, т. е. сокращенного пути к социализму и решающей роли в этом правильной политики, стратегии и тактики партии, необходимость комплексной взаимосвязи всех этих составляющих большинству членов партийных организаций края была неясна. Требовалось разъяснить обстановку. На I Казахстанскую партийную конференцию прибыл секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский. Он и помог выработать конкретную, четкую программу действий, в основе которой лежали ленинские идеи, установки X съезда РКП(б). Повествуя о поездке Емельяна Михайловича на конференцию, авторы использовали неизвестный ранее материал полномочной комиссии ВЦИК.

В очерках о М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышеве что-то новое искать излишне — об их жизни и деятельности сегодня известно почти все. А вот о посланце Ленина И. А. Томчуке знаем до обидного мало. Историки пока собирают факты.

Материалы настоящего сборника рассказывают о разных сторонах политической и социально-экономической жизни Казахстана 1917—1924 гг., показывают, как на крутых поворотах истории партия искала и находила единственно верные решения. Известно, что до 1925 г. в официальных документах Степной край неправильно именовался Киргизией, а коренное население киргизами. Решением V съезда Советов КАССР в апреле 1925 г. было восстановлено исторически верное название — Казахстан, а его исконным жителям возвращено их национальное имя — казахи.

Своим содержанием очерки как бы дополняют друг друга, что позволяет с помощью документальных данных осветить разные грани одних и тех же событий.

Именно это взаимодополнение и раскрывает важнейшие моменты темы Ленин и Казахстан, показывая через судьбы героев различные черты Ленина-политика, главы рабоче-крестьянского правительства, «самого человечного человека», к биографии которого все чаще обращаются современники.

Чрезвычайный комиссар Степного края

Петроград, 14 декабря 1917 г. Вечерело. С Финского залива дул холодный, колючий ветер. Поеживаясь под его пронизывающими порывами, Алиби Джангильдин быстро шел по Суворовскому проспекту от Смольного в сторону Николаевского вокзала. Он уезжал из столицы в родные края. Алиби сунул руку за борт шинели и потрогал карман гимнастерки, где лежал мандат СНК РСФСР, подписанный В. И. Лениным.

Ленин... Алиби Тогжанович вспомнил добрые, внимательные глаза и крепкое рукопожатие вождя революции при прощании после сегодняшней встречи и как бы вновь услышал его голос: «Поезжайте в Степной край, работайте, защищайте лозунг „Вся власть Советам!" В случае серьезных сомнений запрашивайте, не стесняясь, обращайтесь ко мне лично. Вы назначаетесь временным областным комиссаром Тургайской области. Особенно долго здесь не задерживайтесь. Ваш мандат готов»[1].

Эти воспоминания * будут с ним всю жизнь, о них он расскажет в своих запис-

---

[1] Алиби Джангильдин. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, с. 39.

* Воспоминания опубликованы в документальном сборнике «Алиби Джангильдин» (См. с. 10—75). Нижеприводимые цитаты А. Т. Джангильдина взяты из данного сборника.

ках «Мой путь». Нелегким он был у первого коммуниста-казаха.

Родился Алиби в местечке Кайдаул Тургайского уезда (ныне Джангильдинский район Тургайской области) в семье бедняка-казаха. Рано познавший нужду, смышленый мальчик страстно тянулся к знаниям. Прогрессивно настроенные учителя, вопреки воле родителей и местных властей, помогли ему получить начальное образование, окончить русско-казахское двухгодичное училище в Кустанае. Способного ученика заметили, поддержали, помогли поступить в Оренбургское духовное училище, а затем в Казанскую учительскую семинарию. Здесь его застала первая русская революция. Большой студенческий город, один из рабочих центров России, в котором было сильно влияние революционного марксизма, Казань произвел неизгладимое впечатление на юношу. Он включается в студенческое движение, участвует в демонстрациях, получает первые уроки политического воспитания. Его арестовывают и исключают из семинарии.

«Идти было некуда: родная степь была далеко,— вспоминал позже А. Т. Джангильдин.— Собрав свои пожитки, решил поехать в Москву и там продолжить свое образование». Молодой Алиби поступает на исторический факультет Московской духовной академии. Его интересовали прошлое России, роль и место казахского народа в общероссийской и всемирной истории. Он усиленно занимается самообразованием, с упоением читает русскую и зарубежную классику, в студенческом кружке изучает революционную литературу. «Моя репутация в академии становилась все более отрицательной с точки зрения академического начальства,— отмечал А. Т. Джангильдин в автобиографическом очерке,— ко мне относились с предубеждением и недоверием..., поэтому дальше оставаться там я не мог».

Свое образование он решил продолжить на дальних дорогах странствий. 9 июля 1910 г. одна из петербургских газет поместила фотографию Алиби, а рядом заметку: «Николай Степнов, студент Московской духовной академии, предпринял путешествие вокруг света пешком с целью изучения различных стран, их устройства и обычаев». Его путевая книжка хранит заметки о

многих странах и народах, впечатления от увиденного переданы живо, образно.

С фотоаппаратом Алиби Джангильдин прошел Польшу, Австро-Венгрию, Югославию, Болгарию — в Европе; Турцию, Сирию, Палестину — на Ближнем Востоке; Египет, Эфиопию — в Африке: Аравийский полуостров, Месопотамию, Персию (Иран), Индию, остров Цейлон, Малакский архипелаг, Индокитай (Сиамское королевство), южную часть Китая, остров Формозу (Тайвань), Японию — в Азии. Прошагал более 15 тыс. километров, не считая проезд по морю и железной дороге. Средства для жизни Алиби добывал трудом, главным образом — продавал отснятые им фотографии.

Путешествие стало подлинной академией Алиби Джангильдина. Это признавал и сам Алиби Тогжанович: «Пребывание в странах Востока наложило своеобразный отпечаток на формирование моего мировоззрения. Страшные контрасты бросались в глаза на каждом шагу. Я видел гнет и бесправие бедных, роскошь и пресыщение богачей». Именно в эти годы, под влиянием первой русской революции, в крупнейших странах Востока — Иране, Турции, Китае — произошли буржуазные революции. Начался подъем национально-освободительного движения в Индии, Афганистане, Индонезии и других странах. Алиби Джангильдин был живым очевидцем. Кроме того, он был единственным казахом, который в тех условиях обошел столько стран мира. «При встречах,— вспоминал Алиби Тогжанович,— население удивлялось, что кругосветное путешествие предпринял казах, представитель отсталой народности, и проявляло ко мне особый интерес».

Из кругосветного путешествия Алиби Тогжанович возвратился уже сложившимся революционером-демократом. Он теперь знал не только жизнь казахской степи и царской России. Он увидел, что при всех расовых и национальных отличиях у людей труда есть общее и в их жизни и в их борьбе. А это имело неоценимое значение в складывании интернационалистских взглядов Алиби Тогжановича, в становлении его как революционера, атеиста и материалиста.

Вместе с другом Амангельды Имановым Алиби Джангильдин едет в аулы, рассказывает кочевникам об

увиденном, показывает кинокартины, фотографии, привезенные из-за границы. Подобного казахская степь еще не знала. Узун-кулак мгновенно разнес весть о необыкновенном чуде. Алиби Тогжанович вспоминал: «Началось настоящее паломничество ко мне. Часто приходили казахи за 30—40 километров и просили показать им кино. Возвращаясь к себе в аулы, они рассказывали содержание картин, передавали мои беседы».

О чем рассказывали картины, о чем повествовал Алике своим слушателям? О жизни портовых рабочих Турции, Индии, китайских кули, об отношении к ним колонизаторов. «Тематика картин,— писал Алиби,— была мною специально подобрана для аула. Показывая, как работают индийские, китайские рабочие, я в то же время рассказывал им, что у нас в России и Казахстане отношение к рабочим не лучше». Однако недолго ему пришлось побыть среди земляков. Преследуемый колониальными властями, Алиби Джангильдин летом 1913 г. переезжает в Крым, где работает в отделении Пулковской обсерватории. Здесь он знакомится с революционным подпольем, работает среди татарских трудящихся.

В середине 1915 г. в разгар первой мировой войны, находясь по делам службы в Петрограде, Алиби Джангильдин присутствует на партийных собраниях, входит в большевистское подполье. Здесь, в Петрограде, Алиби Тогжанович организационно связывает свою судьбу с большевиками. Он вошел в ленинскую партию с чистой душой, без пылинки буржуазного национализма. Весь пройденный до вступления в ряды большевистской партии путь помог ему твердо встать на позиции марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

В 1916 г., когда казахский народ вместе с другими народами Средней Азии поднялся на национально-освободительную борьбу против царизма, империалистической войны и феодально-байской эксплуатации, Алиби Джангильдин оставляет Крым и возвращается в Тургайскую степь. Вместе с Амангельды Имановым он возглавлял вооруженное восстание в Тургайских степях, слившееся с февральской буржуазно-демократической революцией, совершенной российским рабочим классом в союзе с крестьянством.

С радостью встретил Алиби Джангильдин весть о свержении царизма, тут же выехал в Петроград, чтобы поднять голос протеста против продолжавшихся бесчинств карателей в казахской степи. 7 марта 1917 г. он обращается в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. «Сознательная часть киргизского народа,— говорил А. Т. Джангильдин,— приветствует вас, как носителей свободы и порядка в России».

Обратив внимание Совета на то, что в Тургайской области карательные отряды продолжали «творить свои гнусные насилия и погромы», Алиби Джангильдин просит Петроградский Совет «немедленно прекратить никому ненужное кровопролитие внутри страны, которое создано безумием старой власти», срочно командировать в Тургайскую область комиссаров Совета (двух русских и двух казахов) «на предмет принятия всей судебно-административной власти из рук ставленников отжившей власти и водворения порядка. Комиссары-киргизы должны быть облечены доверием народа...»

А. Джангильдин правильно понял значение Петроградского Совета как органа восстания рабочих и солдат, органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, выразителя воли народа, поэтому и искал защиты казахского народа в Совете, а не в приемных буржуазного Временного правительства — далекого и чуждого интересам народа.

Петроградский Совет потребовал от буржуазного Временного правительства прекратить преследование участников национально-освободительного движения, отозвать карательную экспедицию генерала Лаврентьева. Однако эсеро-меньшевистское руководство Петроградским Советом не прислушалось к голосу большевика Алиби Джангильдина и вопреки его просьбе о назначении комиссаров от Петроградского Совета, облеченных доверием народа, дало согласие буржуазному Временному правительству о назначении комиссаром Тургайской области лидера казахских буржуазных националистов Алихана Букейханова.

Алиби Тогжанович с этим не смирился. Он обратился в ЦК РСДРП(б), к его секретарю Якову Михайловичу Свердлову и Елене Дмитриевне Стасовой. Они разъяснили ему политику и тактику большевистской

партии на данном этапе революции, познакомили с Апрельскими тезисами В. И. Ленина, помогли добиться того, чтобы Петроградский Совет направил А. Т. Джангильдина в степь в качестве своего представителя по разъяснению происходящих событий и работе в массах.

Весной и летом 1917 г. А. Джангильдин дважды выезжает в Тургайскую степь, где проводит работу по сплачиванию казахских трудящихся и их ориентации на социалистическую революцию.

Со всей большевистской страстностью он выступает на митингах и собраниях, где разоблачает контрреволюционную сущность Временного правительства, борется против баев и их приспешников — буржуазных националистов, обращается в Оренбургский Совет с предложением отстранить от власти ставленника Временного правительства и феодально-байской верхушки Букейханова и избрать в местные органы власти подлинных представителей казахских трудящихся. Он решительно встал на защиту народного батыра Амангельды Иманова от происков алашордынцев и добился прекращения его преследований властями Временного правительства.

Взбешенные активными действиями А. Т. Джангильдина буржуазные националисты организовали против него кампанию клеветы и угроз. Но он не сдался. Вновь и вновь звучит голос пропагандиста революции в Иргизе, Актюбинске, Челкаре и Тургае. Тогда по приказу Букейханова его арестовывают и бросают в тюрьму. Более двух месяцев провел А. Т. Джангильдин в одиночке. Узнав о произволе комиссара Временного правительства над представителем Петроградского Совета, Оренбургский Совет под председательством большевика Г. А. Коростелева потребовал освободить А. Т. Джангильдина. Учитывая настроение масс и требование большевиков, Букейханов вынужден был подчиниться. Но борьба с буржуазными националистами на этом не прекратилась. А. Т. Джангильдину еще не раз приходилось сталкиваться с ними и на митингах летом 1917 г., и в открытом бою в годы гражданской войны и разоблачать их скрытую контрреволюционную деятельность в первые годы Советской власти.

В конце лета 1917 г. А. Т. Джангильдин выехал в

Петроград. Здесь с 5 по 20 сентября он прошел инструкторские курсы по выборам в Учредительное собрание, организованные ЦИКом Совета рабочих и солдатских депутатов. Это были бурные дни. Выдвинув лозунг «Вся власть Советам!», партия последовательно завоевывала в них большинство, готовила массы трудящихся к вооруженному восстанию. Алиби участвовал в митингах и собраниях, бывал в ЦК РСДРП(б), разговаривал со многими видными деятелями партии. По заданию ЦК партии большевиков после окончания курсов он едет в Крым, где активно участвует в революционной пропаганде, ведет работу по подготовке выборов в Учредительное собрание по большевистскому списку.

Здесь его и застало известие о вооруженном восстании рабочих Петрограда, о Великой Октябрьской социалистической революции. Вместе с другими местными большевиками А. Т. Джангильдин участвует в образовании Советов, в мобилизации трудящихся на защиту народной власти. С надеждой и волнением он вчитывается в скупые телеграфные сообщения крымских газет об установлении Советской власти в различных городах далекого, но родного Казахстана, узнает о попытках контрреволюционного мятежа уральского белоказачества.

В конце ноября 1917 г. А. Т. Джангильдин получил телеграмму за подписью Я. М. Свердлова, которой он отзывался в распоряжение ЦИКа. В Петрограде он узнал, что посылается комиссаром в Тургайскую область. Тогда же произошла и его первая встреча с В. И. Лениным, с которой начат этот рассказ. Окрыленный ленинским доверием, А. Т. Джангильдин энергично принимается за порученное ему дело.

По дороге в Оренбург А. Т. Джангильдин остановился в Самаре, там он познакомился с В. В. Куйбышевым, который рассказал Алиби, что Оренбург захвачен белоказаками атамана Дутова и посоветовал действовать совместно с находившимся здесь чрезвычайным уполномоченным по Туркестанскому краю опытным большевиком П. А. Кобозевым. Они стали энергично создавать красногвардейские отряды для освобождения Оренбурга. Местом базирования отрядов был избран город Бузулук. Сюда прибыла также часть оренбургских большеви-

ков во главе с С. М. Цвиллингом и А. А. Коростелевым, которые обратились к В. И. Ленину за помощью. В ответ на эту просьбу вождь революции писал в штаб ВРК при Петроградском Совете: «Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее» [1]. На помощь срочно направляется хорошо вооруженный отряд балтийских моряков. В ходе ожесточенных трехнедельных боев, в которых А. Т. Джангильдин командовал уфимским отрядом, белоказаки были разгромлены, а Оренбург освобожден.

А. Т. Джангильдин непосредственно приступил к выполнению своих обязанностей комиссара — полномочного представителя Советского правительства в Степном крае. Он разъяснял казахским трудящимся задачи рабоче-крестьянской власти, помогал организовывать Советы в аулах, волостях и уездах. Многое им было сделано по подготовке и проведению I Тургайского областного съезда Советов. В результате его организаторской работы большинство делегатов Тургайского областного съезда Советов, состоявшегося 21 марта — 3 апреля 1918 г. в Оренбурге, представляли трудящихся аула. Они горячо выступили против проникших на съезд феодально-байских элементов, сплотились вокруг большевиков. Это, в свою очередь, позволило принять правильные решения о местных органах Советской власти, по земельному, продовольственному и другим вопросам. Делегаты съезда оказали А. Т. Джангильдину высокое доверие, избрав его председателем облисполкома.

Сообщая Совнаркому РСФСР о результатах работы съезда, Алиби Тогжанович писал: «Настроение съезда..., вставшего на защиту Советской власти, определилось в первые же дни. Съезд удалил из своей среды контрреволюционные элементы, приветствовал новую власть в лице Совета Народных Комиссаров и в результате вынес постановление, отвечающее духу совершающейся социальной революции».

В день окончания работы съезда, в ночь на 4 апреля 1918 г., белоказачьи банды под предводительством вой-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 10.

скового старшины Лукина напали на Оренбург и устроили резню в красногвардейских общежитиях. Только в училище на Форштадской площади они зарубили 129 человек, в том числе шестерых детей и нескольких женщин. В железнодорожных мастерских и депо большевики оперативно сформировали боевые дружины. Вместе с русскими рабочими на защиту Оренбурга выступили и делегаты-казахи Тургайского съезда. По просьбе А. Т. Джангильдина они также были вооружены и составили отдельный отряд, который под его руководством принял участие в разгроме и изгнании из города белоказаков. Алиби был в первых рядах атакующих, личным примером увлекал вперед красных джигитов.

Совместная борьба русских и казахских трудящихся против белоказаков укрепила уверенность делегатов Тургайского съезда в силе Советской власти, вдохновила их на активную борьбу на местах.

Вместе с тем А. Т. Джангильдин отчетливо видел, какие огромные трудности предстоит преодолеть, чтобы добиться окончательной победы власти Советов. «Конечно,— писал он в докладе Совнаркому,— нельзя обольщаться мыслью, что все уже сделано и социальная революция не встретит на своем пути препятствия, население области еще недостаточно политически развито. Контрреволюционные элементы среди крестьянской киргизской (казахской) и торговой буржуазии и националистически настроенных кругов не дремлют, а только что зародившаяся здесь Советская власть еще не создала достаточно реальные силы, и требуются энергичные меры, чтобы создать на месте силу, способную противостоять нападениям».

Одним из действенных средств, призванных, по мысли А. Т. Джангильдина, обеспечить защиту Советской власти в крае, должны были стать интернациональные по своему составу красноармейские части. Осознавая необходимость защиты завоеваний трудящихся от происков врагов революции, А. Т. Джангильдин возглавил военный комиссариат, созданный при Тургайском облисполкоме. На основе декрета Советского правительства об организации вооруженной борьбы с контрреволюцией он развернул бурную деятельность по формированию и оснащению красноармейских частей, по мобилизации трудящихся масс на отпор врагам Советской власти.

При этом трудно переоценить значение настойчивой, целенаправленной деятельности А. Т. Джангильдина по привлечению казахских трудящихся к вооруженной защите Советской власти. Уместно вспомнить, что попрание прав коренного населения Казахстана со стороны царского правительства распространялось и на военную область. Казахи не призывались на службу в царскую армию. Тем ценнее был почин первого коммуниста-казаха А. Т. Джангильдина.

В Казахстане, как писал А. Т. Джангильдин в Наркомнац, «живут миллионы киргиз (казахов) и русских крестьян, из которых при добровольном наборе в первое же время можно навербовать в ряды социалистической армии не менее двух дивизий... Ввиду богатства хлебом, скотом, фуражом Киргизского (Казахского) края... армия может быть свободно обеспечена своими продуктами; также на месте в достаточном количестве имеются лошади для нужд кавалерии, артиллерии, обоза. Совершенно необходимо теперь же, не теряя времени, использовать эти громадные ресурсы и благоприятные условия для создания частей Красной Армии». Он обратился к Советскому правительству с просьбой отпустить Советам Казахстана оружие: винтовки, пулеметы, пушки, так как здесь «найдется достаточно людей для защиты Советской власти в рядах Красной Армии».

Во второй половине апреля 1918 г. А. Т. Джангильдин во главе делегации Тургайского облисполкома направился в Москву для получения вооружения, боеприпасов, других материалов и денежных средств, а также привлечения военных специалистов в качестве инструкторов по формированию частей Красной Армии в Казахстане. Как видим, он практически возглавлял деятельность местных партийных и советских органов по организации в крае вооруженных сил.

Здесь, в Москве, 21 апреля 1918 г. произошла вторая встреча А. Т. Джангильдина с Владимиром Ильичем Лениным[1]. Алиби Тогжанович рассказал Ленину о состоявшемся I Тургайском съезде казахских депутатов, о горячем стремлении казахских трудящихся поддержи-

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 395—396.

вать Советскую власть и политику партии большевиков, о создании первых красноармейских частей из казахских красных аскеров и обратился с просьбой поддержать это начинание вооружением и денежными средствами. В. И. Ленин одобрил действия А. Т. Джангильдина как комиссара Тургайской области и посоветовал ему шире развернуть советское строительство и подготовку к созданию казахской советской автономии, рекомендовал приблизить агитационно-пропагандистскую и организационно-политическую работу к трудовым массам. По указанию В. И. Ленина при Наркомнаце был создан Казахский отдел, призванный представлять краевые советские органы в столице и координировать деятельность центральных учреждений в Казахстане. Совнарком также выделил вооружение и снаряжение на 25 тыс. человек для красноармейских частей, формировавшихся в крае. Учитывая энергичную деятельность А. Т. Джангильдина и его роль в становлении Советской власти на казахской земле, СНК РСФСР назначает его своим чрезвычайным комиссаром Степного края, а наркомат по военным делам — военным комиссаром Тургайской области.

Ободренный и вдохновленный новой встречей с В. И. Лениным, поддержкой Советского правительства, Алиби Джангильдин страстно пропагандирует и проводит в жизнь ленинскую национальную политику, активно участвует в подготовке краевого съезда Советов Казахстана. Он шлет телеграммы во все областные и уездные центры обширного края с предложением провести выборы делегатов на этот съезд. По инициативе А. Т. Джангильдина Тургайский облисполком принял решение перенести место своего пребывания из Оренбурга, куда царизм вынес административный центр области, в Кустанай — самый большой город области того времени и находившийся в районе, где проживало большинство казахского населения. Это было важно еще и потому, что Тургайская область оказалась отрезанной от Оренбурга дутовскими бандами, занявшими временно Иргиз и Тургай.

Члены Тургайского облисполкома во главе с А. Т. Джангильдиным, образовав красноармейский отряд в 40 человек, решили пробиться в Кустанай через Бузулук, Кинель, Уфу, Челябинск и Троицк. Однако в

результате начавшегося мятежа чехословацкого корпуса, поддержанного местной контрреволюцией, путь в Кустанай оказался отрезанным. Тургайский облисполком вместе с красноармейским отрядом отступил из Уфы в Симбирск, а затем перебрался в Казань. Обстановка с каждым днем ухудшалась. Гражданская война захлестнула большую часть страны. Белоказаки вновь захватили Оренбург и начали продвижение в глубь казахских степей в направлении Советского Туркестана. Здесь образовался Актюбинский фронт. В большинстве районов Казахстана власть перешла в руки общероссийской и местной контрреволюции. Молодая Страна Советов оказалась в опасности. Мирное социалистическое строительство было сорвано. На первый план встали вопросы вооруженного отпора интервентам и белогвардейцам.

В этих условиях А. Т. Джангильдин правильно определил свою задачу: оказать помощь советским войскам, особенно частям Актюбинского фронта, который с севера прикрывал Советский Туркестан, препятствовал распространению колчаковщины далее на юг и был той реальной силой, которая могла содействовать успешному прорыву блокады советских районов Казахстана и Средней Азии и соединению их с Советской Россией. 24 июня 1918 г. он выезжает в Москву и обращается в Наркомат по военным делам с просьбой срочно отпустить деньги и оружие для формирования красноармейских частей и создания отряда, чтобы пробиться в Казахстан на Актюбинский фронт через Астрахань — Красноводск — Ашхабад — Ташкент.

При поддержке В. И. Ленина и Я. М. Свердлова Алиби Джангильдину выделили несколько десятков миллионов рублей, а также орудие, боеприпасы и медикаменты. Был одобрен и маршрут доставки. В Тамбовской губернии А. Т. Джангильдин сформировал отряд, основу которого составили сотрудники Тургайского военного комиссариата и интернационалисты из бывших военнопленных сербов, венгров, австрийцев, немцев и других. В начале августа 1918 г. отряд и эшелон с вооружением прибыл в Астрахань. Здесь бойцы экспедиционного отряда приняли участие в подавлении вспыхнувшего накануне их прибытия контрреволюционного мятежа и одновременно узнали, что путь на Красноводск закрыт,

его захватили английские интервенты. Тогда на двух шхунах «Абассия» и «Мехди» было решено плыть на Мангышлак и оттуда добираться до Актюбинского фронта. Это был поистине героический поход. За два с половиной месяца интернациональный отряд А. Т. Джангильдина прошел около тысячи километров по безводным местам и 11 ноября 1918 г. прибыл на станцию Челкар, где находились тыловые части советских войск.

По всему пути следования А. Т. Джангильдин неустанно разъяснял цели партии большевиков, создавал органы Советской власти. В разработанной им инструкции заместителю чрезвычайного комиссара Степного края по Мангышлакскому уезду говорилось: «Для того, чтобы провести в жизнь Советскую власть, вы должны наблюдать, чтобы вся власть в уезде сосредоточивалась в аульных, волостных, городском и уездном Советах киргизских (казахских) и рабочих депутатов и чтобы в эти Советы избирались действительные представители трудового народа». Большое внимание А. Т. Джангильдин уделял созданию на местах вооруженных отрядов для защиты прав трудящихся.

Местное население добровольно оказывало бойцам отряда необходимую помощь, предупреждало о местонахождении белогвардейских и алашордынских банд. Состоявшийся вскоре съезд представителей двенадцати волостей Адаевского уезда единодушно заявил о своей полной готовности оказать возможную помощь сражающимся красноармейским частям и призвал всемерно укреплять Советскую власть на местах.

Героическая эпопея интернационального отряда под командованием А. Т. Джангильдина вписала яркую страницу в летопись самоотверженной борьбы с контрреволюцией в Казахстане. Этот успех был вызван массовой поддержкой трудящихся аулов, которые не только помогали продовольствием, но и добровольно вступали в его ряды. За время похода численность отряда возросла со 130 до 600 человек.

В Казахстан было доставлено 20 тыс. винтовок, 2 млн. патронов, 10 тыс. бомб и другое вооружение, много медикаментов. Испытывавшие острую нужду в оружии и боеприпасах бойцы Актюбинского фронта получили значительную поддержку.

Своевременная и эффективная помощь из Москвы подняла настроение и боевой дух бойцов, позволила войскам 19 декабря 1918 г. перейти в наступление и освободить Оренбург. Связь Советского Казахстана с центральными районами Советской России, о чем мечтал А. Т. Джангильдин, была восстановлена. Объединенное заседание Тургайского областного и Актюбинского уездного исполкомов объявило отряду благодарность за проявленные в походе отвагу и героизм. Впоследствии за эту операцию ВЦИК наградил А. Т. Джангильдина орденом Красного Знамени.

4 декабря 1918 г. значительная часть бойцов интернационального отряда во главе с А. Т. Джангильдиным отправилась из Челкара в Иргиз, затем в Тургай на помощь партизанам, героически сражавшимся под предводительством Амангельды Иманова против колчаковцев и алашордынцев. В середине декабря 1918 г. вместе с Иргизским русско-казахским отрядом, возглавляемым И. Ф. Киселевым и Б. Алмановым, отряды А. Т. Джангильдина и А. Иманова освободили Тургай и восстановили в уезде Советскую власть. Амангельды Иманов был назначен военным комиссаром Тургайского уезда.

На освобожденной территории Казахстана А. Т. Джангильдин продолжал проводить большую работу по формированию красноармейских частей и включению их в активные боевые действия против колчаковцев и алашордынцев, находившихся к северу от Тургая: в Кустанае, Кокчетаве и Атбасаре. Только в течение января — марта 1919 г. А. Т. Джангильдин и А. Иманов создали в Тургае два эскадрона кавалерии в 300 всадников, инструкторскую школу на 30 человек и пулеметную команду. Кроме того, были сформированы отряды в Челкаре и Иргизе общей численностью 500 человек.

А. Т. Джангильдин последовательно отстаивал интернационалистский принцип формирования частей Красной Армии, решительно боролся против попыток обособления казахских национальных частей, создания особой казахской армии.

По Положению о Киргизском военном комиссариате, принятом 3 апреля 1919 г., Кирвоенкомат должен был стать центральным военным органом только для казахов. Правильно оценив ситуацию, А. Т. Джангильдин

выступил против такого принципа. «При проведении этого в жизнь,— писал он,— придется в тех областях, где население смешано, а таких большой процент, иметь по два военных комиссара, одного — для русского и другого — для киргизского (казахского) населения, каждый из которых будет фактически формировать войска из своей национальности.

Между тем практика показала, что русское население, давно вкрапившееся в среду киргиз (казахов), тут акклиматизировалось, ознакомилось с его бытом, приспособилось к киргизской (казахской) жизни, даже сроднилось, ознакомившись с его бытом, обычаями, языком, и готово служить на какой угодно службе одинаково с последним... В данное же время мне известно, что русское население смотрит на добровольный прилив киргиз (казахов) в армию, как на товарищескую поддержку и встречает его с должной оценкой».

Претворяя на практике интернациональный принцип формирования Красной Армии, А. Т. Джангильдин настойчиво ломал сопротивление различного рода бюрократов, тормозивших оказание помощи Казахстану в создании, обучении и вооружении красноармейских частей, неоднократно обращался в правительство молодой Советской республики с письмами и телеграммами, в которых он сообщал об активной поддержке казахским народом Советской власти и просил об оказании помощи денежными средствами, оружием, военным снаряжением. На многих из них имеются резолюции и пометки В. И. Ленина.

Участвуя в формировании красноармейских частей и освобождении Казахстана от белогвардейцев, А. Т. Джангильдин вел активную общественно-политическую деятельность: восстанавливал Советы, помогал формировать местные партийные организации, так было в Кустанае, Тургае и Иргизе. Весной 1919 г. он совместно с членом Особой (временной) комиссии по делам Туркестана П. А. Кобозевым участвовал в работе VII Чрезвычайного съезда Советов Туркреспублики, рассмотревшего вопросы экономического положения республики, организации комитетов бедноты и земельно-водных комитетов, вовлечения трудящихся местных национальностей — казахов, узбеков и других — в советское строительство и ряды Красной Армии.

В разгар работы съезда А. Т. Джангильдин получил телеграмму о вызове его в Москву. По дороге он остановился в Самаре и в штабе Южной группы войск Восточного фронта с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым договорился о создании казахской кавалерийской дивизии в Букеевских степях.

В Москве в Наркомнаце А. Т. Джангильдин был подключен к работе по созданию первого высшего государственного органа в Казахстане — Военно-революционного комитета по управлению Киргизским (Казахским) краем — Кирвоенревкома. Три месяца пребывания в столице были заполнены ежедневной напряженной деятельностью. В ходе этой работы А. Т. Джангильдин встречался и беседовал с М. М. Калининым, И. В. Сталиным, другими представителями ЦИКа, СНК РСФСР и различных наркоматов.

В первой половине мая 1919 г.[1] состоялась третья встреча А. Т. Джангильдина с Владимиром Ильичем Лениным. В ходе беседы были затронуты вопросы будущего Степного края. «В. И. Ленин говорил о том,— вспоминал А. Т. Джангильдин,— что Казахстану должно быть предоставлено право на самоопределение. Советская власть должна оказывать всяческое содействие народам Востока, стать для них родной властью». По инициативе В. И. Ленина А. Т. Джангильдин был введен в состав формировавшегося Кирревкома и получил мандат, подписанный председателем СНК РСФСР. 10 июля 1919 г. после завершения работы над проектом и рассмотрения его в СНК РСФСР В. И. Ленин подписал «Положение о Революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем». 3 августа Кирревком в полном составе прибыл в Оренбург и приступил к работе. В него вошли: С. С. Пестковский — председатель, члены — А. Т. Джангильдин, А. Айтиев, С. Мендешев и другие.

А. Т. Джангильдин по поручению Ревкома выехал на Восточный фронт и в составе 35-й дивизии 5-й армии М. Н. Тухачевского участвовал в освобождении северных районов Казахстана. Здесь он руководил восстановлением Советской власти, мобилизовывал казахских

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976, т. 7, с. 198.

трудящихся на борьбу с колчаковцами и алашордынцами. Алиби Тогжанович сформировал казахский кавалерийский полк, который в ноябре 1919 г. освободил Атбасар, а затем двинулся на Тургай, где окопались алашордынцы. Полк, в котором вначале насчитывалось 400 человек, по мере продвижения в глубь степей все время пополнялся новыми добровольцами и вскоре достиг более тысячи человек. Этому в немалой степени способствовала большая агитационно-пропагандистская работа. «В аулах, где проходили,— писал А. Джангильдин,— мы проводили митинги, беседы, распространяли воззвания, которые заготовили еще в Кустанае перед отъездом. В листовках мы объясняли цели и задачи Советской власти и необходимость ее защиты в интересах трудового народа».

В начале декабря 1919 г. был освобожден Тургай и арестовано большинство главарей Алаш-Орды. А. Т. Джангильдин организовал расследование гибели народного героя Амангельды Иманова, которое показало всю низость и подлость алашордынцев, уничтоживших славного сына казахского народа.

О кипучей энергии А. Т. Джангильдина в восстановлении Советской власти в Казахстане и освобождении его от белогвардейцев свидетельствует отправленный в ЦК РКП(б) на имя Е. Д. Стасовой доклад. «В город Тургай,— писал в нем Джангильдин,— я вступил 5 декабря, где создал революционный комитет, который тотчас же приступил к организационно-творческой работе в уезде..., наладив работу в Тургайском уезде, намереваюсь пройти в глубь степей, по направлению к Акмолинской и Семипалатинской областям, где буду восстанавливать Советскую власть, а также задерживать и обезоруживать отступающие от Омска казачьи банды, чтобы таковые не могли сконцентрироваться в степях».

Наряду с вооруженной борьбой А. Т. Джангильдин как член Кирвоенревкома активно участвовал в подготовке и проведении Учредительного съезда Советов Казахстана, провозгласившего в октябре 1920 г. создание Казахской АССР. В своем выступлении он подчеркнул, что «киргизский (казахский) народ уже давно осознал, какую важную роль занимает Коммунистическая партия». На съезде А. Т. Джангильдина избрали членом ЦИК КАССР и его Президиума, назначили наркомом

социального обеспечения первого правительства республики и утвердили представителем казахского народа в Совете пропаганды и действия народов Востока, который находился в Баку. В последующем А. Т. Джангильдин был непременным участником всех республиканских съездов Советов, бессменным членом КазЦИКа и его Президиума, затем депутатом и заместителем Председателя Верховного Совета Казахской ССР.

Первый коммунист-казах А. Т. Джангильдин принимал самое деятельное участие в формировании местных большевистских организаций края, в становлении и идейно-организационном укреплении республиканской партийной организации. На первом совещании активных советских работников Казахстана в Актюбинске (январь 1920 г.) А. Т. Джангильдин был одним из тех, кто выступил с идеей создания краевого партийного центра. Эта мысль была поддержана, и 12 апреля 1920 г. на расширенном заседании коммунистической фракции Кирвоенревкома было создано Временное организационное бюро Киркрая. А. Т. Джангильдин стал его членом. Он был введен и в состав Киргизского (Казахского) областного бюро РКП(б), образованного ЦК партии 30 апреля 1920.

Занимаясь вопросами партийного строительства, Алиби Тогжанович проявил себя принципиальным коммунистом, стойким большевиком, убежденным интернационалистом. Он активно и последовательно боролся за генеральную линию партии против троцкистов и национал-уклонистов, за единство и сплоченность партийных рядов. Страстный оратор и превосходный публицист, он весь жар своей души отдавал пропаганде идей марксизма-ленинизма, политики партии в массах.

Одним из ярких эпизодов агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности А. Т. Джангильдина явилось создание им Красного каравана. Используя опыт агитационной работы, накопленный в походе интернационального отряда через мангышлакские степи в годы гражданской войны, а также агитационно-пропагандистских поездов и пароходов, в составе которых видные деятели партии и Советского государства, как, например, М. И. Калинин, Н. К. Крупская и другие, выезжали на фронты и в отдаленные районы для ведения массово-политической работы, А. Т. Джангильдин

предложил организовать пропагандистский караван КазЦИКа. Киробком РКП (б) и ЦИК республики одобрили эту идею, и в 1922 г. такой караван был создан.

В его состав были включены представители обкома РКП (б), ЦИК Казахской АССР, всех наркоматов, ВЦСПС, обкома комсомола, Центросоюза, РОСТА, Военкомата, ученые-этнографы — всего около 40 человек. А. Т. Джангильдин был назначен политическим комиссаром и руководителем каравана.

20 мая 1922 г. Красный караван двинулся из Оренбурга в Орск, обследовал Орский и Адамовский уезды и углубился в степь. Члены каравана по пути следования проводили митинги и беседы, в которых разъясняли населению внутреннее и международное положение страны, сущность новой экономической политики и продналога, пропагандировали передовые методы обработки земли и ухода за скотом, вопросы раскрепощения женщин и др. А. Т. Джангильдин позже писал в Киробком и КазЦИК, что на встречах с населением «задавались разумные, подчас мудрые вопросы по самым разнообразным и интересующим их жизненным вопросам государства, и видно было, как этот народ, в своем громадном большинстве способный, восприимчивый и разумный..., обещает много, если дать истинно коммунистическое, правильное воспитание». Созданное при коллегии каравана бюро жалоб из представителей наркоматов юстиции, внутренних дел и ГПУ занималось разбором просьб и заявлений населения, принимало оперативные меры по их решению. Всего было рассмотрено около 600 жалоб и заявлений трудящихся.

Приезжая на места, политотдел каравана проводил совместные заседания с уездными и волостными комитетами партии, советскими органами, где намечался план работы, затем члены Красного каравана с представителями местных партийных и советских органов обследовали данный уезд или волость, знакомились с состоянием их экономики, изучали политическое настроение жителей. Итоги подводились на объединенных заседаниях политотдела с органами местной власти, где определялись конкретные практические предложения по устранению тех или иных недостатков. Копии протоколов передавались в обком партии и КазЦИК для информации. Такая организация работы

способствовала укреплению контактов с местным населением, устранению недостатков, налаживанию правильной деятельности партийных и советских органов на местах.

Комиссар каравана Джангильдин принимал самое деятельное участие во всех мероприятиях, выступал на митингах, проводил беседы. Особое внимание он уделял постановке партийно-политической и агитационно-массовой работы партийными комитетами среди населения. Красный караван встречали радушно, в его честь устраивали народные праздники. Люди приезжали, чтобы послушать Алиби Тогжановича, которого весь казахский народ традиционно воспринимал как посланца В. И. Ленина, партии большевиков, Советского правительства. Высокий политический и моральный авторитет А. Т. Джангильдина самым благоприятным образом сказался на миссии Красного каравана.

За два с половиной месяца лета 1922 г. караван прошел с запада на восток республики более 3 тыс. километров, побывал в 37 аулах 26 волостей 4-х губерний — Оренбургской, Кустанайской, Акмолинской и Семипалатинской. В Атбасаре, Акмолинске, Каркаралинске, Павлодаре, на Спасском медеплавильном заводе и на Экибастузских угольных копях состоялись многочисленные встречи с рабочими. 9 августа 1922 г. Красный караван закончил свой путь в Семипалатинске, где был также устроен общегородской митинг, на котором А. Т. Джангильдин говорил о торжестве Советской власти в казахской степи, задачах социалистического строительства в крае, ленинской заботе о казахских трудящихся.

По возвращении в Оренбург А. Т. Джангильдин представил в Киробком РКП (б) обширный доклад о состоянии партийно-политической и агитационной работы, вскрыл наиболее типичные недостатки в деятельности местных органов, поделился своими впечатлениями, внес конкретные предложения по улучшению работы уездных и волостных партийных комитетов. Живые, острые и глубокие наблюдения А. Т. Джангильдина о положении на местах помогли обкому партии в налаживании действенной партийно-политической работы, улучшению классового состава Советов на выборах 1922 г.

Пленум Казахского обкома партии в октябре 1922 г. принял специальную резолюцию «О Красном караване», в которой отметил, что деятельность каравана была весьма полезной в отношении ознакомления широких слоев населения с задачами и целями партии, основными положениями советского строительства, сбора информации о положении на местах. На основе материалов, представленных А. Т. Джангильдиным, пленум указал на необходимость усиления контрпропагандистской деятельности против алашордынско-байских происков, проведения воспитательной работы среди молодежи и женщин.

По примеру Красного каравана Киробкома РКП(б) и КазЦИК подобные караваны стали организовываться и на местах. Так, Букеевский губком партии в июле — августе 1922 г. снарядил и направил в волости караван, который посетил 24 аула.

В целом красные караваны оправдали себя как одна из удачных и эффективных форм политической и культурно-просветительной работы среди трудящихся, укрепления связи партии с массами, сплочения их вокруг политики Коммунистической партии и Советского государства. Позже, в 1928 г., А. Т. Джангильдин еще раз как политический комиссар провел республиканский Красный караван от Оренбурга через Актюбинск в степи Мангышлака. Это было время активной борьбы партии против остатков троцкизма, решительного наступления на национал-уклонизм, широкой пропаганды первого пятилетнего плана и мобилизации масс на его выполнение. Разъясняя интернационалистскую сущность политики партии, А. Т. Джангильдин в своих выступлениях указывал на огромное значение пятилетки для Казахстана, борьбы против вековой отсталости, ликвидации фактического неравенства, успешного продвижения к социализму, минуя капитализм. Он призывал трудящихся еще теснее сплотиться вокруг партии и как результат партийно-политической работы отмечал, что «...росло массовое желание вступить в партию, в особенности среди казахских юношей и девушек».

Широкая партийно-политическая деятельность А. Т. Джангильдина высоко ценилась коммунистами республики. Они неоднократно избирали его в состав Киробкома РКП(б), Казкрайкома ВКП(б), а затем

ЦК Компартии Казахстана. Он был непременным участником всех республиканских партийных конференций и многих съездов. Замечательный сын казахского народа, большевик-партиец, интернационалист по духу А. Т. Джангильдин до последних дней своей жизни, оборвавшейся в 1953 г., на всех этапах и участках социалистического строительства последовательно и неуклонно отстаивал идеи ленинизма, был верен делу Великого Октября. В годы восстановления народного хозяйства и позже он плодотворно трудился на посту наркома социального обеспечения республики (1921—1929 гг.), был председателем Казкрайкома союза Кошчи (1925—1929 гг.), председателем ЦК крестьянского общества взаимопомощи (1925—1927 гг.). В период довоенных пятилеток он многое сделал для индустриального и аграрного развития Советского Казахстана, подъема его науки и культуры. Он проводил большую идейно-воспитательную работу, пропагандировал среди молодежи революционные традиции старшего поколения, в 30-х годах возглавлял республиканскую комиссию по делам красногвардейцев и красных партизан.

Высокое чувство гражданственности особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. В письме на имя Председателя Государственного Комитета Обороны в тревожные дни июля 1941 г. А. Т. Джангильдин писал: «Я, старый большевик-партизан, не могу в такой ответственный момент, переживаемый нашей Родиной, оставаться в стороне и не принимать участия в защите ее от гитлеровских захватчиков и прошу Вас зачислить меня в ряды Красной Армии на любой участок. Отдавая свою жизнь в распоряжение нашей великой партии Ленина, я, как и в 1917—1920 гг., выполню свой долг перед социалистическим Отечеством».

И хотя попасть в ряды действующей армии сам А. Т. Джангильдин не смог, так как стране и в тылу нужны были надежные кадры, три сына Алиби Тогжановича сражались на фронте, и двое из них погибли.

С огромной энергией, несмотря на свой уже немолодой возраст, А. Т. Джангильдин в годы войны участвовал в формировании воинских частей и воспитании бойцов и командиров, занимался размещением людей, эвакуированных в Казахстан промышленных предприятий из оккупированных немецко-фашистскими захват-

чиками районов страны, передавал свой большой жизненный опыт молодым партийным и советским работникам. После войны он продолжал вести большую общественно-политическую работу, вместе со всем советским народом восстанавливал народное хозяйство. Советское правительство высоко оценило заслуги А. Т. Джангильдина в строительстве социализма и защите социалистического Отечества, наградив его орденом Ленина.

Сегодня имя ленинского посланца в Казахстане Алиби Тогжановича Джангильдина живет в благодарной памяти потомков, в великих свершениях советского народа.

Красный директор

Глубокой осенью 1921 года в кабинет управляющего делами Совнаркома РСФСР Н. П. Горбунова вошел только что назначенный новый директор Риддера Р. А. Дрейман. Кем был этот человек? Почему именно ему В. И. Ленин, Коммунистическая партия доверили важнейшее дело восстановления цветной промышленности Казахстана?

Рудольф Ансович Дрейман родился 11 февраля 1887 г. в Газенпотском уезде Курляндской губернии. Отец работал каменщиком, мать — наемной рабочей. В 1900 г. Рудольфу удается закончить трехклассное городское училище и поступить рассыльным в редакцию газеты «Либауше цайтунг» («Либавская газета»), а затем — курьером в другую редакцию — «Либавские новости». Именно там в 1901 г. он приобщился к революционной работе.

В том же году в Либаве происходит забастовка рабочих. Активное участие в ней принимал старший брат Рудольфа — рабочий проволочного завода Янис Дрейман, поэтому полиция произвела обыск на квартире Дрейманов. Это было первое революционное «крещение» Рудольфа. Как пишет Рудольф Ансович в автобиографии, он увидел, что «правительство ведет определенную борьбу против улучшения поло-

жения рабочих»[1]. Об этом Дрейман и опытный революционер Ландер разговаривали частенько.

С 1903 г. начинается новый этап в революционной деятельности Рудольфа Дреймана. Он еще больше сблизился с Ландером, работавшим теперь в редакции газеты «Либавский ллойд», куда перешел и Рудольф. В корзинке с ужином для брата, работавшего нередко в ночную смену, Рудольф носил прокламации и запрещенную литературу. Однако вскоре газету «Либавский ллойд» закрыли, Ландеру пришлось скрыться. И родители Рудольфа, почувствовав, что он участвует в какой-то опасной запрещенной работе, отправили сына к родственникам в деревню.

Возвратившись через несколько месяцев в Либаву, Рудольф через брата устанавливает связь с местными социал-демократами. В 1904 г. он работает учеником токаря в небольшой механической мастерской и посещает вечерние технические курсы. Чересчур скромный заработок заставил вскоре оставить мастерскую. Рудольф поступает на завод «Феникс», где вместе с опытным революционером Небалгом создает кружок социал-демократов, за что вскоре администрация завода увольняет его. Рудольф опять работает в небольших мастерских, но так как за ним закрепилась худая слава «политического», то его снова и снова увольняют.

В эти годы Рудольф Дрейман много учится: заканчивает городское элементарное училище в г. Либаве и трехгодичные вечерние технические курсы. Однако основной формой учебы была самостоятельная: юноша изучает «Капитал» К. Маркса, в кружках постигает азы марксистской теории. В написанной на него спустя 20 лет характеристике ответсекретаря Усть-Каменогорского укома РКП(б) есть такие строки: «...Систематического марксистского образования не получил. Проявляет умение ориентироваться в практической обстановке, руководствуясь марксистскими методами. Является практиком марксизма»[2].

В апреле 1905 г. Р. Дрейману удается устроиться учеником токаря на завод «Везувий», где действовала

---

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 3, д. 294, л. 1.
[2] Там же, л. 4об., 7; ф. 141, оп. 16, д. 1790, л. 7—8.

довольно сильная социал-демократическая группа. Это было время, когда пролетариат России решительно выступил против царизма, залившего кровью рабочих улицы Петербурга. По заданию Либавского комитета РСДРП Рудольф принимает участие в организации забастовок, политических выступлений пролетариата, подготовке вооруженного восстания. Либавский комитет РСДРП поручает ему создать в городе военную организацию, установить связь с крепостным саперным батальоном.

Первое боевое крещение Дреймана произошло осенью 1905 г., когда он вместе с другими революционерами освободил из Гробинской военной тюрьмы трех социал-демократов. Затем Рудольф участвовал в ряде партизанских вооруженных выступлений латышских пролетариев. Бои с правительственными войсками вспыхивали то в Риге и Либаве, то в Резекне и Крустпилсе. Рудыс (эта уменьшительная форма имени Рудольфа становится партийной кличкой Дреймана) во главе боевой дружины три дня сдерживал натиск противника под городом Газенпотом. Дружинники были неплохо вооружены, ведь Р. Дрейман в период подготовки восстания ведал подпольным складом оружия. Но силы оказались неравными. Уцелевшие дружинники, среди них Рудыс, вынуждены были скрываться. Вот как об этом пишет Р. А. Дрейман в автобиографии: «В ноябре 1905 года перешел на нелегальное положение. В декабре был арестован: попал в засаду возле дома, где жили мои родители, но при переводе из полицейского участка в тюрьму удалось бежать. После этого переехал в Ригу».

Царизм жестоко мстил участникам революционных выступлений 1905 г. Схвачен и расстрелян старший брат Рудольфа Янис Дрейман. Та же участь грозит и младшему. Но сознание опасности лишь делает его предприимчивее и сильнее. Вместе с группой товарищей Рудыс освобождает участников вооруженного восстания, которым грозит смертная казнь.

После этой операции Рудольф бежит в Смоленск. Но полиции уже известны приметы Рудыса, его задерживают. По дороге в Либаву Рудольфу удается скрыться. Однако через несколько дней его все же схватили. Следствие длилось до марта 1907 г., и в конце концов

2*

за отсутствием достаточных улик молодого человека освободили, ограничившись высылкой в Олонецкую губернию.

В начале мая Р. А. Дрейман с тремя другими ссыльными бежит. И вот он в Риге. Работает в подпольной типографии на Никольской улице. При перевозке печатного станка в более безопасное место подпольщиков схватывает полиция. Дреймана конвоируют в Либаву, где судебные власти предъявляют ему сразу три обвинения. Однако Рудыс уже опытный революционер. Ему удается доказать, что преступлений, в которых его обвиняют, он совершить не мог, так как находился в тюрьме. Его переправляют снова в Ригу, в сыскное отделение, где подвергают пыткам, требуя сведений о деятельности подпольной типографии. «Ввиду большой слабости моего организма,— пишет Р. А. Дрейман в автобиографии,— скоро впал в обморок и, таким образом, от типографии отделался». Ничего не добившись, в январе 1908 г. власти вновь высылают Р. А. Дреймана в Олонецкую губернию.

В связи со снятием военного положения в Курляндской губернии Р. А. Дреймана в конце 1908 г. освобождают и призывают в армию. Он служит в телеграфной роте 2-го Сибирского саперного батальона, ведет революционную пропаганду среди солдат, становится одним из организаторов «Кружка содействия развитию революционного движения в России». Кружок организует два массовых выступления солдат: одно — демонстративные похороны убитого офицерами члена кружка солдата Кудряшова, в которых принял самовольное участие почти весь саперный батальон и часть железнодорожного батальона; другое — коллективное выступление против плохой пищи, которой кормили солдат в Верхнеудинске. Весь ужин из баков был вылит на крышу и стены батальонной кухни.

В мае 1911 г. Р. А. Дрейман по болезни получает годичный отпуск от военной службы и возвращается в Либаву. Но из-за слежки и частых обысков переселяется в Ригу, где полиция его знала меньше. Рудольф устраивается на завод «Саламандра» и вновь с головой уходит в революционную работу. В конце 1911 — начале 1912 гг. в квартире Р. А. Дреймана полиция производит ряд обысков, следуют непродолжительные аресты,

но так как найти доказательств антиправительственной деятельности Дреймана не удается, то его отпускают, отдав под гласный надзор полиции.

В июне 1912 г. срок отпуска закончился и Рудольф вынужден был вернуться в армию для продолжения военной службы. Теперь он служит не в далекой Березовке Забайкальской области, а в Двинске, в 20-м саперном батальоне. Еще в Забайкалье Р. А. Дрейман окончил школу телеграфистов, и ему было присвоено звание старшего унтер-офицера. Впоследствии знание телеграфного дела очень пригодилось ему в годы гражданской войны.

От военной службы Р. Дрейман освободился в марте 1913 г. и возвратился в Ригу на тот же завод «Саламандра». Рабочие избирают его членом правления союза металлистов, членом райкома больничных касс, членом рабочей группы Лифляндского губернского страхового присутствия. Он активно участвует в работе нелегальной социал-демократической организации. Так, сочетая легальную и нелегальную работу, Р. А. Дрейман вел среди рабочих марксистскую пропаганду.

С началом первой мировой войны Р. А. Дрейман полностью на стороне большевиков, он открыто выступает против братоубийственной бойни. С закрытием властями профсоюза металлистов Рудыс активизирует революционную работу в оставшихся легальных рабочих организациях. Однако и здесь работать становится все труднее. В ноябре 1914 г. за агитацию рабочих против войны следует новый арест и административная высылка в Нарымский край. По воспоминаниям В. М. Косарева, члена партии с 1898 г., Дрейман сразу же влился в организованный ссыльными военно-социалистический союз «Война — войне». Союз вел работу среди войск Томского, Новониколаевского (Новосибирского), Красноярского и других гарнизонов царской армии. Зародился он в Нарыме в октябре 1916 г. Руководили им известные большевики И. Н. Смирнов, Н. Н. Яковлев, В. М. Косарев.

В Нарымском крае были три группы ссыльных: из уголовников — воры-рецидивисты; из так называемых «германских шпионов» — немцы и евреи Западного края; из «политических» — большевики, меньшевики, эсеры, анархисты. В годы войны группа «политических»

росла особенно быстро. Полиция пополняла ее арестованными из Петрограда, Москвы, Риги. Так, в конце 1916 г. сюда прибыли крупные работники РСДРП из Центральной России и Латвии. «Почти весь латышский ЦК РСДРП был в Нарымской ссылке»,— вспоминал В. М. Косарев [1].

В конце 1916 г. царские власти снова мобилизуют Р. А. Дреймана в армию. Дела на фронте шли настолько плохо, а численность ссыльных так быстро увеличивалась, что правительство, видимо, решило убить «двух зайцев»: увеличить количество «пушечного мяса», а заодно избавиться от «политических». Так, Р. А. Дрейман оказался в Томске в 25-м Сибирском стрелковом полку, где его и застала февральская революция. По списку большевиков Рудольфа Дреймана избирают членом исполкома Томского Совета солдатских депутатов, одновременно — членом фракции большевиков в городской думе и председателем Томской общегородской больничной кассы.

В дни Октября Рудольф Ансович в первых рядах борцов за Советскую власть в Сибири. По распоряжению Совета он во главе артиллерийской батареи спешит на помощь красноярским товарищам, потом на подавление мятежа юнкеров в Иркутске, на помощь омским большевикам против ополчившейся сибирской контрреволюции. В период метяжа белочехов Р. А. Дрейман по заданию партии работал телеграфистом в Томске, обеспечивая связь с фронтом. В связи с временным успехом колчаковцев Р. А. Дрейман во главе красногвардейского отряда эвакуируется на пароходе «Тюмень» в сторону Екатеринбурга, где вместе с отрядом вливается в состав Екатеринбург-Челябинской группы советских войск. С июня по ноябрь 1918 г. Рудольф Ансович выполняет обязанности начальника связи этой группы войск, затем комиссара телеграфа штаба 3-й армии.

В конце 1918 г. ЦК РКП (б) направляет Р. А. Дреймана на Западный фронт и назначает начальником связи погранотряда ВЧК. После освобождения Риги он избирается в ЦИК Латвии и одновременно становится комиссаром сообщений республики. Однако Советская власть в Латвии продержалась всего несколько месяцев.

---

[1] Сибирские огни, 1922, № 1, с. 65, 69.

В тяжелые дни отступления Рудольфу Ансовичу была поручена эвакуация железнодорожного имущества. Старый большевик Ян Вилкс вспоминал:

«Я лично узнал Дреймана, работая с ним несколько дней в Ревкоме Латвии в мае 1919 г., когда мы организовали эвакуацию под натиском железной дивизии немцев, бело-латышских и бело-эстонских частей. ...Направляя колонну гужевого транспорта своего Цесисского уезда, я увидел Дреймана на узловой станции Гулбене и залюбовался тем, как он хладнокровно отправлял в тыл состав за составом каждые четверть часа. Отрадно было смотреть, как на глазах тает огромный затор из поездов, прибывших со всех концов Латвии. Дрейман рассказал, как еще больший затор уже ликвидирован на узловой станции Крустпилс. Благодаря ритмичному ходу эвакуации и организации самообороны эшелонов наступавшие совсем недалеко вражеские войска ни разу не помешали вывозу материальных ценностей и людей, а банды „зеленых", хоть и постреливали, не смогли причинить никакого вреда.

Подвижной состав был переправлен на железнодорожные пути РСФСР настолько полно, что по мирному договору с буржуазным правительством Латвии в 1920 г. пришлось многое вернуть, но усилия Дреймана не пропали: люди, подвижной состав, материальные ценности — все это влилось в Красную Армию, способствовало победе над врагом».

20 февраля 1920 г. по представлению Заграничного комитета Коммунистической партии Латвии и постановлению ЦК РКП(б) Р. А. Дрейман откомандировывается в распоряжение Ревкома Сибири. Здесь он назначается членом правления одного из первых советских трестов — Ангараметалл. С этого момента и до конца жизни трудовой путь Р. А. Дреймана оказался тесно связанным с развитием металлургических предприятий нашей страны.

Одним из таких предприятий был Риддер. До Великой Октябрьской социалистической революции риддерские рудники и заводы входили в состав Русско-Азиатского объединенного общества, учредителями которого были русские и иностранные концессионеры — Ф. А. Иванов, М. М. Федоров, А. К. Шаров, В. В. Меллер-Закомельский, Лесли Уркарт, Д. П. Митчель,

И. И. Вебстер и др. У концессионеров были обширные планы по развитию концессии, однако их осуществлению помешала Великая Октябрьская социалистическая революция. 17 мая 1918 г. по постановлению Советского правительства риддерские рудники и заводы были национализированы. Не желая сотрудничать с Советской властью, концессионеры и приглашенные ими иностранные специалисты стали покидать Риддер. С началом гражданской войны производственная деятельность на риддерских предприятиях замерла.

Часть оборудования и многие здания пришли в негодность. Шпалы железнодорожной ветки сгнили, в мастерских заржавели станки, полной реконструкции требовали водоотливные и подъемные устройства рудников. В то же время большинство шахт, в которых не производилось никаких работ, оказались затопленными.

Действующие предприятия терпели острую нужду в денежных средствах, оборудовании, одежде и продовольствии для рабочих.

Первая попытка восстановить рудники и пустить в ход остальные предприятия была сделана весной 1921 г. Работу возглавили коммунисты: управляющий Е. Ф. Домненко; председатель рудкома А. А. Корпусенко — старый большевик, отбывший царскую каторгу в Сибири; А. П. Шипунов, С. А. Тихановский и др. В течение нескольких месяцев шли откачка воды, ремонт шахт, строительство электролитного завода, ремонт сернокислого завода, обогатительной фабрики и другие строительные и ремонтно-восстановительные работы. Был подобран новый административно-технический и хозяйственный персонал.

Велико было желание трудящихся далекого алтайского поселка пустить в ход свои предприятия. Их не пугали огромные трудности. В письме к В. И. Ленину общее собрание союза горнорабочих Риддера 21 июня 1921 г. заверяло: «...Клянемся своими рабочими жизнями, что мы отдадим все, что есть — наши жизни для борьбы с нашей хозяйственной разрухой. Клянемся, что мы, рабочие, восстановим все риддерские рудники, фабрики и заводы»[1].

---

[1] См.: Трудящиеся Казахстана — В. И. Ленину. Алма-Ата, 1960, с. 91.

Однако для выполнения этой громадной работы одного энтузиазма было недостаточно. Нужны были станки, мощные насосы, вспомогательные технические материалы, денежные средства... Не было еще и эффективного способа обработки сложных по составу риддерских руд. В результате героические усилия рабочих Риддера весной и летом 1921 г. не увенчались успехом. С. А. Тихановский так вспоминал об этом спустя 20 лет: «...Рабочие бросились их (рудники.— *авт.*) откачивать, но одной бадейкой много не сделаешь, особенно на голодный желудок»[1].

Пришлось ограничить программу более узкими рамками: ремонт водопроводящей канавы, достройка электролизного завода с постановкой опытов по электролизу руд, ремонт механического и строительного цехов. К концу года количество рабочих и служащих было сокращено до 700, а затем до 348 человек.

Отрицательно влияла на восстановление Риддера затянувшаяся передача рудников и заводов от Сибсовнархоза к Кирпромбюро. Передача эта осуществлялась в связи с включением Семипалатинской губернии в состав вновь образованной Казахской АССР. В июне — июле 1921 г. между Москвой, Усть-Каменогорском, Оренбургом (столица КАССР) и Семипалатинском, а также Омском, где находилось управление уполномоченного Кирпромбюро, и Новосибирском — центром Сибревкома и Сибиромбюро ВСНХ шла оживленная переписка о дальнейшей судьбе риддерских рудников и заводов. Представитель Сибпромбюро ВСНХ Е. Ф. Домненко, назначенный управляющим Риддера, резко возражал против его передачи Казахстану, мотивируя это тем, что «у Кирпромбюро нет ни политических, ни административных, ни технических сил, могущих руководить нами». Ссылаясь на интересы страны в металлах, Е. Ф. Домненко настойчиво требовал оставить Риддер в ведении сиборганов. В телеграмме В. И. Ленину от 25 июня 1921 г. он даже подводил своеобразную теоретическую базу под свои требования, доказывая, что «придется перенести опять тяжелый период организации новой власти, которой все же будут ближе интересы киргизского народа, совершенно чуждого

---

[1] Большевик Алтая, 1941, 22 января.

промышленной деятельности и занимающегося исключительно животноводством»[1].

Е. Ф. Домненко был, конечно, не прав, опасаясь, что с передачей Риддера Казахстану работа на нем затормозится и даже замрет. Хотя у молодой Казахской республики и не имелось опытных кадров, а также технических средств для восстановления такой важной отрасли промышленности, как цветная металлургия, все же следовало иметь в виду, что в восстановлении Риддера будет принимать участие вся страна. Слишком большую ценность, с точки зрения стратегических целей, представлял богатый металлами район. Ведь в риддерских рудах содержалось пять важнейших компонентов: цинк, свинец, медь, золото и серебро. Кроме того, Домненко не понимал политического и морального фактора передачи Риддера Казахстану, а также той роли, которую Риддер должен будет впоследствии сыграть как кузница пролетарских кадров для всей промышленности республики.

Современники вспоминают Елисея Фроловича Домненко лихим партизанским командиром, привыкшим к методам уходившего периода «военного коммунизма» и абсолютно не понявшим ни нэпа, ни задач национальной политики партии.

Большую известность получила запись беседы В. И. Ленина с Е. Ф. Домненко, состоявшейся между 11 и 17 сентября 1921 г. Управляющий Риддером не пожалел красок, чтобы показать героические усилия, предпринятые под его руководством для восстановления рудников [2]. Теперь ясно, что Домненко сильно приукрашивал положение, считая, что это ложь во спасение. Хотел в глазах вождя революции выглядеть героем, сумевшим поднять рабочий класс на восстановление Риддера. Получив дополнительные полномочия СНК РСФСР и Высшего совета народного хозяйства [3], Е. Ф. Домненко стал еще активнее противодействовать передаче Риддера Казахстану. Вернувшись в Риддер, он

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 817, л. 34, 36—37.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 183; Ленинский сборник XXIII, с. 65.
[3] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1980, т. 11, с. 355.

посылает лично Председателю Совнаркома паническую телеграмму о том, что, мол, пока он ездил в Москву рудник был явочным порядком захвачен представителем Кирпромбюро Ивановым, все работы остановлены, рабочие распущены, его ближайшие сотрудники от руководства отстранены, а вместо них уполномоченный Кирпромбюро Иванов назначил «явных и скрытых врагов Советской власти, агентов капиталиста Уркарта»[1].

Эту депешу приняли в Кремле 29 сентября. Ильич был нездоров и, стремясь его не волновать, управляющий делами СНК Н. П. Горбунов вручил ее В. И. Ленину только 3 октября, за что получил резкое письменное замечание[2]. Некоторые места в телеграмме Домненко Ильич подчеркнул дважды и трижды, отметил восклицательными и вопросительными знаками, затем потребовал немедленного расследования обстоятельств дела.

В тот же день управляющий делами Совнаркома Н. П. Горбунов направил в адрес Сибревкома телеграмму, в которой говорилось: «Предсовнарком крайне удивлен предполагаемой отставкой Домненко. Немедленно телеграфируйте, кто, когда поднял вопрос отстранения Домненко, какие причины. Какие конфликты происходили у Домненко. С кем, когда? Сообщите точно даты и фамилии»[3].

В ответной телеграмме председателя Сибсовнархоза Г. И. Ломова сообщалось, что «вопрос отставки Домненко поднят предсибревкомом Смирновым лично [во] время его посещения Риддера. Домненко скомпрометирован в глазах Кирвластей, категорически протестующих [против] дальнейшего оставления его [на] руднике»[4].

Действительно, как оказалось, телеграмма Домненко искажала фактическое положение вещей на Риддере. Ни ЦИК КАССР, ни Кирпромбюро не давали указаний о приостановке работ на рудниках. Об этом докладывал В. В. Куйбышеву, являвшемуся в то время председателем ВСНХ, уполномоченный Кирпромбюро Ерошкин.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 817, л. 44—45; Ленинский сборник XXIII, с. 67.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 237. ЦГАОР СССР, ф 130, оп. 5, д. 817, л. 50.
[4] Там же, л. 52.

Оказалось также, что отстранение от работы и арест ряда должностных лиц связаны с совершенными ими уголовными преступлениями. Об этом сообщил В. В. Куйбышеву следственный отдел ВЧК.

Тогда же В. И. Ленин получил письмо председателя Сибревкома И. Н. Смирнова, побывавшего на Риддере вместе с заместителем председателя Сибревкома, членом Сиббюро ЦК РКП(б) Н. П. Брыковым. «Общее впечатление,— говорилось в нем,— такое: запустение, разруха и разброд среди рабочих и администрации». Сообщая далее о полной непригодности Домпенко как руководителя Риддера, И. Н. Смирнов дает ему следующую характеристику: «Домненко работает сверхударным порядком, терроризируя и рабочих, и администрацию. Весь технический персонал заявил, что не могут с ним работать, и просил оттуда перевода. Рудком также не может с ним работать». Далее в письме говорилось, что у Домненко нет плановости в работе, что с партийными и профсоюзными организациями у него полный разлад, и притом он страшный самодур. Делая вывод о том, что Домненко должен быть срочно убран с Риддера, И. Н. Смирнов заключает: «На Риддер нужен человек спокойный, умный и знающий. Такого можно дать»[1].

Получив письмо И. Н. Смирнова, В. И. Ленин пишет ему ответное с запросом, почему своевременно ему не были сообщены упомянутые выше сведения о положении риддерских рудников, кто поставил Домненко на должность управляющего Риддером и кто может его заменить?[2]

Проведенные в СНК, Наркомнаце и Высшем Горном Совете ВСНХ консультации показали, что необходимо срочно укрепить Риддер опытным администратором, не скомпрометировавшим себя в глазах руководящих органов Кирреспублики (Казахстана). 6 октября 1921 г. в адрес ЦИК КАССР, Кирпромбюро и Сибревкома, а также Сибпромбюро и управлений риддерских, экибастузских и зыряновских рудников, составлявших единое

---

[1] ЦПА ИМЛ ЦК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 21178, л. 1—2.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 430; см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 237—238.

целое с риддерскими предприятиями, была подготовлена телеграмма за подписью В. И. Ленина [1], в которой указывалось, что в отмену ранее посланных телеграмм Риддерский, Зыряновский, Экибастузский и все мелкие рудники, расположенные в этих районах, со всем оборудованием остаются в ведении Кирпромбюро. Этой же телеграммой Е. Ф. Домненко освобождался от занимаемой должности и на его место назначался Рудольф Ансович Дрейман.

Ленинская телеграмма от 6 октября 1921 г. имела громадное историческое значение для Казахстана. Она не только закрепляла за республикой крупный регион, населенный в значительной степени коренным казахским населением, но давала также программу работ в этом регионе на несколько лет вперед. В телеграмме предлагалось начать в ударном порядке ремонт подъездных путей на всех рудниках, приводной канавы на Риддере, строительство опытного электролитного завода, отремонтировать риддерскую обогатительную фабрику и др.[2].

С чего же начал Р. А. Дрейман выполнять ленинское задание? Он вспоминал:

«В октябре 1921 г. по распоряжению Владимира Ильича Ленина я был назначен директором Риддерского рудника... Перед отъездом зашел в Совнарком, но с Владимиром Ильичем на этот раз встретиться не удалось. Управляющий делами СНК тов. Горбунов передал мне от имени Ильича несколько напутственных указаний... Владимир Ильич называл Риддер богатейшим в мире месторождением цветных металлов, напоминал, что иностранцы вновь добиваются концессии на рудник. Поэтому он предлагал мне своей работой доказать, что молодая Советская власть может эксплуатировать свои богатства и без помощи иностранцев.

В один из октябрьских дней я выехал из Москвы. На Риддере был полный застой. После революции уркартовцы затопили все шахты. Откачивать воду не было никакой возможности, потому что насосы остались

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 441; см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 243—244.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 244.

внизу. Узкоколейная дорога была разрушена. Единственным способом сообщения с уездным Усть-Каменогорском была старенькая дрезина. На протяжении 96 километров мы шесть раз сваливались с рельсов. Ставили дрезину обратно, двигались дальше. Село Риддер, где жили рабочие, производило убийственное впечатление — холод, мрак, мертвая тишина. Предстояло найти подход к людям, потерявшим веру и надежду...»[1].

Положение на Риддере действительно было крайне тяжелым. В течение ряда месяцев рабочие и служащие предприятия не получали зарплату, а забронированные Риддеру с 1 ноября 1921 г. 500 продовольственных пайков не поступали. Не было оборудования, машин и насосов для откачки воды, не хватало инженеров и других специалистов цветной металлургии, остро ощущался недостаток денежных средств. Рабочие были полураздеты и разуты. Бедственное положение горняков Риддера ярко характеризует протокол партийного собрания, состоявшегося 10 октября 1921 г., накануне приезда Р. А. Дреймана на рудник. Обсуждался вопрос о командировании нескольких коммунистов на политкурсы в Усть-Каменогорск. «Желающих ехать на курсы,— записано в протоколе,— находится много, но ввиду того, что многие служат в Риддерском предприятии, уход их на курсы сопряжен с отдачей выданного им обмундирования и обуви. Вопрос вызвал горячие прения между членами РКП и политкомом Риддерского предприятия тов. Шишкиным, который, обрисовав критическое положение предприятия с обмундированием, не может поступить иначе, как снять с отъезжающих обмундирование и обувь».

Люди не могли уехать на учебу, потому что надеть было нечего. В опросном листе рабочей Марии Воробьевой в графе «ежемесячный заработок» записано: «Получки нет никакой»[2].

12 ноября 1921 г. состоялось очередное партийное собрание риддерцев. Доклад вновь избранного члена волостного парткома А. А. Дмитриева был посвящен трудовой дисциплине. «Среди широких масс,— говорил Дмитриев,— распространились упорные слухи о сво-

---

[1] За индустриализацию, 1935, 8 января.
[2] ПА ВКО, ф. 39, оп. 1, д. 3, л. 93—94; д. 2, л. 34.

бодном труде, каковой истолковывают так: хочу работаю, хочу нет». Докладчик объяснил, что это в корне неверно. Выступил и новый управляющий предприятием Р. А. Дрейман. Он напомнил, что победы над вооруженным до зубов, сытым, хорошо одетым противником были одержаны потому, что рабоче-крестьянская Красная Армия была спаяна боевой дисциплиной, крепкой сознательностью. То же и на фронте труда. Без железной дисциплины не победить.

Рудольф Ансович детально знакомился с бытом рабочих и служащих Риддера. Заходил в дома, выяснял, сколько может дать пашня, какие овощи растут в огороде, кто держит корову. Надо было учесть все продовольственные ресурсы, чтобы продержаться до осени». «Красный директор» выслушивал мнения людей насчет того, как хотя бы частично пустить мастерские, обогатительную фабрику, электростанцию.

Своим среди рабочих Дрейман стал и потому, что сам умел работать на любом станке, старался понять устройство любого незнакомого механизма, отремонтировать его.

Он учил людей тому, что хорошо знал, и всему полезному учился у других, особенно у специалистов, которые стремились доказать, что русская техническая школа может превзойти иностранные. Старые инженеры, такие, как Врублевский и Державин, поначалу не слишком доверяли большевику Дрейману, советскому строю. Но специалистов увлекла деловая творческая энергия Рудольфа Ансовича.

В те дни риддерцам приходилось вести борьбу с многочисленными врагами Советской власти, скрытыми и явными. В Риддере были и саботажники, и самогонщики. В окрестных горах гуляли банды. Против них нередко выступал отряд ЧОН во главе с бывшим латышским стрелком В. П. Лигером-Свирским. Его жена Э. И. Свирская, руководившая в те годы риддерским женсоветом, вспоминает: «Однажды в штаб ЧОН входит человек выше среднего роста в потертой шинели и шапке-буденовке. Представился: „Дрейман". Пришел к мужу, чтобы стать на учет в качестве бойца.

— А вы на какую должность приехали?

— Управляющим предприятия.

— Так примите в отряде командный пост.

— Э, нет. Командных дел на рудниках хватит. А из винтовки стрелять умею, знаю пулемет.

Посмеялись, быстро сдружились...»

Части особого назначения не только сражались с бандитами, скрывавшимися в горах. В спокойные дни они занимались военной подготовкой, чистили оружие, участвовали вместе с горняками в субботниках. Рассказывая о первой встрече Р. А. Дреймана с ее мужем — командиром Риддерского отряда ЧОН, Э. И. Свирская продолжает: «Договорились вынести на партийное собрание вопрос о планомерном проведении субботников по откачке рудников. Отдельно собрать кустарей, горняков, занятых сельским хозяйством.

— Я к ним подход найду, сам рабочий,— сказал Дрейман.

— На откачку рудников будем выходить всем отрядом ЧОН,— решил муж.

Потом оба работали на субботниках, порой по пояс в ледяной воде, стремясь извлечь затопленные насосы. Каково же было ликование, когда достали первый насос!»

1922 г. был, по существу, первым годом работы Р. А. Дреймана на Риддере. Для предприятия это был очень трудный год. Работы на рудниках велись медленно. Производилась откачка воды в шахтах, ремонт подъездных путей и шахтных построек, другие восстановительные работы. В центре возобновились переговоры с английским капиталистом Л. Уркартом о возможности сдачи Риддера в концессию. Состоявшееся 16 марта 1922 г. заседание президиума ВСНХ, учитывая, что в Советской России еще не было разработанного метода обогащения в заводских условиях сложных полиметаллических риддерских руд, постановило: считать необходимым срочно изучить заграничные методы такого обогащения, а до того перевести Риддер на положение технической охраны, максимально сократив штат рабочих и служащих [1].

На положение технической охраны Риддер перешел в первой половине 1922 г. Штат рабочих и служащих сократили до 100 человек, но отпускаемых средств все

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 3429, оп. 5, д. 1488, л. 1—2.

равно не хватало. Тогда было решено перейти к добыче золота из окисленных риддерских руд, добытых еще до революции и лежавших в отвалах. Остальные же цехи поддерживались лишь настолько, насколько были нужны для этой работы.

Э. И. Свирская вспоминает: «В один из летних дней 1922 г. Рудольф Ансович с мужем пришли радостные, взволнованные. Обычно строгие глаза Дреймана блестели задорной лукавинкой.

— Что, видела?— Он положил на стол блестящий кирпичик.— Ожил рудник, ожил!

В кирпичике было 3—4 килограмма золота — первая продукция предприятия после концессии. Здесь же, в штабе ЧОН, упаковали драгоценный металл в коробочку. Муж с несколькими конниками отправился в Семипалатинск, чтобы сдать золото в Госбанк».

Производство золота позволило содержать небольшой штат рабочих и служащих сверх того, который был утвержден Риддеру. Осенью 1922 г. управляющий риддерскими рудниками был неожиданно вызван в Москву. Ему предложили доложить о состоянии дел в Риддере на заседании Совнаркома. Снова обсуждался вопрос: сдавать ли Риддер в концессию? Рудольф Ансович рассказывал потом, что для выступления ему было отпущено всего пять минут. Как тут изложить мысли, соображения, накопившиеся за последний трудный год? Но Владимир Ильич задавал четкие и ясные вопросы, и Рудольф Ансович уложился в отведенное для него время.

Как известно, сдача Риддера в концессию Л. Уркарту не состоялась: главным образом из политических и экономических соображений Советского правительства. Веское слово по этому вопросу сказала особая комиссия СТО РСФСР под председательством И. К. Михайлова, побывавшая в 1922 г. на Риддере. Риддерские рабочие, коммунисты, в том числе и Р. А. Дрейман, тоже высказались против концессии и считали целесообразным восстановить Риддер силами государства.

Однако для проведения серьезных восстановительных работ на рудниках нужны были огромные средства. Ведь только на подготовительные работы, как докладывал Р. А. Дрейман в Главное управление горной промышленности ВСНХ 4 сентября 1922 г., требовалось не

менее 1 млн. рублей золотом [1]. После отклонения проекта сдачи Риддера в концессию появилась надежда, что Риддер получит эти деньги. На собрании риддерской парторганизации 9 мая 1923 г., то есть вскоре после возвращения из Москвы, Р. А. Дрейман говорил: «...Принципиально решено в ВСНХ и Главном концессионном комитете рудник не сдавать, а восстанавливать средствами республики... Сейчас приступаем к составлению смет и планов и, весьма вероятно, что будут даны средства, приблизительно около 3,5 млн. рублей золотом».

Однако получить средства для восстановления риддерской промышленности ни в 1923, ни в 1924 году не удалось. Страна была слишком бедна и не смогла выделить даже несколько миллионов рублей на восстановление столь необходимых ей предприятий. Пришлось изыскивать средства на месте хотя бы для небольших ремонтных работ, чтобы просто сохранить имевшееся и поддержать небольшой штат рабочих и служащих Риддера.

Несмотря на отсутствие средств и оборудования, Риддер постепенно оживал. В этом была большая заслуга «красного директора» Р. А. Дреймана. Не случайно на заседании президиума Киробкома РКП(б) 19 июля 1923 г., на котором обсуждался доклад председателя комиссии по обследованию Риддера Г. М. Дунаева, было решено: «Предложить КирЦИКу отметить выдающуюся работу директора Риддерского рудника тов. Дреймана и принять меры к материальному вознаграждению его самого и его ближайших сотрудников»[2].

4 июня 1923 г. Р. А. Дрейман докладывал о состоянии риддерских рудников и заводов на заседании президиума Семипалатинского губкома РКП(б). Его доклад и выводы получили полное одобрение, хотя о финансовой поддержке предприятия в решении губкома партии ничего не было сказано. Еще через четыре месяца, 29 сентября 1923 г. губком РКП(б) вновь заслушал отчет Р. А. Дреймана о состоянии Риддера. И снова административно-хозяйственную линию работы Р. А. Дрейма-

---

[1] Рудный Алтай. Алма-Ата, 1985, с. 37.
[2] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 139, оп. 1, д. 543, л. 69 и об.

на признали правильной. Бюро губкома РКП(б) констатировало также значительный сдвиг в партийно-профессиональной работе среди рабочих риддерского предприятия, а также оживление работы на пути к полному его восстановлению. Одновременно рассматривался вопрос и об Экибастузе, тесно связанном с Риддером в хозяйственном отношении. Естественно, рассматривался вопрос и о финансовом положении обоих предприятий. Бюро губкома РКП(б) приняло решение создать при Семипалатинском губисполкоме специальную комиссию по изучению этого вопроса.

1 октября 1923 г. комиссия предлагала губкому партии: «В отношении Риддера одобрить производственную программу и план дальнейшего расширения предприятия, для осуществления которого отпустить единовременную ссуду Риддеру в сумме 10 тыс. червонцев. По вопросу о трестировании Риддера и Экибастуза признать желательным дополнительную проработку этого вопроса»[1].

Р. А. Дрейман вместе со своими помощниками разрабатывает план мероприятий по восстановлению риддерских рудников. Сметой на 1923/24 хозяйственный год предусматривалось: 1. Построить иловый цианистый завод для переработки роговиков и кварца мощностью на 6 тыс. пудов руды в сутки. 2. Провести подготовительные работы по горному отделу для суточной добычи руды в размере 6 тыс. пудов. 3. Увеличить мощь имевшейся гидроэлектростанции «Быструха». 4. Провести ремонт водоподводящей канавы и ларя гидростанции. 5. Отремонтировать квартиры и бараки для размещения рабочих.

Из имеющихся документов видно, что и эту сравнительно небольшую сумму (10 тыс. червонцев) получить не удалось. Держась почти исключительно месячными оборотами от реализации производимой продукции (золота), Р. А. Дрейману и его помощникам в основном удалось выполнить намеченную на 1923/24 хозяйственный год производственную программу и «выйти из создавшегося кризиса победителем». Особо следует отметить успешное завершение работ по строительству

---

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 139, оп. 1, д. 584, л. 92, 93, 200.

цианистого илового завода, вступившего в строй в октябре 1924 г. В телеграмме, подписанной Дрейманом и председателем рудничного комитета Куриловым, говорилось: «25 октября рабочие, служащие, технический персонал Риддера, собравшись по случаю пуска цианистого илового завода с производством пуда золота в месяц, шлют приветствие, дают торжественное обещание преодолеть все трудности, не сдавая [Риддер] в концессию, при поддержке центральной власти сохранить риддерское богатство пролетариату, восстановить свинцово-цинковое производство»[1].

С каждым днем росла и политическая активность риддерцев. «Оживление есть и в самой парторганизации,— сообщает в начале 1925 г. в ЦК РКП(б) орготдел Казкрайкома РКП(б).— Замечается более аккуратное посещение собраний, кружков. Школа политграмоты закончила свои занятия. Все окончившие школу для углубления знаний ведут занятия в агитпропколлективе. Совместно с ячейкой РКСМ издается стенная газета, выходящая два раза в месяц»[2]. Добавим, что газета эта называлась «Кайла» (кайло — один из простейших забойных инструментов того времени), редактором ее был комсомольский вожак Михаил Пойдо, удостоенный много лет спустя Государственной премии СССР за разработку установки по использованию атомной энергии.

Живо, интересно строил работу риддерский рабочий клуб — Дом горняка. Участники самодеятельности сочиняли злободневные сценки, куплеты, в которых высмеивались недостатки производства и некрасивые стороны быта. Проходили диспуты на политические и антирелигиозные темы, устраивались вечера вопросов и ответов, читались вслух газеты, велись кружки по ликвидации безграмотности. Рудольф Ансович Дрейман руководил политкружком, готовил комсомольцев для поступления в уездную партийную школу, часто беседовал с молодежью, рассказывая ей о деятельности революционеров-подпольщиков при царизме, отвечал на самые разные вопросы. Это был человек открытый и веселый, хотя и немногословный.

---

[1] Рудный Алтай, с. 44.
[2] Известия Казахского краевого комитета РКП(б), 1925, № 1, с. 26.

Партийные и хозяйственные руководители Риддера много заботились о подготовке рабочих кадров: надо было готовиться к предстоящему расширению работ. За квалифицированными рабочими закреплялись ученики, им помогали одеждой, питанием. Ф. С. Сиротин, ведавший в ту пору вопросами охраны труда в комсомольской ячейке Риддера, пишет в своих воспоминаниях, что устроить молодого человека в мастерскую, на лесопилку, в металлургический цех было крайне трудно: в стране безработица и на Риддере тоже. Дрейман, секретарь парткома Алчибаев, председатель рудкома Курилов делали все возможное, чтобы сохранить в поселке молодежь, особенно ребят, пришедших в Риддер из казахских аулов. Так постепенно складывался рабочий коллектив, один из отрядов многонационального рабочего класса Казахстана. Р. А. Дрейман, который вообще любил повозиться у станка, сам обучал молодежь токарному и слесарному делу. При этом повторял, что через год-другой его подопечные станут квалифицированным ядром многотысячного коллектива горняков, и не ошибся.

В 1925 г. в Риддере возникла первая в республике школа фабрично-заводского ученичества, хотя для нее не было отпущено ни средств, ни оборудования. Ее первый директор, ныне генерал-майор в отставке И. Д. Копылов, вспоминал: «Часто приходилось мне по делам школы встречаться с Рудольфом Ансовичем. Он проявлял к ней живой интерес. Видно, лучше других понимал, что пройдут годы, и из наших парнишек и девчонок — риддерских фабзайчат — вырастут командиры производства, инженеры».

В том же году в Риддер пришло радостное известие: январский (1925 г.) Пленум ЦК РКП(б) принял решение о первоочередном развитии цветной металлургии в Казахстане. Совет Труда и Обороны (СТО) СССР 6 марта 1925 г. постановил выделить 23 млн. рублей на развитие Риддера и Карсакпая [1].

В июне 1925 г. создается общесоюзный трест «Алтайполиметалл» с уставным капиталом 5 млн. рублей, в том числе 3,8 млн. рублей основного капитала. Созда-

---

[1] История государства и права Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961, т. 1, с. 280.

ние треста, объединившего риддерские и экибастузские предприятия в одно целое, поставило дело восстановления на практические рельсы. В течение только второй половины 1925 г. было построено здание обогатительной фабрики и цинкового завода, восстановлены горизонты Риддерского и Сокольного рудников, отремонтирована железная дорога Риддер — Усть-Каменогорск и ряд других объектов.

Все это позволило председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому сказать в докладе на Московской губернской партийной конференции 11 декабря 1925 г.: «Мы страшно бедны цветными металлами, у нас их нет на руках, но есть огромное количество их в наших недрах. Я могу сообщить вам радостную весть... мы пустили в работу и восстановили риддерские рудники, на которые претендовал Уркарт, и мы надеемся, что через несколько лет мы достигнем в этой области больших результатов, но для этого нам необходимо вложить средства»[1].

«Красный директор» Риддера достойно выполнил задание В. И. Ленина. В характеристике, утвержденной 17 февраля 1926 г. на заседании риддерской общезаводской ячейки накануне отъезда Рудольфа Ансовича Дреймана на новое место работы, говорилось: «...С общей работой Риддерского предприятия справился вполне удовлетворительно. Организовал первые опыты в СССР по электролизу цинка и постановке вопроса и пуске предприятия на средства СССР, не сдавая его в концессию... Отношение к рабочим хорошее и как товарищ ценный, очень выдержанный, среди рабочих пользовался авторитетом»[2].

В конце 1925 г. Казкрайком ВКП(б) переводит Р. А. Дреймана на партийную работу. V Всеказахская партийная конференция избрала его членом Казахской контрольной комиссии ВКП(б). 10 декабря 1925 г. президиум КК ВКП(б) обратился в Казкрайком с просьбой ускорить переезд Рудольфа Ансовича в Кзыл-Орду — тогдашнюю столицу Казахстана — для работы в краевой контрольной комиссии ВКП(б). Этот вопрос вызвал тре-

[1] *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения. М., 1957, т. 2, с. 188.

[2] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 16, д. 1790, л. 15.

ния между хозяйственными и партийными органами, так как ВСНХ не хотел терять такого хозяйственника, как Р. А. Дрейман. Об этом сообщал Казкрайкому ВКП(б) замзаворграспредом ЦК ВКП(б) Козлов. ВСНХ даже подал специальное заявление в управление кадров ЦК ВКП(б) с просьбой пересмотреть принятое в отношении Р. А. Дреймана решение. Однако ЦК ВКП(б) поддержал перевод Р. А. Дреймана на партийную работу. В марте 1926 г. Рудольф Ансович переехал из Риддера в Кзыл-Орду.

Однако на партийной работе Р. А. Дрейман пробыл недолго. Очень нужен был крупный хозяйственный работник для строившегося в Центральном Казахстане медеплавильного комбината. Учитывая большой опыт Рудольфа Ансовича, приобретенный им в годы восстановления Риддера, ВСНХ настойчиво обращается в Казкрайком и ЦК ВКП(б) с просьбой перевести Р. А. Дреймана на хозяйственную работу. 8 декабря 1926 г. президиум Казахской краевой контрольной комиссии, учитывая ходатайство бюро Казкрайкома ВКП(б) о выдвижении Р. А. Дреймана директором Карсакпайского медеплавильного комбината, постановил: согласиться с ходатайством Крайкома партии.

Рудольф Ансович снова становится руководителем строящегося предприятия. С 8 декабря 1926 г. по 1 апреля 1929 г. он директор комбината, а с 1 апреля по 25 сентября — заместитель управляющего треста цветных металлов «Атбасцветмет» Главного управления цветных металлов ВСНХ СССР. Новое предприятие возводилось в районе с суровыми климатическими условиями, где зима начиналась с середины ноября и продолжалась до конца апреля, причем в январе — марте свирепствовали жестокие снежные бураны. Связь с внешним миром из-за непогоды прерывалась на 5—6 недель. Не легче было и летом, когда чрезвычайная сухость воздуха (испаряемость — 30%) и непрекращающиеся ветры вызывали мощные песчаные бури и заносы.

Сильно осложняли работу разбросанность строящихся предприятий и недостаток транспорта. Комбинат состоял из Джезказганского рудника, Байконурских угольных копей, будущего Карсакпайского завода, включавшего флотационную фабрику и медеплавильный цех. Все это было сильно удалено друг от друга.

А вокруг безжизненная пустыня, на десятки километров ни одного населенного пункта. Ближайшая железнодорожная станция Джусалы — в 380, ближайший город Атбасар — в 530 километрах.

15 марта 1927 г. новый директор комбината докладывал пленуму Карсакпайского райкома ВКП(б) о трудностях решения транспортной проблемы. У комбината имелось всего 5 однотонных грузовиков, 130 верблюдов и несколько десятков лошадей. Между тем приходилось возить машины, крепежный лес, продовольствие за сотни верст — из Джусалов, Атбасара и даже Кустаная. Издалека приходилось доставлять уголь, руду. Предприятие нанимало возчиков среди казахов-кочевников, но они свои обязательства выполняли неаккуратно. Нормальной работе мешал кочевой образ жизни возчиков. Как только наступало лето, кочевое население уходило на джайляу.

Строительству предприятия противодействовали местные баи. Руководству комбината приходилось прибегать к различным поблажкам, уговорам, агитации, вплоть до поездок председателя треста и директора комбината к отдельным баям, под влиянием которых находились возчики, чтобы убедить в необходимости участвовать в перевозках и не мешать строительству комбината.

Одной из мер борьбы с байством была организация артелей возчиков. 19 мая 1928 г. Р. А. Дрейман писал по этому поводу заведующему транспортным отделом Карсакпайского райкома ВКП(б): «Считая важность организации таких артелей, необходимо оказать содействие в их организации, оформлении, укреплении... путем оказания преимуществ артелям перед байством»[1].

Возведению комбината мешала и текучесть кадров. Только за первые 7 месяцев строительства (с мая по ноябрь 1926 г.) на комбинат поступило 2510 человек, а уволилось — 2024. Палящее солнце летом, пронизывающие холода зимой, нехватка хорошей питьевой воды, плохо организованная медицинская помощь, скверное жилье — все это отпугивало рабочих. Комбинат вынужден был ввозить рабочую силу из централь-

---

[1] Госархив Карагандинской области, ф. 71, оп. 1, д. 72, л. 60.

ных районов страны, но это, с одной стороны, отражалось на стоимости продукции, а с другой — все равно не могло обеспечить строительство достаточным числом квалифицированных кадров [1].

Обстановка в Карсакпае была еще сложнее, чем в Риддере. Там, в горах Алтая, ядро коллектива составляли местные жители, горняки и металлурги, кровно заинтересованные в том, чтобы поднять предприятие, быстрее дать продукцию. Люди, приезжавшие в Карсакпайскую пустыню, думали прежде всего о заработке. Требовали нормальных условий жизни и подчас слышать не хотели о том, что эти условия предстоит создавать самим. Руководящие партийные и хозяйственные органы РСФСР и КАССР в 1926—1928 гг. получали множество писем, авторы которых сообщали, что на Карсакпайском комбинате всем командуют бывшие офицеры царской армии, грубо нарушающие принципы национальной политики партии, дирекция злоупотребляет служебным положением, жилье распределяется несправедливо и т. д. В Карсакпай выезжали комиссии, проверяли, констатировали: действительно, на строительстве много «бывших», аппарат комбината засорен людьми, «нелояльно относящимися к Советской власти, отличающимися грубостью в отношениях с рабочими и служащими»[2]. Но что делать, если в то время грамотные были в основном из бывших офицеров, писарей, служителей церкви? В одном из своих объяснений Р. А. Дрейман писал: «Для того, чтобы выполнить ту или иную работу, приходилось и приходится нанимать мало-мальски грамотного человека, не считаясь с его прошлым»[3].

Однако ни одна комиссия не сумела обнаружить фактов нарушения национальной политики партии, произвола и нарушений со стороны руководства Карсакпайского комбината. Наоборот, отмечалось, что «жилая площадь руководящего состава не является преувеличенной и даже является скромной». Так, Р. А. Дрейман с женой и сыном жил в квартире площадью всего 11 кв. сажен.

---

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 141, оп. 1, д. 1149, л. 7; ЦГА КазССР, ф. 787, оп. 1, д. 1544, л. 5.
[2] ЦГА КазССР ф. 787, оп. 1, д. 37, л. 25.
[3] Там же, д. 57, л. 12.

Чтобы решить на строительстве квартирный вопрос и тем самым повысить заинтересованность людей, было решено построить на Карсакпае 37 жилых домов. Еще 10 домов намечалось построить на Байконуре. К началу апреля 1927 г. уже была закончена каменная кладка 4 шестиквартирных домов и 10 четырехквартирных, началась постройка еще 10 домов. Одновременно начали ремонт имевшегося жилищного фонда. 8 марта 1927 г. фракция РКП(б) Атбасарского рудкома союза горнорабочих с участием Р. А. Дреймана приняла решение переселить рабочих из полуразвалившихся бараков в общежитие. При этом всех строителей предупредили, что по окончании ремонта в дома будут вселяться только постоянные рабочие. Так велась борьба против текучести, за слаженный рабочий коллектив.

Мог ли Рудольф Ансович предположить, что пустыня, которую осваивал руководимый им коллектив, через какие-то три десятка лет станет стартовой площадкой для полетов космических кораблей? Нет, конечно, ибо по революционному календарю шел всего лишь десятый год Советской власти.

Чтобы повысить квалификацию местных рабочих-казахов, уменьшить завоз рабочей силы из центральных районов страны, в Карсакпае организуются специальные курсы. В 1927 г. открывается фабрично-заводское училище. По инициативе Р. А. Дреймана создаются курсы для подготовки бурильщиков-казахов. Курсанты полностью освобождались от работы, а заработок их сохранялся. Затем курсантов направляли на практику на Урал. Через полгода они возвращались в Карсакпай мастерами своего дела.

Однако строительство подвигалось медленно. Не поступало в сроки заграничное оборудование, не хватало рабочих рук, были перебои в доставке продовольствия. Так, в начале января 1928 г. бураны, снежные заносы полностью отрезали Карсакпай от внешнего мира. Пришлось ввести нормы продажи хлеба, другие чрезвычайные меры. Дрейман находился в ту пору на станции Джусалы, куда выехал, чтобы затребовать помощь от губернских организаций. А на строительстве рабочие, подбиваемые антисоветскими элементами, прекратили работу. Устроили собрание, на котором требовали переизбрать профсоюзные органы, арестовать

дирекцию, объявить стачку. Как рассказывает очевидец, учитель-пенсионер К. И. Рогаткин, толпа рабочих учинила расправу над начальником продовольственного отдела комбината. Рудольф Ансович, который только что вернулся в Карсакпай, буквально ворвался в середину толпы и обратился к рабочим со словами о том, что самосуд облегчения принести не может, надо действовать по-иному. Директор комбината повел людей на расчистку трассы, по которой вскоре начали подвозить продукты.

Несмотря на трудности, дело на Карсакпае двигалось. Еще в мае 1926 г. дала ток заводская электростанция. В 1927 г. началась добыча медной руды. Осенью 1928 г. строительство Карсакпайского медеплавильного комбината было в основном закончено.

20 октября 1928 г. руководители треста «Атбасцветмет», который вел стройку, писали Главцветмету ВСНХ СССР: «Три года назад в глухой бесплодной степи, вдали от путей сообщения и населенных центров небольшая группа работников заложила первые камни строительства. Три года борьбы, и в степи возник оазис самой высокой индустриальной культуры, вырос рабочий город с населением в 7 тыс. человек, и хотя много еще предстоит работы, многое уже сделано. Завод пущен, дал первую медь, вся сложная цепь сооружений и механизмов себя оправдала. Увеличение выплавки с 5 до 7 и 10 тыс. тонн меди уже в настоящее время можно считать обеспеченным»[1].

Комиссия по проведению празднеств, связанных с пуском предприятия, докладывала Совнаркому КАССР: «Коллективными усилиями трудящихся, несмотря на исключительно тяжелые условия работы, под руководством партии и при неизменной поддержке ВСНХ создано еще одно социалистическое предприятие — Карсакпайский медеплавильный завод с годовым выпуском 5 тыс. тонн чистой меди. Созданное предприятие является первым крупным этапом дальнейшего развития казахской промышленности и роста молодого казахского пролетариата»[2].

---

[1] Госархив Карагандинской области, ф. 71, оп. 1, д. 58, л. 10.

[2] ЦГА КазССР, ф. 30, оп. 1, д. 897, л. 106.

В ознаменование пуска Карсакпайского комбината ЦИК КАССР 4 ноября 1928 г. принял постановление, в котором говорилось: «Восстановление и пуск Карсакпайского, крупнейшего в СССР, медеплавильного комбината имеет огромное значение для социалистической индустриализации, для социалистического строительства не только Казахстана, но и всего Советского Союза... Успешное восстановление и пуск комбината оказались возможными только благодаря пролетарской революционной преданности и самоотверженной и энергичной работе коллектива рабочих, инженеров и техников, администрации и служащих Карсакпайского комбината».

КазЦИК постановил ходатайствовать перед Всесоюзным ЦИКом о награждении коллектива, работавшего на стройке Карсакпайского комбината, орденом Трудового Красного Знамени. К этому ордену «за выдающиеся энергию и распорядительность, проявленные в труднейших условиях», был представлен и директор комбината Р. А. Дрейман [1].

В Карсакпае Рудольф Ансович оставался до октября 1929 г. Затем его перевели в Москву заместителем управляющего Всесоюзным трестом «Бурцветмет», осуществлявшим разведку полиметаллов в масштабе всей страны. Но связь с Казахстаном не прервалась. В начале 1930 г. Дрейман на длительное время приезжает по делам службы в Казахстан, затем командируется в Ленинград на курсы повышения квалификации руководителей промышленности. 1 ноября 1930 г. он назначается заместителем директора Всесоюзного института по разведке цветных металлов «Цветметразведка» с оставлением на курсах «красных директоров».

В начале 1932 г. партия направляет Дреймана в Среднюю Азию. Он — заместитель директора Средазполиметаллического комбината «Южцветметзолото», а с 1933 г.— директор строящегося медеплавильного завода на Алмалыкском месторождении (вблизи Ташкента). Сейчас Алмалык — город с многотысячным населением, а Р. А. Дрейман начинал там стройку буквально на пустом месте. С возникновением «Алмалыкстроя» специалисты начали изучать особенности здешних руд. Для этого по инициативе Р. А. Дреймана в Ташкенте

---

[1] ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 9, д. 218, л. 7.

был организован Государственный Среднеазиатский научно-исследовательский институт цветных металлов, и Рудольф Ансович, продолжая возглавлять стройку, становится директором института. Одновременно ему поручают руководство Киргизским рудоуправлением, расположенным недалеко от г. Фрунзе. Дороги, дороги... Дрейман любил свою беспокойную жизнь. Везде успеть, до тонкости узнать любое порученное дело...

А каким он был дома? Ташкентский инженер Леонид Дмитриевич Топорнин, близко знавший Р. А. Дреймана, вспоминает: «В быту Рудольф Ансович был предельно скромен. Например, помню, что в прохладную пору и во время поездок он всегда ходил в старом потертом кожаном пальто или брезентовом плаще; дома у них практически отсутствовала обстановка, если не считать простых железных кроватей, нескольких стульев и табуреток, простого стола и полки для книг. Жена и сын одевались также предельно просто и скромно. Помню также, что вначале они жили в сравнительно хорошей квартире, а потом эта квартира была отдана нуждающимся в жилье сослуживцам; а Р. А. Дрейман с семьей перебрался в маленькую квартиру, состоявшую из трех проходных комнаток, вытянутых в одну линию, причем в одной комнатке жил Володя, в проходной — он с женой, а третья была кухней и одновременно передней...

Рудольф Ансович был неразговорчивым, сдержанным, но не мрачным. Я ни разу не слышал, чтобы он на кого-нибудь поднимал голос. Говорил он обычно негромким голосом, ясными скупыми фразами. В нем не было ничего показного. Несмотря на такую внешнюю скромность, в нем чувствовался непреклонный железный характер. Все его распоряжения были разумными, никогда не оспаривались. Я видел, что он пользовался неподдельным авторитетом и уважением как у рабочих, так и у инженерного состава»[1].

16 декабря 1935 г. за умелое руководство золотой и цветной промышленностью Казахстана Р. А. Дрейман был награжден Президиумом КазЦИКа юбилейным значком «15 лет Казахстана». В наградном листе, вру-

---

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 3, д. 302, л. 2 и об.

ченном Рудольфу Ансовичу, говорилось: «Эта награда, являясь выражением огромного доверия Центрального Исполнительного Комитета Советов Казахской АССР..., обязывает награжденного быть передовым на фронте социалистического строительства и всегда быть готовым к обороне нашей великой Родины — СССР»[1].

Таким и был этот замечательный человек. В последней его характеристике, выданной Наркомтяжпрому СССР осенью 1937 г. партийной организацией Киргизского рудоуправления, говорилось: «Р. А. Дрейман, член партии с 1905 г., за время пребывания в рядах ВКП(б) взысканий не имел. Идеологически выдержан, дисциплинирован. Возлагаемые на него общественные обязанности выполняет аккуратно. Как хозяйственник т. Дрейман является крепким работником, знающим производство. Взаимоотношения с рабочими и специалистами хорошие»[2].

Где бы ни работал Рудольф Ансович Дрейман, куда бы ни направляла его партия — он до конца дней чувствовал себя посланцем Ильича.

---

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 3, д. 294, л. 35.
[2] Там же, д. 302, л. 36.

Несколько ленинских поручений

17 марта 1918 г. В. И. Ленин принял в своем рабочем кабинете Петра Алексеевича Кобозева и сообщил, что он направляется в Туркестан в качестве чрезвычайного уполномоченного Советского правительства.

Это было третье за время существования Советской власти ленинское поручение Петра Алексеевича. Ему поручалось оказать чрезвычайную действенную помощь партийно-советским органам районов полосы Оренбургско-Ташкентской и Средне-Азиатской железных дорог, а также крупнейшего пролетарского центра Закавказья — Баку.

Ильич вручил Кобозеву мандат следующего содержания: «Предъявитель сего, член Комиссариата путей сообщения инженер Петр Алексеевич Кобозев, кроме своих общих полномочий, снабжен чрезвычайными полномочиями в Средней Азии и Бакинской губернии, в целях принятия всех необходимых мер для обеспечения власти Советов Российской Федеративной Республики на местах, вплоть до руководства боевыми действиями воинских, флотских, красногвардейских и красноармейских сил, вызываемых или создаваемых вновь для борьбы с контрреволюцией.

Товарищу Кобозеву присваивается наименование: „Чрезвычайный Комиссар правительства в Средней Азии и Баку".

Все местные Советы, Советы смежных губерний и революционные организации, штабы всех воинских и вновь образовавшихся красногвардейских, красноармейских частей, равно и всякие иные правительственные учреждения оказывают П. А. Кобозеву всемерное содействие в области разрешения указанных выше задач.

Председатель Сов. Нар. Ком.—

В. Ульянов (Ленин).

Управл. делами Совета Нар. Ком.—

Влад. Бонч-Бруевич.

За секретаря Совета — *Л. Озеров*»[1].

Сложнейшие политические, военные, хозяйственные проблемы предстояло решать в условиях только что завоеванной в схватке с германским империализмом мирной передышки. На первом плане стоял вопрос о национально-государственном строительстве в Туркестане — огромном, многонациональном регионе. Там только что завершилась борьба с остатками последышей Керенского в Семиречье, где еще до 3 марта правил белоказачий войсковой совет. В туркестанской жемчужине — Фергане — совместно рабочие, дехкане, красногвардейцы ликвидировали кокандскую «автономию» — опасный центр буржуазной и феодально-националистической контрреволюции.

В Баку П. А. Кобозев должен был доставить признанному руководителю партийной организации города, испытанному большевику Степану Георгиевичу Шаумяну ряд ленинских директив и крупную сумму денег для нужд бакинского пролетариата, а также решить вопрос о переброске бакинской нефти в центр кружным путем — через Среднюю Азию и Казахстан.

Почему ленинский выбор остановился на П. А. Кобозеве? Думается, был ряд причин. Владимир Ильич к тому моменту уже хорошо знал члена партии с 1898 г. Петра Алексеевича Кобозева.

П. А. Кобозев родился 13 августа 1878 г. в бедной крестьянской семье в с. Песочня Рязанской губернии. После переезда родителей в Москву отец стал работать сцепщиком вагонов на Казанской железной дороге. Петр, окончив начальную школу, по настоянию матери поступил в духовную семинарию, но вскоре как зачин-

---

[1] См.: Революционеры, вожаки масс. (Славная плеяда коммунистов Узбекистана.) Ташкент, 1967, с. 101.

щик бунта был исключен и пошел работать. Однако его тянуло к знаниям. После самостоятельной подготовки он поступил в 4-й класс реального училища. Средства на учебу 18-летнему реалисту давали частные уроки, во время которых он натаскивал купеческих сынков по различным дисциплинам. В 1898 г. в жизни Кобозева произошло три знаменательных события: женился, поступил в Высшее техническое училище в Москве (ныне им. Н. Э. Баумана), где нелегальная организация РСДРП приняла его в свои ряды.

Студенчество оказалось коротким. Через год П. А. Кобозева выслали за участие во всероссийской студенческой забастовке сначала во Владимир, а затем в Ригу. Там, в железнодорожных мастерских слесарь П. Кобозев создает нелегальный кружок, устанавливает связь с Рижским комитетом РСДРП, входит в его состав. После раскола комитета на большевистский и меньшевистский П. А. Кобозев стал активным членом большевистского комитета Риги. Одновременно с работой в мастерских он освоил профессию железнодорожного машиниста, а вскоре поступил в Рижский политехнический институт, где сблизился с С. Г. Шаумяном. Окончив институт, Кобозев стал работать на вагоностроительном заводе.

В годы первой российской революции П. Кобозев — один из руководителей военной организации Рижского комитета большевиков, редактор нелегальной газеты «Голос солдата». По решению рижского партийного центра, в связи с угрозой ареста, Петр Алексеевич переезжает на Северный Кавказ, но охранка и там напала на его след. Пришлось перебраться в Москву. Активист железнодорожного райкома большевиков П. Кобозев наряду с Инессой Арманд и другими революционерами был задержан полицией и выслан в Ригу.

В 1915 г. неблагонадежного П. Кобозева из прифронтовой Риги переводят в Оренбург на строительство Орской железной дороги. Но уже в августе 1915 г. Кобозев по доносу арестован, выслан в Карелию на строительство Мурманской железной дороги, откуда осенью 1916 г. снова возвращен в Оренбург.

Большевистское подполье Оренбурга рекомендовало П. А. Кобозеву найти легальное прикрытие для пропаганды идей партии. Петр Алексеевич с группой ссыль-

ных добились права на издание газеты «Оренбургское слово». Она немало дала материалов, разоблачающих антинародную политику царизма и его аппарата на местах. В середине февраля 1917 г. П. А. Кобозев по делам дороги командируется в Петроград. Он деятельно включается там в усиление натиска на подгнившие устои монархии. После нескольких дней боев рабочие и солдаты Петрограда свергли самодержавие.

П. А. Кобозев вернулся из столицы в Оренбург в конце марта и сразу же включился в работу партийного комитета, в борьбу за ликвидацию прежнего аппарата власти. Съезд железнодорожников в апреле 1917 г. избрал П. А. Кобозева начальником и комиссаром Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Он энергично взялся за новое дело, используя свой пост для популяризации идей партии, установок В. И. Ленина. В Оренбурге П. А. Кобозев вступает в дискуссию с одним из видных меньшевиков-оборонцев Семеновым-Булкиным, развенчивает того, отстаивая основные положения ленинских Апрельских тезисов.

Став по воле железнодорожников временным комиссаром и начальником дороги, Кобозев делал все для того, чтобы труженики магистрали выполнили свою миссию авангарда революционных сил края. В результате в решениях съезда железнодорожников, в резолюциях собраний и митингов рабочих и служащих станций Актюбинск, Челкар, Перовск, Чиили, Казалинск был выражен решительный протест против антирабочей политики Временного правительства. «Понятно, почему этот учредительный съезд приводил меньшевиков и эсеров в особенное бешенство,— писал позднее Кобозев.— Прежде всего, им не нравилось само название — учредительный съезд, кроме того, вдвойне не нравилось, что учредительный съезд проводится на железной дороге под руководством большевиков, вырвавших Ташкентскую дорогу из рук соглашательских партий.

...Тогда Временным правительством была послана уже более серьезная группа на подкрепление в Оренбург. Это были: правительственные комиссары Щепкин, Чокаев и Преображенский (Щепкин — кадет, Чокаев — националист, Преображенский — эсер). Появление этой группы показывает, насколько выдающуюся роль играли Оренбург и вся железнодорожная магистраль Ки-

нель — Оренбург — Ташкент и насколько важное значение обладанию Ташкентской магистралью придавало Временное правительство Керенского, если оно решило действовать таким путем, подкрепив своих комиссаров группой генералов Дутова — Коровиченко*.

У меня сохранился ряд телеграмм Дорожного комитета, определенно квалифицирующего действия Временного правительства как изменника революции, как изменника народу в силу того, что оно не признало принципа учредительного собрания на частном примере Ташкентской железной дороги.

Таким образом, большевизм стал бесспорно господствующим течением на Ташкентской железной дороге»[1]. Да, так оно и было. Выражая волю съезда, его участники направили во все станции дороги телеграмму: «Выборные представители 15 тыс. мастеровых и рабочих 15 районов линии Ташкентской дороги приветствуют избрание инженера Кобозева на должность временного комиссара дороги»[2].

Эта телеграмма — яркое свидетельство того, что рабочие-железнодорожники знали Петра Алексеевича не только как последовательного борца за интересы пролетариата, но и высоко ценили как знающего дело специалиста-путейца. А ведь железная дорога была в то время, пожалуй, самой сложной технической системой. Больше того — огромным «живым организмом», поддерживающим нормальную жизнедеятельность всей страны.

С новым назначением забот прибавилось. Организовать бесперебойную работу железнодорожного транспорта, ремонт путей, вагонов, паровозов, да мало ли еще вопросов, которые требовали оперативного решения. Петр Алексеевич откликался на любую просьбу рабочих, жил их надеждами и тревогами, а главное вел активную идейно-политическую работу, разъяснял вопро-

---

* Полковники Дутов и Коровиченко были произведены в генералы уже после описываемых событий.

1 Казахстан в огне гражданской войны, с. 109—110.

2 См.: *Дударева Е. И.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбурге (март 1917 — июнь 1918 гг.). Оренбург, 1967, с. 23.

сы текущего момента, программные установки и тактику непролетарских партий, цели и задачи большевиков.

В апреле 1917 г. по инициативе П. А. Кобозева железнодорожный комитет организовал агитпоезд «Первомайская демонстрация». Проследовав вдоль всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги, работники агитпоезда на каждой станции проводили митинги и собрания — разоблачали политику Временного правительства. В крупных городах к участникам митингов присоединялись и воинские гарнизоны. Деятельность агитпоезда оставила яркий след в развитии революционного движения, глубоко запала в души всех, кто был охвачен его работой. «Хорошо помню тот весенний день 1917 г.,— вспоминал В. П. Билик, член КПСС с 1917 г.— Рано утром в солдатский комитет нашего 4-го Сибирского полка, дислоцировавшегося на станции Казалинск, пришел представитель комитета железнодорожников.

— Есть новости,— сообщил он,— сегодня приезжает Петр Алексеевич Кобозев.

...Встречать его мы пошли вместе. Когда прибыли на вокзал, там уже собралось немало людей...

Из служебного вагона на перрон сошел высокий мужчина с бородкой. Одет он был легко, хотя дул холодный порывистый ветер. Поправляя форменную фуражку инженера-путейца, поздоровался с железнодорожниками, потом подошел к нам, солдатам.

Завязалась беседа, которая очень скоро вылилась в митинг.

Кое-кто из железнодорожников попросил Кобозева рассказать о событиях в Петрограде. Петр Алексеевич поднялся на ступеньки вагона и говорил оттуда.

Дело было в апреле, приближался первомайский праздник*. Комиссар призвал рабочих и солдат выйти на демонстрацию под большевистскими лозунгами.

Кобозев не подлаживался под модный ложно-патетический стиль. И солдатам это нравилось. Но еще больше расположил он нас к себе, когда завел речь о ближайших задачах революции. Мы впервые услышали об Апрельских тезисах В. И. Ленина, в которых обосновывался план перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Заклю-

* По старому стилю его отмечали 18 апреля.

чительные слова комиссара «Вся власть Советам!» присутствующие встретили дружными аплодисментами»[1].

Страстная, образная речь П. А. Кобозева врезалась в память многим участникам митинга. Даже спустя сорок лет Р. Новицкий, член КПСС с 1918 г., отчетливо помнил слова большевистского комиссара: «Не ждите вы от Временного правительства улучшения своего положения — оно ваш злейший враг, оно, подобно раненому тигру, собирает силы, чтобы в удобный для него момент растерзать вас»[2].

ЦК партии в мае 1917 г. добился вызова П. А. Кобозева в Петроград. Петр Алексеевич становится одним из активистов столичной организации большевиков, избирается по ее списку в городскую думу, участвует в работе первого съезда Советов страны. Именно тогда он встретился с В. И. Лениным и, видимо, по рекомендации Владимира Ильича и его соратников Я. М. Свердлова, И. Арманд, М. И. Калинина и других стал привлекаться к решению крупных общепартийных задач. Одна из них — завоевание партией большинства в Советах, муниципалитетах, использование их аппарата для укрепления и расширения влияния большевиков на массы. Работая главным инспектором учебных заведений Министерства путей сообщения, Петр Алексеевич выполнял и множество партийных поручений. Бурная политическая жизнь столицы целиком захватила его. Лекции, митинги, выступления на рабочих собраниях, участие в демонстрациях требовали колоссального напряжения сил, воли, нервов. Но Петр Алексеевич, казалось, был не истощим: он жил революцией.

В августе в Петрограде началась подготовка к выборам в Центральную городскую думу. 8 августа на заседании узкого состава ЦК РСДРП (б) был заслушан доклад М. С. Урицкого о работе Петербургского комитета партии по подготовке муниципальной кампании. Как сообщил докладчик, ЦК провел большую подготовительную работу к выборам в Центральную городскую думу. Был составлен список кандидатов в 60 человек, выработан текст предвыборных воззваний — к рабочим, солдатам и женщинам, а также вынесено решение во

---

[1] Реввоенсовет нас в бой зовет. М., 1967, с. 26—27.

[2] В огне революции. Алма-Ата, 1957, с. 150.

время выборов организовать собрания во всех районах города [1]. ЦК большевиков одобрил план муниципальной кампании и список кандидатов, предложенный Петербургским комитетом [2]. 17 августа список кандидатов в думу от большевиков был опубликован. Среди имен видных деятелей партии, старых большевиков Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, А. Е. Бадаева, Д. З. Мануильского, А. Г. Шлихтера и других значилось и имя П. А. Кобозева.

Партия большевиков, используя предвыборную кампанию для расширения агитации в массах, организовывала и проводила многочисленные собрания и митинги, распространяла воззвания и листовки. Активное участие в этой работе приняли большевистские кандидаты в гласные думы, на которых выпала, пожалуй, самая большая нагрузка. Выступая перед рабочими, П. А. Кобозев с удовлетворением отмечал, что большевистские лозунги находят все больше и больше сторонников в массах трудящихся.

Выборы в городскую думу принесли несомненный успех большевикам. Всего в голосовании 20 августа участвовало свыше полумиллиона человек, из них 184 тыс. человек (33,5%) отдали свои голоса за большевиков, тогда как в мае — июне на выборах в районные думы Петрограда большевики собрали 20% голосов. Большевистская партия получила в городской думе 67 мест из 200 и вышла в столице на первое место среди других партий [3].

Учитывая возможности Центральной городской думы в осуществлении программных положений большевистской партии, ЦК обращал неослабное внимание на руководство большевистской фракции* и на внутриполи-

---

[1] Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий. Л., 1957, с. 421—422.

[2] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 16.

[3] См.: *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1968, т. 2, с. 653.

* Было организовано бюро фракции большевиков. В него входили: Авилов Н. П., Баранов Г. А., Бернштейн Н. И. (Ионов), Иоффе А. А., Калинин М. И., Кобозев П. А., Креер И. И., Милютин В. П., Миничев А. Г., Чудин Д. Я. (См.: Красная летопись, 1927, № 2, с. 193.)

тическую борьбу в самой думе. Уже 3 сентября ЦК большевиков, обсудив вопрос о кандидатах в товарищи (заместителях) городского головы и членах управы, постановил предложить фракции выдвинуть в исполнительные органы городской думы тт. Иоффе, Теодоровича, Шлихтера, Аксельрода, Пилявского, Мануильского, Товбина, Кобозева и Ханина [1]. Несмотря на активное противоборство эсеров, вступивших при выборах членов управы в блок с кадетами и примыкавшими к ним трудовиками и представителями плехановской группы «Единство», большевистской фракции при голосовании удалось отстоять свои кандидатуры. В состав городской управы были избраны шесть большевиков и в том числе П. А. Кобозев.

Разоблачая антинародную политику думы и Временного правительства, Петр Алексеевич часто выступал на думских заседаниях, прямо ставил вопрос: сохраняет ли городская дума нейтралитет или является заинтересованной стороной? Вот как описывал эти события их непосредственный свидетель Джон Рид, чья книга «10 дней, которые потрясли мир», по оценке В. И. Ленина, «...дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий...»[2]: «Смольный был почти пуст, но дума кишела народом. Престарелый городской голова с присущим ему достоинством протестовал против воззвания гласных большевиков...

Большевик член городской управы Кобозев заявил...: „Городской голова говорит, что мы не имеем права превращать думу в политическое собрание. Но все, что говорят здесь любой меньшевик и эсер, есть ни что иное, как партийная пропаганда, а у дверей они распространяют свои нелегальные газеты «Искру», «Солдатский голос» и «Рабочую газету», подстрекающие к восстанию. Что если бы мы, большевики, тоже начали распространять здесь свои газеты? Но мы этого не сделаем, потому что уважаем думу. Мы не нападаем и не собираемся нападать на городское самоуправление. Но

---

[1] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 41—42.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 48.

раз вы обратились к населению с призывом, мы имели право сделать то же самое..."»[1].

В первые дни октября 1917 г. политический кризис в стране подошел к своему пику. III Петроградская общегородская конференция РСДРП(б), рассмотрев положение дел в столице, подчеркнула, что большевики революционного Питера единодушно поддерживают ленинское предложение о немедленной организации вооруженного восстания. Отметим, что начало работы конференции — 7 октября 1917 г.— по времени совпало с нелегальным возвращением В. И. Ленина в Петроград. Спустя три дня состоялось историческое заседание ЦК РСДРП(б), которое приняло резолюцию, обязывающую местные организации приступить к подготовке восстания. Для практического осуществления этого курса намечался целый ряд мер. Политическое руководство всеми делами ЦК возложил на специально созданное Политбюро во главе с В. И. Лениным. Затем, как известно, последовало расширенное заседание ЦК от 16 октября, подтвердившее незыблемость взятого курса. Как и многие другие представители старой ленинской гвардии Петр Алексеевич Кобозев находился в гуще масс, делал все возможное, чтобы обеспечить успех восстания.

Оно началось 24 октября, а уже 25 октября Петр Алексеевич с волнением и гордостью читал строки знаменитого теперь обращения Военно-революционного комитета «К гражданам России!», написанного Ильичем, где возвещалось о победе социалистической революции.

Поздним вечером 25 октября начал свою работу II Всероссийский съезд Советов. Среди его делегатов был и П. А. Кобозев. Вместе со всеми большевиками он ликовал, слушая сообщение представителя ВРК о взятии Зимнего дворца, аресте членов Временного правительства. С огромным вниманием Петр Алексеевич слушал А. В. Луначарского, зачитавшего делегатам съезда ленинское воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», где говорилось, что «...опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки... Съезд постановля-

[1] *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 175—176.

ет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...» [1].

Делегаты съезда единодушно проголосовали за принятие ленинского воззвания. В воспоминаниях П. А. Кобозева, равно как и в воспоминаниях других старых большевиков, слишком скупо рассказано об участии в подготовке восстания, о работе съезда Советов. Это и понятно. Главным для них было делать революцию, а не писать о ней. Но нам представляется важным хотя бы отчасти воспроизвести при помощи записей прогрессивного американского журналиста Альберта Риса Вильямса настроение делегатов съезда сразу после принятия упомянутого воззвания. «Что тут поднялось!..— писал он.— Люди от радости плакали и обнимались. Повскакали и понеслись с сообщениями курьеры. Застучали телеграфные ключи, зажужжали телефоны. На фронт помчались автомобили. Над реками и равнинами полетели аэропланы. Радио передало эту весть за океан. Все сообщали о великом событии! Воля революционных масс победила. Советы стали правительством»[2].

Известно, что революции всегда противостоит контрреволюция. Силы старого мира попытались с помощью оружия повернуть вспять колесо истории. Мятеж юнкеров в Петрограде, наступление войск Керенского и Краснова были лишь звеньями общего контрреволюционного движения. Одним из наиболее опасных его проявлений стала дутовщина. Бывший председатель Союза казачьих войск полковник А. И. Дутов с помощью зажиточной верхушки Оренбургского казачьего войска провозгласил себя атаманом и повел борьбу за восстановление старых порядков.

А. И. Дутов был опасным, умелым и коварным противником. В отличие от других реакционных генералов он обладал способностью тонко подойти к казачьей массе, заигрывая на традициях, всем том, что было свойственно казачьему сословию. Еще в сентябре на заседании войскового круга он демагогически говорил: «Мы не с демократией, не с аристократией, не с той или иной партией, мы, казаки — сами единая партия. И мы

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.
[2] *Вильямс А. Р.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 155.

с теми, кто любит родину. Пора, станичники, пора спасать родину, как спасали ее казаки триста лет тому назад»[1].

Получив известие о свержении Керенского, Дутов развил бурную деятельность по мобилизации антисоветских сил. Совместно с правыми эсерами, меньшевиками, казахскими и башкирскими буржуазными националистами он формирует армию контрреволюции. Тем кругам казачества, которые опасались, что противостояние Советам может обернуться трагедией, Дутов говорил, что он не собирается воевать с Россией, а стоит лишь за соблюдение «особых» казачьих прав. Показательно его следующее высказывание: «Мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом русские. Россия — больной, разлагающийся организм: из опасения заразы мы должны спасать свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается,— пусть гибнет»[2].

Клевета, обман, отсутствие у масс надлежащей информации о событиях в Петрограде (сказался саботаж проэсеровски настроенных работников связи) сделали свое. Почти не встречая сопротивления, Дутов с 27 октября установил свой контроль над Оренбургом, объявив город на военном положении.

Создание крупного контрреволюционного очага в районе Оренбурга представляло огромную угрозу делу установления Советской власти на территории Урала и Казахстана. Дутов по существу открыл восточный фронт реакции, объединив вокруг себя контрреволюционное казачество, правые круги мелкобуржуазных партий, националистические верхи огромного региона, создав своеобразные плотины на линиях Поволжье — Сибирь, центр — Средняя Азия. В первые дни ноября 1917 г. Кобозев получил от жены, являвшейся связной ЦК РСДРП(б) * и проживавшей в то время в Оренбурге, письмо, где рассказывалось, что атаман и его окружение, замалчивая факт установления Советской вла-

---

[1] См.: *Петров С. М.* Разгром дутовщины. Челябинск, 1940, с. 29—30.

[2] Там же, с. 30.

* См.: Исторический архив, 1956, № 2, с. 47.

сти, ведут линию на изоляцию Оренбурга и всего Приуралья от центра. «Сообщу,— говорилось в письме,— что имеется в местных газетах. Дня 4 назад арестованы Коростелев, Макарова, Мартынов, Лобов, Кичигин. Должны были арестовать и Цвиллинга, но он пока не разыскан. В следующую ночь арестованы еще трое: Могила, Саликов и Ермолаев. Рабочие волнуются. Были посланы делегаты от Совета солдатских депутатов, от кожевников и пекарей, от железнодорожников. Говорят, что местный гарнизон в большинстве — большевистский и председатель солдатского Совета — Мухницкий, прапорщик, тоже большевик; я его слышала где-то раз; по-моему, он оратор совсем слабый и вялый какой-то.

Рассказывают, что на последнем заседании Совета Цвиллинг блестяще побил Семенова. Все же у казаков — сила и вооружение, конечно, соответствующее, а у большевиков (как недавно выяснилось, когда кому-то надо было очинить карандаш) и перочинных ножей ни у кого нет. А «начальство» ждет с часу на час выступления. Большевики, вероятно, рады, что их так боятся».

Петр Алексеевич вспоминал: «Получив это не совсем осторожно законспирированное „под обывателя" письмо, я снесся с ЦК и Военно-Революционным комитетом через Мануильского. Я помню, было дано распоряжение Троцкому на этот счет, потому что за несколько дней перед этим в петроградской печати шла травля против Ленина и, в частности, мне была посвящена статья, которая обливала меня грязью. Поэтому понятно, что Троцкий как представитель комитета интернационалистов*, не подписал мандат. Мандат потом был

* Автор здесь не совсем точен. Троцкий был одним из лидеров небольшой группы, действовавшей в Петрограде с 1913 г. межрайонной организации РСДРП, в которую входили сторонники Троцкого, часть бывших отзовистов, часть т. н. нефракционных социал-демократов, небольшое число примеренчески настроенных бывших большевиков. С февраля по июль 1917 г. межрайонцы значительно полевели под влиянием масс и обратились к VI съезду РСДРП(б) с просьбой о приеме их в ряды большевиков. Интернационалистами в 1917 г. назывались представители левого крыла меньшевиков, группировавшихся вокруг газеты «Новая жизнь». Их лидеры Л. Мартов, Р. Абрамович и др.

подписан Дзержинским*. В этом мандате указывалось, что тов. Кобозев, избранный в апреле текущего года комиссаром — начальником Ташкентской железной дороги, утверждается в этой должности и уполномочен быть чрезвычайным комиссаром Рабоче-Крестьянского правительства... Все советские организации обязаны оказывать тов. Кобозеву всяческое содействие.

Тут опять Троцкий был «любезен»: на дорогу я получил какую-то мелочь — 5 или 10 рублей, которые он вынул из своего стола. Однако железнодорожного билета дать мне не могли. Тогда я сказал:

— Я попробую сам воспользоваться своими связями по должности инспектора путей сообщения и получить железнодорожный билет»[1].

Прибыв в ближайший к Оренбургу уездный центр Бузулук, Кобозев начал организацию сил. Он создал в Бузулуке центр управления Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Через свои старые связи Петр Алексеевич получил сведения, что у Дутова тыл непрочен. Часть казачества выступала против атамана. Наиболее революционные казаки потребовали подчиниться Советской власти, сообщив о своих настроениях в Бузулук.

Учитывая, что Дутов не успел создать своей контрразведки, Кобозев тайно прибыл в Оренбург, где провел нелегальное совещание городского актива большевиков, проинформировал их о событиях в Петрограде, Москве, других местах, рекомендовал создать Военно-Революционный комитет, вооружить рабочих, революционно настроенных солдат.

Рекомендации Петра Алексеевича оренбургские большевики стали осуществлять немедленно. Однако едва Кобозев вернулся в Бузулук, как стало известно, что Дутов арестовал членов Совета и Военно-Революционного комитета. Кроме того, телеграмма оренбургских большевиков сообщала: «Власть в городе захвачена атаманом Дутовым, мобилизовавшим казаков Оренбургского уезда. Всего в Оренбурге сейчас до 7 тыс.

---

* Это произошло 7 ноября 1917 г. (См.: Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1986, с. 134).

[1] Казахстан в огне гражданской войны, с. 112—113

казачьих войск. Вместе с Дутовым действуют активно меньшевики и эсеры...»[1].

П. А. Кобозев немедленно известил о случившемся Петроград. Пока шла организация необходимых военных сил, Петр Алексеевич рекомендовал Советам Поволжья, Урала потребовать от Дутова прекратить авантюру, подчиниться распоряжениям Советской власти. Съезд Советов Урала, где присутствовали делегаты Кустаная, направил в Оренбург такую телеграмму.

Сложность обстановки в Оренбургском крае вызвала серьезное беспокойство ЦК партии, В. И. Ленина. 20 ноября 1917 г. Совнарком рассмотрел на заседании положение в Оренбуржье[2], наметил ряд мер по локализации и разгрому дутовщины: сосредоточение красногвардейских отрядов из Поволжья в районе Оренбурга, создание угрозы для дутовцев со стороны Челябинска, Актюбинска, подготовка выступления рабочих самого Оренбурга. Видимо, П. А. Кобозев рекомендовал делегации оренбургских железнодорожников обратиться за помощью к В. И. Ленину.

26 ноября В. И. Ленин принял председателя главного дорожного комитета Оренбургско-Ташкентской железной дороги И. Е. Германа и председателя Бузулукского ВРК П. Г. Бебина, расспросил их о ходе борьбы против контрреволюционного мятежа Дутова и направил в штаб Петроградского военного округа с запиской:

«В штаб

(Подвойскому или Антонову)

Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите.

Ленин»[3].

На обратной стороне этого листка-распоряжения В. А. Антонов-Овсеенко написал: «1. Мною вызвана в Петроград стрелковая дивизия, которую немедленно направляю в Сибирь.

[1] См.: *Мещеряков Б.* Правительственный комиссар (О С. М. Цвиллинге). М., 1969, с. 57.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974, т. 5, с. 74.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 10.

2. Завтра идет первый эшелон человек в 400 (матросы и красногвардейцы)... В Москву посылаю нарочного настаивать на посылке в том же направлении войск»[1].

В те же дни Кобозев связался с руководителями Оренбургской большевистской организации, томившимися в дутовской тюрьме, чтобы подбодрить их и совместно разработать план их освобождения. А. А. Коростелев, один из членов городского комитета РСДРП(б), также находившийся в тюрьме, вспоминал: «От П. А. Кобозева было получено известие о готовящемся в ближайшее время наступлении на Оренбург красногвардейских частей из Бузулука»[2].

В ответ на призыв П. А. Кобозева формировать силы для борьбы с дутовцами железнодорожники Казалинска, Перовска, Актюбинска приступили к подготовке красногвардейских отрядов, которые посылались под Оренбург. Однако время не ждало. Дутов, располагавший мобильной конницей, офицерско-юнкерскими отрядами, заметно активизировался, предприняв наступление в направлении Бузулука, Челябинска. Довольно агрессивно стало и уральское казачество. Вот почему, не дожидаясь прибытия обещанных подкреплений из Центра, П. А. Кобозев, возглавив всего 600 бойцов, выступил навстречу дутовцам. Перед этим он передал по телеграфу обращение правительства РСФСР «Ко всему населению» с призывом подняться против мятежников.

Первое наступление Кобозева на Оренбург успеха не принесло, сказались перевес сил врага, недостаток у красногвардейцев военного опыта.

По распоряжению В. И. Ленина на борьбу с дутовцами были двинуты более крупные силы: красногвардейские отряды Самары, Саратова, Екатеринбурга, отряд балтийских матросов во главе с С. Д. Павловым, 17-й Сибирский полк, состоявший из шахтеров Черемхова и рабочих Красноярска, и др. Примерно в те же дни революционное подполье Оренбурга организовало побег из дутовской тюрьмы арестованных большевиков. Часть их направилась в Бузулук, часть — в Актюбинск. Член

---

[1] Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Оренбург, 1958, с. 37.

[2] За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье, с. 54—55.

партии с 1909 г. И. Ф. Лобов помог актюбинским большевикам ускорить установление Советской власти, завершить подготовку к наступлению красногвардейских отрядов Актюбинска, Челкара, Перовска, Арыси, Туркестана, Ташкента. Под станцией Ак-Булак красногвардейцы-железнодорожники дали бой дутовцам, открыв новый, южный, фронт борьбы с белоказаками.

В период напряженных боев против дутовцев Совет Народных Комиссаров неоднократно анализировал положение дел в районе Оренбурга, требовал от Кобозева и других ответственных лиц постоянной и исчерпывающей информации.

Однако сосредоточение сил, выделенных Центром, шло медленно, а положение в Оренбурге становилось все более угрожающим. Рабочие, начав забастовку протеста, израсходовали все имевшиеся ресурсы, и ранее бедствовавшие семьи голодали. Эсеры и меньшевики, стремясь помочь Дутову, решили сыграть на продовольственных трудностях рабочих города, распространив среди них фальшивку следующего содержания: «Предлагаю стачечному комитету Оренбургского узла Ташкентской железной дороги стачку прекратить, движение поездов открыть по всей линии. Чрезвычайный комиссар Кобозев»[1]. Члены Оренбургского стачечного комитета Баландин и Дронов, сумевшие пробраться в Бузулук, передали Кобозеву текст этой фальшивки. Он сразу же через железнодорожных телеграфистов известил всех, что это «распоряжение» — уловка врага.

Второе наступление отрядов Кобозева, начавшееся 4 января, разворачивалось успешно. Но дутовцы, совершив обходный маневр, нанесли удар по тылам, и Кобозеву, чтобы избежать окружения, пришлось отступать. Здесь же выяснилась и причина неустойки тыла: начальник штаба — бывший офицер Масальский по существу стремился сорвать операцию, чтобы помочь Дутову. Больше того, когда Кобозев арестовал Масальского за трусость и пьянство, последний с помощью своей агентуры попытался расправиться с П. А. Кобозевым. Сын Петра Алексеевича, находившийся в то время в служебном вагоне отца, вспоминал: «На другой

[1] См.: Революцией призванные. Челябинск, 1967, кн. 2, с. 78.

день, ранним... утром, когда мы еще не успели проснуться, в купе постучал проводник:

— Солдаты Масальского окружают вагон!

Папы с нами не было. Мать тотчас вышла из вагона, а мы с сестренкой оттаяли в заиндевелых окнах прозрачные кружочки и прильнули к ним. Видно было, как солдаты устанавливают пулеметы, разворачивают их против салон-вагона. Один из железнодорожников пытался что-то объяснить им. Его не слушали. Солдаты размахивали руками, громко выкрикивали нашу фамилию, ругались.

Потом как-то внезапно крики стихли. Мы увидели черные бушлаты моряков. Они окружили солдат, отобрали у них пулеметы и винтовки.

К маме подошел широкоплечий, рослый моряк в распахнутом, несмотря на мороз, бушлате. Мы замерли в испуге за нее. Но моряк приветливо улыбался. Мама подала ему руку и тоже улыбнулась. Это был мичман Павлов — командир отряда кронштадтских матросов»[1].

С прибытием С. Д. Павлова Кобозев передал ему военное командование, оставив за собой общее руководство. Одновременно, по согласованию с С. Д. Павловым и другими командирами, П. А. Кобозев утвердил начальников отрядов, прикомандировав к ним для ведения политической работы комиссаров. Одним из них стал член партии с 1915 г. А. Т. Джангильдин, имевший мандат за подписью В. И. Ленина о назначении его на должность чрезвычайного комиссара Степного края.

Последнее, третье наступление на Оренбург, начатое после тщательной подготовки в условиях равновесия военных сил, закончилось блестящей победой. 18 января революционные отряды вступили в Оренбург. Разгром дутовцев позволил приступить к решению сложных и важных хозяйственно-политических вопросов, но главное — глубинные районы Казахстана и Туркестана получили прямую связь с Петроградом, Москвой. Немаловажно и то, что, ликвидировав контрреволюционный очаг в Оренбуржье, бойцы группы Кобозева тем самым содействовали ускорению установления Советской власти в других районах Казахстана, где белоказачество пыталось сохранить прежние порядки.

---

[1] Реввоенсовет нас в бой зовет, с. 45—46.

23 января 1918 г., получив подтверждение о разгроме Дутова, В. И. Ленин подписывает следующую радиограмму: «Всем, всем, всем!.. Оренбург занят советскими войсками окончательно. Дутов с горстью приверженцев скрылся. Все правительственные учреждения в Оренбурге заняты советскими войсками. Властью на месте объявлен Оренбургский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов... Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)»[1].

Освобождением Оренбурга завершилось выполнение первого задания, которое П. А. Кобозев получил от Советского правительства. Труд чрезвычайного комиссара по борьбе с дутовщиной получил высокую оценку не только со стороны ЦК партии, но и рабочих Оренбурга. В их письме во ВЦИК и СНК РСФСР отмечалось: «П. А. Кобозев при подавлении Дутовского мятежа всегда был в первых рядах революционных войск и вместе с тем был руководителем этого революционного отряда. Он же, одевший серую шинель, всегда находился на паровозе бронированного поезда, который был обстрелян градом пуль дутовских приспешников»[2].

Партия и В. И. Ленин, учитывая опыт, знание Кобозевым обстановки на юге Урала, утвердили Петра Алексеевича в качестве полномочного представителя Советской власти на этой территории. 31 января В. И. Ленин подписал мандат члену коллегии Наркомпути П. А. Кобозеву «о наделении его чрезвычайными полномочиями в Оренбургской губернии, Тургайской и Уральской областях в целях принятия всех необходимых мер для укрепления власти Советов на местах»[3].

В тот же день Наркомат по военным делам издал приказ, возложив на П. А. Кобозева как чрезвычайного комиссара руководство формированием частей и подразделений Красной Армии на подведомственной ему территории, а также в Западной Сибири и Туркестанском крае [4].

---

[1] Ленинский сборник XI, с. 24.

[2] *Хасанов К.* Петр Алексеевич Кобозев (1878—1941). Ташкент, 1979, с. 29—30.

[3] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 247.

[4] Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов. М., 1960, т. 1, с. 111.

Получив необходимые документы и инструкции, П. А. Кобозев выехал в Ташкент. Хорошо информированный орган Ташкентского Совета — «Наша газета» 22 февраля 1918 г. сообщила, что посланец В. И. Ленина «проехал через Ташкент по Средне-Азиатской железной дороге по делам службы». В газетном сообщении Петр Алексеевич назван комиссаром Туркестанских железных дорог. Такой комуфляж его миссии, на наш взгляд, не случаен: поезд чрезвычайного комиссара вез в Самару, Уфу, Оренбург, Ташкент, Баку крупные суммы денег. За время короткой остановки в Ташкенте П. А. Кобозев беседовал с советским руководством края о проведении мер по национализации промышленности, транспорта, финансов, оказанию помощи дехканам-хлопкоробам.

Экстренный поезд уполномоченного Советского правительства 21 февраля ненадолго остановился в Ашхабаде. Первые же встречи с сотрудниками управления Средне-Азиатской железной дороги, работниками областного Совета и других учреждений насторожили Петра Алексеевича. Если в Семиречье и Фергане контрреволюция терпела поражения, то в Закаспии она набирала силу. Кобозев срочно телеграфировал в Петроград: «Асхабад — крупный контрреволюционный эсеровско-меньшевистский центр, базирующийся, подобно Оренбургу, на власти Управления дороги». Большевик Кобозев предложил перевести и управление дороги, и его службы в Мерв, где большевистская организация была сильнее и соответственно имелась возможность хотя бы нейтрализовать деятельность соглашателей. Однако по ряду причин это осуществить не удалось.

23 февраля 1918 г. П. А. Кобозев прибыл в Баку, передав исполкому Бакинского Совета указания В. И. Ленина, ЦК РСДРП(б) и Советского правительства о всемерном укреплении на местах рабоче-крестьянской власти, непримиримой и настойчивой борьбе с националистическими, буржуазными и мелкобуржуазными партиями, П. А. Кобозев вручил бакинским большевикам 30 млн. 800 тыс. рублей, обговорив самое насущное — решение топливной проблемы.

Приезд чрезвычайного комиссара Советского правительства в Баку имел в высшей степени важное значение. Оно состояло не только в экстренной финансо-

вой помощи*, не только в получении конкретных указаний о дальнейших шагах Бакинского Совета; даже подробнейшие доклады П. А. Кобозева общеполитического характера о положении в Петрограде и борьбе за власть Советов на Урале, борьбе за Советскую власть на юге и востоке России, опубликованные в газетах «Бакинец», «Бакинский рабочий» и позволившие всем коммунистам Азербайджана ознакомиться с процессом триумфального шествия Советской власти, даже это не в полной мере раскрывает значимость приезда в Баку посланца В. И. Ленина. Пожалуй, важен сам факт прибытия П. А. Кобозева.

Назад Петр Алексеевич возвращался тем же путем. Проезжая через Красноводск, он направил В. И. Ленину телеграмму: «Все деньги благополучно довезены, распределены, как было назначено Москвой, Самаре, Уфе, Оренбургу и Баку. Баку ожидает следующей партии согласно обещанию директора банка. Высылайте тем же путем немедленно. Проведение декретов и урегулирование добычи и перевозки нефти, равно организация Красной Армии Кавказа, целиком зависят от регулярной посылки ежемесячно шестидесяти миллионов. Положение Бакинского Совета укрепляется, движение железных дорог по направлению к северу дошло до Хасаль-юрта. Организованы интернациональные полки, систематически улучшается продовольствие. На всем протяжении Баку — Красноводск — Ташкент — Самара — Омск двинулась нефть, как условлено. На колесах восемьсот цистерн нефти, керосина, бензина. Срочно шлите порожняк»[1].

Ленинский посланец вернулся в Москву накануне VII съезда РКП(б). Получив гостевой билет, он присут-

---

* 13 апреля 1918 г. предс. Бакинского СНК С. Г. Шаумян писал Совету Народных Комиссаров республики: «Для проведения национализации нам необходимы будут деньги. Тридцать тюков с деньгами (по слухам, около 30 млн.) были захвачены на Северном Кавказе чеченцами и не дошли до нас. Кроме 30 млн., привезенных Кобозевым, у нас денег нет». (*Шаумян С. Г.* Избранные произведения. М., 1978, т. 2, с. 248.)

[1] См.: *Хасанов К.* Петр Алексеевич Кобозев, с. 38—39.

ствовал на заседаниях съезда, которые помогли Петру Алексеевичу убедиться в правильности ленинской точки зрения по вопросу о мире и признать ошибочность своих колебаний по этому вопросу. Московский «отпуск» продлился недолго. Вечером 16 марта секретарь В. И. Ленина предупредил Кобозева о том, что утром его ждет председатель Совнаркома.

Встреча с Владимиром Ильичем касалась выполнения нового чрезвычайного задания, о котором уже шла речь в начале очерка. Владимир Ильич наряду с мандатом чрезвычайного комиссара вручил Кобозеву письмо на имя руководства Бакинского комитета РКП(б) и письмо И. В. Сталина С. Г. Шаумяну [1]. Множественность поручений диктовалась обстановкой, к тому же первая поездка в Баку убедила, что этот кружной путь сравнительно надежен, вместе с тем появлялась возможность наладить взаимопомощь Баку и Ташкента, ослабив тем самым давление неблагоприятного окружения на эти центры*.

А это давление нарастало. По сравнению с февралем путь в Ташкент намного затруднился. С помощью казахских буржуазных националистов и офицерской вер-

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 322.

* В письме И. В. Сталина С. Г. Шаумяну, П. А. Джапаридзе и другим товарищам говорилось: «Подателя сего, товарища Кобозева, посылаем к вам в качестве «чрезвычайного комиссара Средней Азии и *Баку»*. Он человек решительный, имеет богатый опыт из практики борьбы с контрреволюцией в Средней Азии, в вопросах военного дела разбирается, специалист инженер-железнодорожник и старый партийный работник. Назначая его комиссаром «и *Баку»*, руководствовались тем, что Степан (С. Г. Шаумян.— *авт.*). комиссар по делам Кавказа, а значит и Баку, действует по понятным причинам главным образом в Тифлисе, между тем как Баку, этот важный пункт всего юга, уже осаждается со всех сторон, причем Степану невозможно разорваться на части. Мы здесь не сомневаемся ни на одну минуту, что Кобозев (ему это сказано) будет действовать в полном контакте со Степаном». (Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917—1918 гг. Баку, 1957, с. 331.)

хушки станиц Дутову удалось пополнить свои изрядно потрепанные части, и они вновь двинулись к линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги. У станций и разъездов развернулись бои. Первыми на защиту жизненно важной магистрали выступили железнодорожники. Петр Алексеевич, едва прибыв в Оренбург, сразу включился в борьбу за сохранение этого важного пути под контролем Советской власти.

Из Оренбурга он направил В. И. Ленину коротенькую информацию о положении в городе и губернии, и только 9 апреля 1918 г., по прибытии в Ташкент, в Москву ушла подробная информация: «Как я уже сообщал в личном докладе в Москве и телеграфно из Оренбурга, попытка поднять восстание в Бухаре не удалась; но предательская провокационная искусная работа продолжается.

Документы, переданные мною редакции «Красной Армии» для оглашения, указывают [на] связь Дутова с восстанием в Коканде.

Совпадение во времени появления английских отрядов на берегу Каспия, в Энзели, с иначе ничем не обоснованным объявлением мобилизации в Бухаре стоит также вне всякого отрицания во взаимной связи.

Наконец теперь вновь вспыхнувший мятеж оренбургских белогвардейцев и казаков-дутовцев явно наметил тенденцию [к] движению их на юг, к Актюбинску и далее...

Чрезвычайный комиссар правительства [в] Средней Азии П. Кобозев»[1].

За текстом этой телеграммы остались многие факты напряженной деятельности Кобозева. И его встречи с работниками станций Челкар, Актюбинск, Казалинск, Перовск, Туркестан. Каждая встреча — это беседа о путях укрепления власти Советов, задачах борьбы с ее врагами, это рекомендации, как преодолевать разруху на транспорте, что делать для поддержания подвижного состава и путей в нормальном эксплуатационном состоянии. И выступление Петра Алексеевича в Актюбинске на заседании уездного съезда Советов рабочих, солдатских и мусульманских де-

---

[1] Гражданская война в Оренбуржье, с. 118—120.

путатов, которое вскрыло перед делегатами всю пагубность левоэсеровской линии на отказ от Брестского мирного договора. Результат: участники съезда направили Совету Народных Комиссаров и ВЦИК РСФСР телеграмму от имени 360 участников съезда, заверив в полной поддержке политической линии Советского правительства.

Чрезвычайный комиссар Кобозев уделял много внимания вопросам мобилизации железнодорожников на отпор дутовцам. Известно, что как раз после его отъезда из Оренбурга на город произвела налет крупная дутовская банда под командой подполковника Корчакова и в защиту губернского центра выступил весь состав участников Оренбургско-Тургайского съезда Советов во главе с Алиби Джангильдиным. По просьбе В. В. Куйбышева, который из Самары информировал В. И. Ленина о налете дутовцев, В. И. Ленин дал распоряжение Наркомату по военным делам принять соответствующие меры[1]. В их реализации принял участие и Петр Алексеевич, на что он был уполномочен еще в конце января. Кстати о том, какие силы красногвардейцев были посланы под Оренбург, Кобозев сообщил Советскому правительству из Ташкента в начале апреля 1918 г. Вскоре ташкентская «Наша газета» опубликовала следующее извещение П. А. Кобозева: «Облеченный особыми полномочиями правительства по Средней Азии, сего числа я вступил в общее управление Туркестанским краем».

О том, что предстоит сделать труженикам Туркестана по реализации ленинских установок, П. А. Кобозев подробно рассказал в речи на собрании Ташкентской городской парторганизации. Отметив, что хозяйственно-политические задачи довольно сложны, оратор выразил уверенность в их успешном решении, несмотря на все происки внутренней и международной реакции, ибо «...опытный машинист русской революции наш лидер Ленин знает орбиту истории и согласует полки истории с международным развитием социализма»[2].

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 354.
[2] Наша газета, 1918, 9 апреля.

Собрание ташкентских большевиков проходило в канун подготовки к V Всетуркестанскому съезду Советов, который должен был решить вопрос о создании автономной многонациональной республики. Исполком Ташкентского Совета получил известную телеграмму наркома по делам национальностей о том, что важнейшим делом Советов национальных районов становится национально-государственное строительство.

V съезд Советов Туркестана начал свою работу 20 апреля 1918 г.

Петр Алексеевич открыл съезд вступительной речью: «Позвольте приветствовать Вас, товарищи, от имени Центрального правительства. Позвольте приветствовать и те мусульманские ряды, которые почтили нас своим присутствием. Вместе с ними мы рассмотрим вопрос о нашей пролетарской автономии Туркестана, а не какой-либо буржуазной»[1].

Эти слова ленинского посланца были обращены к 300 делегатам, почти половину которых составляли представители коренных национальностей.

Работа съезда продолжалась десять дней. Делегаты живо обсуждали каждый вопрос, активно выступали посланцы аулов и кишлаков. Сабир Юсупов, обращаясь к делегатам — русским рабочим — заявил: «Мы пойдем за вами, только протяните руку. Теперь мусульмане сидят здесь, и они поняли, что русский пролетариат идет рука об руку с мусульманином. Было время — мусульмане были угнетены до крайности. После свержения царизма легче не стало. Те партии, которые сейчас свергнуты, гладили по шерсти, но спать было жестко. С сегодняшнего дня мы протягиваем друг другу руки, и мы за вами неотступно будем идти вместе»[2]. Слова простого узбекского чайрикера были с одобрением встречены всеми присутствовавшими.

Съезд работал уже третий день, когда из Москвы за подписью В. И. Ленина поступила приветственная телеграмма: «Можете быть уверены, товарищи, что Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах; мы приветствуем ваши начинания и глубоко уверены, что вы покроете весь край

---

[1] Наша газета, 1918, 23 апреля.
[2] Там же.

сетью Советов, а с существующими уже Советами будете действовать в полном контакте.

Просим вас комиссию по созыву Учредительного съезда Советов, которую вы взялись организовать, направить к нам, в Москву, для совместной разработки вопроса об определении отношения полномочного органа вашего края к Совету Народных Комиссаров.

Приветствуя ваш съезд, мы надеемся, что вы достойно выполните возложенные на него историей задачи»[1].

Съезд утвердил «Положение о Туркестанской Советской Федеративой Республике», которая, говорилось в тексте «Положения...», «...управляясь автономно, признает и координирует свои действия с Центральным правительством Российской Советской Федерации»[2].

Учитывая особые заслуги П. А. Кобозева перед трудящимися края, его вклад в установление и упрочение Советской власти на территории Туркестана и важность возложенной на него СНК РСФСР миссии, съезд единодушно избрал П. А. Кобозева председателем Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской АССР.

Главное внимание президента молодой автономной республики заняли вопросы широкого привлечения представителей коренного населения в Советы: на работу в наркоматы он предлагал побольше выдвигать рабочих узбеков, казахов, таджиков. В выступлениях и беседах Кобозев неоднократно подчеркивал необходимость единства действий тружеников всех национальностей края, обращал внимание партийных работников на отыскание форм и методов работы с беднотой аулов и кишлаков, стремился сделать все возможное, чтобы революционные завоевания стали неотъемлемой частью жизни народов Туркестана.

Еще во время работы V съезда Советов Туркестана в Ташкенте состоялось открытие Туркестанского народного университета. Петр Алексеевич выступил перед преподавателями, студентами, слушателями и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 63—64.
[2] См.: История национально-государственного строительства в СССР. М., 1979, т. 1, с. 76.

теми, кто учился на подготовительных факультетах, с приветственной речью, в которой отметил, что молодежь становится свидетелем того, как на грани веков рождается новая жизнь, которая требует знаний, опыта, новых творческих сил. Знания, говорил он, позволят превратить Туркестан в подлинную жемчужину страны, поставят на службу народам советской державы колоссальные богатства края. В знаниях и упорном труде на благо Советской власти — спасение от темноты, невежества. В знании — ключ к счастливому будущему. Петр Алексеевич вместе с другими большевиками Н. В. Шумиловым, Е. П. Дубицким, П. А. Ермоловым, Н. Ходжаевым, А. Клевлеевым, Ф. И. Колесовым сумел привлечь к работе в университете видных исследователей, талантливых педагогов, таких, как В. И. Романовский, А. А. Диваев, Р. Р. Шредер. Некоторое время сам читал курс энергетики на техническом факультете.

Планы у Петра Алексеевича были большими. Он намеревался навести порядок в хорошо знакомой ему сфере — на железнодорожном транспорте, тем более что обстановка на западном участке Средне-Азиатской железной дороги внушала ему серьезное беспокойство. П. А. Кобозев не забывал и о второй части ленинского мандата, где говорилось о том, что он уполномочен быть чрезвычайным комиссаром и по городу Баку. Экспедиция в этот пролетарский центр Закавказья готовилась им с большой тщательностью.

Ленинского посланца тревожили события в Семиречье. 16 апреля в окрестностях Верного белоказачество подняло мятеж и осадило город. На помощь защитникам центра Семиречья пришлось направить специальный отряд. За неимением лучшей кандидатуры командиром отряда был утвержден левый эсер Е. Мураев. Засилье левых в аппарате ряда ведомств и, прежде всего, военного, крайне беспокоило Кобозева, и он намеревался очистить этот аппарат от всех колеблющихся и неустойчивых. Однако жизнь внесла свои коррективы в план чрезвычайного комиссара. ЦК РКП(б), В. И. Ленин, учитывая особую значимость для судеб страны положения дел на железнодорожном транспорте, решили назначить П. А. Кобозева наркомом путей сообщения. П. А. Кобозев полагал, что он

вскоре вернется в Туркестан, чтобы доделать хотя бы часть начатого, однако возвращение задерживалось на долгий по тем временам срок — целых восемь месяцев.

Перед отъездом в Москву Петр Алексеевич предпринял меры для выполнения ленинского поручения в отношении Баку. С письмом и деньгами были посланы три железнодорожника из ташкентского отделения дороги — Дунаев, Трофимов, Шмаков. Они выполнили поручение П. А. Кобозева и, в свою очередь, договорились о переброске из Баку в Ташкент нефти. Всего было перевезено 1,6 млн. пудов. Ее основная часть успела дойти до Ташкента.

7 или 8 мая Кобозев прибыл в Москву. Во всяком случае 9 мая В. И. Ленину уже попала визитная карточка Кобозева, а в промежутке между 9 и 15 мая П. А. Кобозев представил В. И. Ленину записку, где давал рекомендации в отношении ряда сотрудников Наркома путей сообщения[1].

15 мая В. И. Ленин ознакомился с подробной телефонограммой П. А. Кобозева о тяжелом положении Оренбурга и необходимости срочно оказать ему военную помощь[2]. Представляется, что как политический деятель Кобозев на основании не только полученной информации, но и превосходного знания района Южного Урала быстро оценил огромную опасность усилившегося давления белоказаков на Оренбург. Отсюда, на наш взгляд, и проистекало прямое обращение к Владимиру Ильичу.

Трудящиеся Туркестана, Тургайской, Оренбургской губерний с большим сожалением узнали о переводе Петра Алексеевича на работу в Москву. Актюбинская газета писала: «На днях получена от тов. Кобозева телеграмма, что он в Туркестан возвратиться не может, т. к. получил назначение от Центрального правительства на пост комиссара путей сообщения»[3].

Чем было продиктовано новое назначение Кобозе-

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 438, 440.

[2] Там же, с. 457.

[3] Бюллетень Актюбинского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов, 1918, 29 мая.

ва? Он был образованнейшим инженером-транспортником, работал в этой отрасли еще в дооктябрьский период, лично знал обстановку на ряде дорог: Средне-Азиатской, Оренбургско-Ташкентской, Рязано-Уральской и других. Но главное, он мог правильно оценить политическую обстановку и оперативно принять меры. Железные дороги решали тогда не только вопросы функционирования ослабленной военной экономики, но и снабжения пролетарских центров продовольствием, экстренной переброски войск и военных грузов на важнейшие участки многочисленных фронтов гражданской войны, а декрет СНК от 23 марта 1918 г. «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности» предоставлял наркому путей сообщения практически неограниченные полномочия в области транспорта.

Теперь Петр Алексеевич часто по служебным делам посещал ленинский кабинет, информируя главу Советского правительства о подвозе хлеба, других продовольственных грузов в Москву и Петроград, доставке топлива в основные промышленные районы и т. д. Не обошлось без обычных для такого сложного дела столкновений. Многие уполномоченные Советского правительства, попадая в тот или иной район, стремились подчинить себе и транспорт, что вызывало справедливые претензии нового наркома. В. И. Ленин быстро гасил эти конфликты, поддерживая принципиальную линию П. А. Кобозева [1].

И все-таки по-настоящему поработать на транспорте Петру Алексеевичу не удалось. 25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса. Поддержанные эсеро-белогвардейским подпольем белочехи воспользовались малочисленностью гарнизонов Красной Армии и быстро захватили огромный район от Иркутска до Челябинска, нанесли удар у Пензы, Самары. К середине июня на Востоке сложился новый крайне опасный фронт. 13 июня П. А. Кобозев доложил В. И. Ленину обстановку на железных дорогах. Возможно, доклад наркома подсказал председателю СНК, что Кобозев самый подготовленный в поли-

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 516; Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 291.

тическом плане человек*, которому надлежит заняться делами на этом новом, Восточном фронте.

Совнарком издает постановление от 13 июня 1918 г. об учреждении Революционного военного совета в составе: наркома Кобозева, главкома Муравьева и комиссара Благонравова [1]. 14 июня в Кремле Петр Алексеевич получил из рук В. И. Ленина мандат о назначении его председателем Реввоенсовета Восточного фронта. Так, впервые в военной истории молодой Советской страны родился особый орган — Реввоенсовет, ставший в наши дни легендарным.

Перед отъездом на фронт Петр Алексеевич провел экстренное совещание с членами большевистской фракции Наркомата путей сообщения, где поделился своими соображениями о том, что сто́ит предпринять им, коммунистам, в столь критической ситуации. Это совещание привлекло внимание В. И. Ленина, и он написал Петру Алексеевичу коротенькую записку: «*Кобозеву*. Что вышло у вас из совещания с фракцией большевиков в 5 ч.?»[2]

Семь долгих месяцев длилась военная эпопея П. А. Кобозева... Петру Алексеевичу пришлось работать с разрозненными группами красноармейцев и красногвардейцев. В первые недели невероятно много сил потратил на нейтрализацию левацких загибов главкома Муравьева, к которому чересчур благоволил

---

* Кстати, высокую оценку качеств П. А. Кобозева-политика дал и С. Г. Шаумян в письме В. И. Ленину от 23 июня 1918 г. Хорошо знавший Петра Алексеевича еще по 1905 г., С. Г. Шаумян был крайне обеспокоен тем, что после отъезда П. А. Кобозева из Ташкента, Туркестан лишился человека, умевшего быстро и трезво оценивать обстановку. В письме подчеркивалось: «В Туркестане у нас не очень благополучно. Я говорю сейчас об ответственных работниках... Нужно немедленно послать туда надежных людей. Напрасно Вы Кобозева оставили в Москве». (*Шаумян С. Г.* Избранные произведения. М., 1975, т. 2, с. 360.)

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 538.

[2] Там же, с. 550.

Троцкий. С легкой руки Муравьева были назначены один за другим три командующих армиями, которые перебежали к белым: В. В. Яковлев, А. И. Харченко, Н. И. Махов. Из-за предательства Муравьева белочехам удалось захватить Казань, Самару, Симбирск. По вине Муравьева чуть было не погиб М. Н. Тухачевский.

Вопреки Троцкому Петр Алексеевич Кобозев добился назначения М. Н. Тухачевского командующим 1-й Революционной армией, перед которой была поставлена задача совместно с 4-й армией освободить от белых Симбирск и Самару. Но это назначение состоялось лишь после того, как Муравьев пытался поднять мятеж против Советской власти, арестовав 11 июля в Симбирске М. Н. Тухачевского и ряд других командиров и объявив о разрыве мира с Германией и начале против нее военных действий. Коммунисты Симбирска в течение суток ликвидировали эту крайне опасную левоэсеровскую авантюру. Сам Муравьев при аресте оказал сопротивление и при перестрелке был убит.

За две недели до симбирских событий П. А. Кобозев, обеспокоенный обстановкой в районе Оренбурга, решил лично разобраться в происходящем. Так как по железной дороге проехать не удалось, на автомобиле пробирались через Стерлитамак по тракту, где уже не было советских войск и часто появлялись белоказаки. Одолев более 250 километров за ночь, утром 25 июля П. А. Кобозев прибыл в Оренбург.

Четыре дня он пробыл в городе, решая сложные вопросы отпора дутовцам. Обмен мнениями с партийными, советскими, военными работниками показал — удержать город не удастся. Большая часть оренбургских работников стояла за отход на Актюбинск, лишь группа В. К. Блюхера, где преобладали рабочие заводов Урала и коммунисты-казаки из района Троицка, высказалась за поход на север. П. А. Кобозев от имени РВС Восточного фронта приказал командующему Оренбургской группой советских войск Г. В. Зиновьеву отходить к Актюбинску, чтобы закрыть белым дорогу на Туркестан. Одновременно он подтвердил свое согласие на рейд отряда М. В. Калмыкова (из группы В. К. Блюхера) на север. Дальнейшие события полностью оправдали правильность такого решения.

Вечером 11 июля П. А. Кобозев выехал в Москву с личным докладом В. И. Ленину о положении на Восточном фронте и деталях ликвидации авантюры М. А. Муравьева. В. И. Ленин, ЦК партии на основе полученной информации приняли меры по укреплению Восточного фронта. Сохранив основной состав Реввоенсовета фронта (Кобозев, Благонравов), ЦК пополнил РВС. В его состав был введен новый главком И. И. Вацетис, видный большевик К. А. Механошин и председатель ЧК Восточного фронта, соратник Ф. Э. Дзержинского М. И. Лацис. На фронт перебрасывались новые части, шли пополнения рабочих, революционно настроенных крестьян, коммунисты. 29 июля ЦК РКП(б) принял специальное постановление о мерах по укреплению Восточного фронта. Тогда же на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабзавкомов и профсоюзов выступил В. И. Ленин, охарактеризовав мятеж чехословаков как наиболее крупное проявление империалистической интервенции против Советской России. В совокупности с белоэсеровскими мятежами в Средней Азии, вторжением англичан в Баку, высадкой английского десанта в Мурманске налицо все звенья кольца, которым империалисты окружили Советскую Россию. Теперь вопрос существования Советской республики свелся к военному вопросу. Задача партии, рабочего класса — сделать все для укрепления обороны, ибо «...мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны»[1].

В августе — сентябре 1918 г. на Восточном фронте шли тяжелые бои, и хотя части Красной Армии порой отступали, назревал перелом.

Когда освобождением Казани и Симбирска перелом в боях закрепился и стало ясно, что разгром чешских мятежников обеспечен, П. А. Кобозев, с согласия ЦК и В. И. Ленина, стал готовить войска и средства для оказания помощи Туркестану. Собственно еще с конца июля П. А. Кобозев пытался чем-то помочь войскам Туркестанской республики: это и усиление 4-й армии, которой ставилась задача вести борьбу за овладение Уральском и Оренбургом, и упрочение Астраханской

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 15.

группы войск, и содействие экспедиции А. Т. Джангильдина, новая встреча с которым произошла в Саратове, где располагался штаб и Реввоенсовет 4-й армии.

На базе Астраханской группы войск П. А. Кобозев начал формировать части военно-экспедиционного корпуса для помощи войскам Туркестанской АССР. За подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова он получает следующий документ: «Выдан сей мандат товарищу Петру Алексеевичу Кобозеву в том, что он командируется Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров в Туркестан в качестве представителя Центральной Советской власти. Тов. Кобозеву поручается установить тесное взаимоотношение между Центральной Советской властью и Туркестанской. Тов. Кобозеву поручается организовать Советскую власть в Туркестане согласно Конституции, принятой на V Всероссийском съезде Советов.

Всем советским учреждениям, как военным, так и гражданским, предлагается оказывать тов. Кобозеву полное содействие при выполнении им возложенных на него задач»[1].

Когда корреспондент газеты «Известия», видимо, по рекомендации Я. М. Свердлова, встретился с Петром Алексеевичем и поинтересовался, какие задачи собирается решать член Реввоенсовета страны и полномочный представитель Советской республики по Туркестану, Петр Алексеевич ответил, что главная его задача — организация разгрома врага, в том числе на южном крыле Восточного фронта, где проходит кратчайший путь в Туркестан[2].

В целях подготовки реализации поставленных перед ним задач по Туркестану, Петр Алексеевич как член Реввоенсовета республики образует Временный Реввоенсовет Туркестанской армии, подчинив его РВС Восточного фронта[3]. В Астрахани и на станции Урбах

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 361, л. 26.
[2] См.: Известия ВЦИК, 1918, 13 сентября.
[3] См.: *Покровский С. Н.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1967, с. 148.

усилиями П. А. Кобозева и Временного РВС сосредоточиваются крупные военные силы, техника, разрабатываются варианты планов удара по оренбургским и уральским белоказакам. Однако в августе и сентябре красные войска Туркестана, остановив наступление английских интервентов и белогвардейцев, добились крупных успехов, вынудив противника отступить в Закаспии и остановиться на севере Семиречья. Плохо обстояли дела на Южном фронте. Это и стало решающим условием перевода туда подготовленных частей Туркестанского экспедиционного корпуса.

Всю осень и зиму 1918/19 г. Петр Алексеевич занимался Восточным фронтом. К началу января войска фронта добились крупных побед. Для их закрепления были созданы ударные группировки из частей 24-й и 25-й дивизий. Первая повела наступление на Оренбург, вторая — на Уральск. 22 января был взят Оренбург, 24-го — чапаевцы вошли в Уральск, а 26 января В. И. Ленин ознакомился с телеграммой Кобозева, сообщавшей подробности боев [1].

4 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о возможной посылке П. А. Кобозева в Туркестан и освобождении его в связи с этим от обязанностей члена РВСР [2]. ЦК РКП(б), СНК и ВЦИК РСФСР после восстановления прямой телеграфной связи с Ташкентом и получения оттуда полной информации о событиях 19—21 января, когда погибла большая часть наиболее подготовленных руководителей Туркестана, принимают решение создать чрезвычайный коллегиальный партийно-государственный орган, наделив его полномочиями по осуществлению на территории автономной республики всей полноты власти от имени ЦК, СНК и ВЦИК. В состав комиссии, получившей название Особой (временной), вошли видные деятели партии Ш. З. Элиава, А. С. Киселев и П. А. Кобозев. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) и СНК от 12 февраля 1919 г. В. И. Ленин подписал членам комиссии соответствующие мандаты. 21 февраля П. А. Кобозев сообщил из Оренбурга В. И. Ленину о том, что он приступил

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 470.
[2] Там же, с. 494.

к осуществлению поставленных задач [1]. 5 марта он прибыл в Ташкент с новым ленинским мандатом: «В целях надзора за точным и своевременным исполнением декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров в пределах Туркестанского края, Совет Народных Комиссаров командирует в Туркестан Временную Комиссию из трех, в составе Председателя т. Элиавы и членов: тт. Кобозева и Киселева.

Комиссия пользуется чрезвычайными правами вплоть до привлечения к суду должностных лиц и роспуска тормозящих советскую работу организаций. Местные и областные советские учреждения Туркестана обязываются исполнять распоряжения комиссии.

Члены комиссии пользуются средствами сношения (почта, телефон, телеграф) и транспорта на правах полномочных агентов Центральной власти.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Секретарь Совета Народных Комиссаров
Л. Фотиева»[2].

Вместе с Кобозевым прибыла большая группа партийных, советских и военных работников, часть которых была направлена в Семиречье, часть — в Фергану и Закаспий. Кое-кого Петр Алексеевич направил помогать парторганизациям Актюбинска, Казалинска, Перовска и Черняева. Петр Алексеевич стремился сам побывать в этих городах, ему крайне нужно было из первых рук получить информацию о положении дел на дороге и прилегающих к ней местах, сделать необходимые разъяснения, дать советы, рекомендации.

Первая остановка была в Актюбинске, куда он прибыл вместе с эшелоном советских войск. Сразу заметим, в составе прибывшего вместе с Кобозевым в Актюбинск эшелона была группа тех, кто влился в состав городской партийной организации. Один из них, известный потом всему Туркестану военный летчик А. А. Шав-

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 542.
[2] В. И. Ленин о Казахстане. Алма-Ата, 1982, с. 66.

4—2

ров, даже возглавил на время Актюбинский горком РКП(б). 1 марта 1919 г. ТурЦИК сообщил о том, что «...товарищ Кобозев выезжает из Актюбинска в Ташкент для участия в седьмом съезде Советов и совместного обсуждения важнейших положений»[1].

В Ташкенте Петр Алексеевич попал на II краевой съезд железнодорожников. Корреспондент газеты «Туркестанский коммунист» красочно передал подробности того, как встречали *своего* комиссара представители станций и разъездов края.

«День 6 марта был торжественным для съезда. Прибыл Петр Алексеевич Кобозев.

К 10 часам утра зал заседаний был переполнен желающими увидеть и выслушать тов. Кобозева.

В 10 $\frac{1}{2}$ час дня съезд встречает тов. Кобозева долго несмолкаемыми аплодисментами. Все делегаты встают и, стоя же, выслушивают его первую приветственную речь.

П. А. Кобозев появляется за столом президиума в солдатской шинели и солдатской же серой папахе. На поясе кобур с револьвером, в руках туго набитый портфель»[2].

Ознакомив присутствовавших с проблемами борьбы партии, Советского правительства за скорейший разгром интервентов и белогвардейцев, рассказав о развитии революционного движения в других странах, о том, что будет обсуждать VIII съезд РКП(б), Петр Алексеевич два часа отвечал на вопросы.

Со съезда П. А. Кобозев тут же направился на подготовительное заседание собрания большевистской фракции VII Туркестанского съезда Советов. И там Петр Алексеевич держал речь. В ней был дан отпор демагогическим вывертам лидера левых эсеров Туркестана К. Я. Успенского, который призывал большевистскую фракцию принять поголовно левых эсеров в КПТ, стремился, как определил Кобозев, «прятать концы в во-

---

[1] Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ашхабад, 1957, с. 194.

[2] Туркестанский коммунист, 1919, 13 марта.

ду»[1]. А левым эсерам было что прятать. Всей своей провокационной политикой они активно способствовали январскому мятежу изменника К. Осипова. Если раньше по поводу и без повода левые эсеры кричали о крестьянском характере своей партии, о несогласии с твердой дисциплиной, созданием ревтрибуналов, органов ЧК, протестовали против руководящей роли рабочего класса, то теперь они приписывали себе лавры разгрома осиповщины, утверждали, что они сторонники пролетарской диктатуры. Вот это и начал развенчивать Кобозев. Но, учитывая факт их капитуляции — просьбу о коллективном приеме в КПТ, Петр Алексеевич счел возможным согласиться с предложением о проведении дальнейшей работы съезда без фракционных заседаний.

П. А. Кобозев добился того, что впервые на съезде Советов была создана секция по национальным делам. По инициативе секции объединенное заседание Крайкома, ТурЦИКа, с участием члена Особой (временной) комиссии П. А. Кобозева, рассмотрев вопрос о военно-политическом положении Туркестана, решило принять меры по нормализации взаимоотношений ТАССР с Хивинским ханством. Там фактически правил один из главарей басмачества Джунаид-хан. Нормализация позволяла избежать возникновения нового фронта, показать трудящимся массам миролюбивый характер внешней политики Советского Туркестана. В Хиву была направлена специальная делегация. Она достигла соглашения о заключении мира с хивинским правительством [2].

Одним из важных решений тех дней явилось постановление национальной секции VII съезда о широком привлечении трудящихся коренного населения в руководящие органы Советской власти. Подчеркнем, что постановление секции по своему духу полностью отвечало установкам VIII съезда РКП(б), заявившего о прочном союзе рабочего класса с середняком, о строжайшем учете интересов трудящихся национальных районов.

---

[1] *Назаров М. Х.* Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918—1920 гг.). Ташкент, 1969, с. 119.

[2] Там же, с. 142—143.

К сожалению, не все в руководстве Крайкома, СНК и ТурЦИКа смогли правильно понять политическую важность решений секции. Бывшие левые эсеры, используя недостаточность марксистской подготовки таких деятелей, как А. А. Казаков, К. Е. Сорокин, добились решения о ликвидации секции*. Часть левых эсеров своими почти шовинистическими выступлениями спровоцировала членов секции принять ошибочное решение о выражении недоверия Крайкому. С помощью П. А. Кобозева эта ошибка была исправлена. В то же время по инициативе П. А. Кобозева начавшая свою работу 13 марта 1919 г. II конференция КПТ отметила необходимость более широкой работы в бедняцко-середняцких слоях аулов и кишлаков и приняла постановление: создать по примеру Центра краевое Мусульманское бюро, поручив ему организацию идейно-политической работы среди коренного населения, разработку соответствующих мероприятий по реализации ленинской национальной политики в Туркестане. Конференция поручила Крайкому разработать Положение о Мусбюро КПТ и его задачах [1].

То, что произошло на конференции, та линия, которую ей стремились навязать бывшие левые эсеры и находившиеся отчасти под их влиянием некоторые теоретически слабо подготовленные руководители Туркреспублики, вылилось в дальнейшем в так называемый колонизаторский уклон. В свою очередь он содействовал возникновению и усилению националистического уклона.

---

* Видимо, это произошло при неполном составе съезда, когда часть делегатов отсутствовала, а председательствовал на заседании один из тех, кто стоял за роспуск секций. Когда же делегаты собрались почти в полном составе, прежняя точка зрения восторжествовала. 29 марта 1919 г. П. А. Кобозев сообщал Элиаве и Киселеву: «Съезд отменил свое неудачное решение о роспуске секции по национальным делам, вынесенное под давлением Казакова и Солькина». (См.: Труды III съезда Коммунистической партии Туркестанской республики Р. С. Ф. Ташкент, 1919, с. 253—254.)

[1] История Коммунистических организаций Средней Азии, с. 338.

На основании решений конференции и Крайкома партии в апреле было создано Мусбюро. В его состав вошли наиболее известные коммунисты Н. Ходжаев, Т. Рыскулов, А. Мухитдинов, Ю. Ибрагимов, Ю. Алиев. Мусбюро, как отмечалось в постановлении Крайкома, было сформировано с целью улучшить дело «организации и руководства партийной работой в мусульманской части партии». Это полностью вытекало из указаний В. И. Ленина о необходимости тщательного, умелого, осторожного подхода к установлению прочных связей с трудящимися Востока в их борьбе против капиталистов и феодалов. Мусбюро и секции стали переходной формой партийного строительства в крае.

При содействии П. А. Кобозева Мусбюро развернуло энергичную деятельность по организации коренного населения на местах. К июню 1919 г. муссекции действовали в 108 партийных организациях края.

Весной 1919 г. обстановка в Туркестане была не простая. С одной стороны укрепилась Советская власть, возросла поддержка тружеников аулов и кишлаков, добились существенных успехов войска Закаспийского фронта, ряд сильных ударов был нанесен по басмачеству.

В то же время были и значительные трудности. В экономике все сильнее давала себя знать разруха, что усиливало колебания мелкобуржуазных слоев. В Семиречье все ощутимей нарастало давление анненковцев, защитники Черкасской обороны испытывали острый недостаток продовольствия, боеприпасов. Не в лучшем положении были части Северного Семиреченского фронта. Но главная военная опасность была связана с продвижением белых на юг от Актюбинска, который они захватили 12 апреля. Многочисленные фронты, экономика, советское строительство все больше требовали опытных, знающих, стойких кадров. Вопрос о кадрах был самым больным местом в жизни республики. В 1918 г. дело спасало присутствие в Туркестане 1300 членов оренбургской и орской организаций РКП(б), теперь их не было. Они вернулись на свои места, та группа, которая прибыла с Петром Алексеевичем, была слишком малочисленной. Сильно сказывалось отсутствие тех, кто погиб в январе от рук мятежников.

Этим воспользовались перешедшие в КПТ лидеры

бывшей партии левых эсеров. Им очень мешал П. А. Кобозев, и вскоре они повели на него одну атаку за другой, вполне понимая, что его устранение и дискредитация позволят установить свой контроль над государственно-партийным аппаратом. Однако их уловки были напрасны. Петр Алексеевич все силы отдавал делу мобилизации масс на защиту устоев Советской власти в крае, по поручению Крайкома вошел в комиссию по подготовке III съезда КПТ [1].

Накануне съезда в Ташкенте прошла I Краевая конференция мусульманских организацией РКП(б). П. А. Кобозев выступил на ней, подчеркнув необходимость правильного решения национального вопроса, который превращался в осевую линию внутренней политики партии в Туркестане. Кобозева поддержал председатель Мусбюро партии Т. Рыскулов [2].

1 июня в Ташкенте открылся III съезд КПТ. Петр Алексеевич принял самое деятельное участие в его работе. Он выступил с докладом о текущем моменте, указав, что, по сравнению с прошлым годом, положение Советской республики упрочилось. Революционное движение набирает силу и в других странах, но Советская республика пока остается на положении осажденной крепости, и для коммунистов Туркестана военный вопрос остается на первом месте. Характеризуя экономическое положение края, докладчик заявил, что надо напрячь все силы для успешного развития народного хозяйства, обеспечения нужд фронта, и здесь колоссальна роль профсоюзов. Наибольшее внимание Петр Алексеевич уделил проблемам национальной политики. Советская власть покончила с угнетением коренного населения, к политической жизни пробудились многомиллионные массы национального крестьянства, но оно отличается от крестьянства центральных районов России и требует умелого подхода, учета особенностей его положения и быта. Касаясь проблем тактики партии, Петр Алексеевич указал на необходимость быть постоянно готовым к смене форм и методов работы, проявлять гибкость в частностях, твердость в главном.

На работу съезда, принятые им решения оказали

---

[1] См.: *Назаров М.* Коммунистическая партия Туркестана.., с. 149.

[2] Мусбюро РКП(б) в Туркестане, с. 10.

огромное влияние материалы VIII съезда РКП(б). В соответствии с установками VIII съезда РКП(б) делегаты Туркестанского партийного форума приняли решение создать стройную систему регулярных частей Красной Армии, ликвидировать все проявления партизанщины, в специальной резолюции указали на важность проведения политической работы в армии.

III съезд вынес решение об усилении организационной работы среди трудящихся коренного населения. Было принято также постановление об упрочении союза со средним крестьянством. Петр Алексеевич почти единодушно был избран в состав Крайкома.

Делегаты III съезда в ходе решения различных вопросов повестки дня внимательно анализировали и то, как протекали события на четырех основных фронтах Туркреспублики. Если в Закаспии дела обстояли благополучно, Фергане и Семиречью ничего не угрожало, то на главном — Актюбинском фронте обстановка непрерывно ухудшалась. После гибели командующего фронтом Н. Ф. Селиверстова, вопреки возражению Реввоенсовета, новым командующим стал бывший левый эсер Колузаев. Двинув войска в неподготовленные наступления, он утерял управление частями, они понесли тяжелые потери, фронт начал разлагаться.

Крайком направил на Актюбинский фронт Чрезвычайную комиссию в составе П. А. Кобозева, Д. Отарбаева, М. Б. Бузенова, А. Кинги, А. И. Астраханцева. Она сумела упрочить положение, реорганизовав Реввоенсовет, укомплектовав части политкомиссарами, назначив командующим фронтом А. И. Астраханцева.

Ввиду явного превосходства сил противника было принято решение отвести войска из Эмбы и занять оборону в районе станции Челкар. Отстраненный от командования, Колузаев всячески препятствовал распоряжениям Чрезвычайной комиссии, его выступления поддерживал командир отряда кустанайских партизан А. Жиляев. Он даже отдал приказ об аресте П. А. Кобозева, обвинив его в измене. Авантюристические действия Жиляева чуть было не закончились трагически. И только выдержка и большое личное мужество П. А. Кобозева спасли его самого и его соратников.

Обо всем происшедшем на Актюбинском фронте подробно доложил член Чрезвычайной комиссии А. Кинга.

Крайком партии и ТурЦИК решили еще раз проверить все обстоятельства дел, исправить положение и наказать виновных. Вскоре жиляевская авантюра была ликвидирована, а принятые военные и экономические меры позволили существенно улучшить положение на фронте.

И все же этого было недостаточно. Враг превосходил не только технически, он располагал и большей живой силой, хотя его социальная база была намного слабее и у́же. Кобозев-политик настойчиво добивался, чтобы коммунисты Туркестана помогали пополнять красноармейские части передовыми представителями коренного населения. Он требовал полнее и шире вовлекать тружеников-казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков к работе в Советах, профсоюзах. Правоту его позиции в полной мере подтвердила радиограмма ЦК РКП(б) от 10 июля 1919 г., которая вошла в обиход как радио о пропорциональном представительстве.

Исходя из ленинских положений по вопросам национальной политики, ЦК партии рекомендовал осуществить ряд мер. И в первую очередь — «широкое, пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями»[1]. Это полностью отвечало ленинскому указанию о том, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»[2]. ЦК РКП(б) настоятельно требовал избегать всяких трений, не допускать ущемления национальных и религиозных чувств, что порой имело место при реквизиции имущества связанных с контрреволюционерами баев и близких к ним кругов. ЦК партии требовал не идти на подобные действия без согласия краевых мусульманских организаций.

Уже 13 июля Мусбюро, обсудив текст радиограммы, постановило: «Перевести радиограмму на местные языки и опубликовать в местной печати»[3].

---

[1] Из истории гражданской войны. Сб. документов. М., 1961, т. 2, с. 736.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244—245.
[3] *Рыскулов Т. Р.* Избранные труды. Алма-Ата, 1984, с. 21.

Однако полностью сущность радиограммы ЦК РКП(б) часть руководящего состава Туркреспублики сразу осознать не смогла, что привело к серьезным последствиям. Шовинистически настроенные деятели из числа бывших левых эсеров и находившиеся под их влиянием отдельные работники ТурЦИКа образовали группу великодержавно-шовинистического уклона, получившую название «активной» группы.

Представители этой группы и часть националистически настроенных членов Мусбюро по-разному трактовали смысл радиограммы. «Активисты» заявили, что Москва не имеет, мол, четкого представления о положении дел в Туркестане и поэтому проводить в жизнь директиву нельзя, ибо под прикрытием простых мусульман в государственный аппарат якобы могут пройти противники Советской власти. Национал-уклонисты, наоборот, «предложили $^{9}/_{10}$ мест в Советах, особенно в руководящих органах, немедленно отдать представителям местных национальностей независимо от их классовой принадлежности»[1].

Лето — осень 1919 г., пожалуй,— один из самых сложных периодов в жизни и деятельности П. А. Кобозева. Как представитель Центра, член Крайкома КПТ, как коммунист, он был обязан четко и неукоснительно, не допуская никаких отклонений, проводить в жизнь линию партии. А в сложнейшей обстановке делать это было совсем не просто, положение еще осложнялось тем, что любые действия П. А. Кобозева из плоскости партийно-государственной переводились на его личность. Так было и на заседании Ташкентской городской парторганизации, посвященном вопросу обсуждения радио ЦК о пропорциональном представительстве, отошедшем от повестки дня и вылившемся в обсуждение личности Кобозева. «Бесцельное будирование собрания отдельными лицами, необоснованные обвинения и даже оскорбления, озлобленность и нарочитая близорукость, все это, к сожалению, имело место, все это било по нервам»,— писала газета «Туркестанский коммунист»[2].

---

[1] *Турсунов Х.* Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. Ташкент, 1971, с. 175.

[2] Туркестанский коммунист, 1919, 7 августа.

Вопрос об осуществлении национальной политики партии и, в частности, о радиограмме ЦК было предложено включить в повестку дня VIII съезда Советов Туркестана. Но едва только внесший это предложение Т. Р. Рыскулов сошел с трибуны, как тут же против выступил Успенский, заявив, что этот вопрос будет обсужден на IV съезде КПТ, поэтому «кустарничеством заниматься нечего»[1]. Однако делегаты съезда постановили включить его в повестку дня.

Дебаты на VIII съезде Советов показали, что мелкобуржуазные элементы из бывших левых эсеров, не встречая должного отпора со стороны части руководства ТурЦИКа и КПТ, перешли в прямое наступление на тех, кто проводил четкую партийную линию, и прежде всего на ленинского посланца — П. А. Кобозева. Со всей полнотой их антипартийные действия вскрылись во время работы IV Чрезвычайного съезда КПТ, собравшегося в Ташкенте 12 сентября 1919 г., когда разгром белогвардейцев под Актюбинском стал фактом, а до соединения частей 1-й армии Восточного фронта с войсками Туркестанской республики оставалось менее суток.

Такие деятели из бывших левых эсеров, как Успенский, Беленко, Темлянцев, попытались оказать давление на съезд, заручившись поддержкой введенных в заблуждение членов Ташкентской городской организации КПТ. Дело дошло до того, что под ложными предлогами предпринимались попытки ареста П. А. Кобозева и предания его суду. С помощью председателя ТурЦИКа А. А. Казакова и председателя СНК ТАССР К. Е. Сорокина антипартийные элементы хотели дезинформировать Москву, направив соответствующие телеграммы в ЦК РКП(б), ВЦИК и Совнарком РСФСР. Секретарь ЦК партии Е. Д. Стасова накануне открытия съезда сообщила А. А. Казакову, что его разногласия с П. А. Кобозевым касаются не программных проблем, а вопросов тактики. «Не зная достаточно политической обстановки сейчас в Туркестане, ЦК не берется решать этого вопроса в Москве». Далее в радиограмме Е. Д. Стасовой отмечалось, что Совнарком направляет в ближайшее время в Ташкент специальную комиссию с боль-

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 9 сентября.

шими полномочиями, которая во всем разберется[1]. Эту депешу руководство ТурЦИКа скрыло от делегатов съезда.

После длительных и острых дискуссий участники IV съезда КПТ постепенно разобрались во всем. Специальная контрольная комиссия полностью оправдала П. А. Кобозева, что же касается Успенского, то на основании информации комиссии он был исключен из состава КПТ. Суровому осуждению подверглись другие участники «активной» группы, организовавшие травлю Петра Алексеевича Кобозева*. По предложению съезда они были сняты со своих постов. Председателем ТурЦИКа стал И. А. Апин. П. А. Кобозев, Т. Рыскулов почти единодушно были избраны в состав Крайкома.

Спустя месяц после окончания работы съезда в Ташкент прибыла Чрезвычайная партийно-государственная комиссия по делам Туркестана, вошедшая в историю под названием Турккомиссии. Петр Алексеевич совместно с Т. Рыскуловым, И. Апиным и другими сердечно приветствовал своего старого соратника Ш. З. Элиаву — председателя Турккомиссии, членов комиссии: Ф. И. Голощекина, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака. Встреча, говорилось в информации газеты, была сердечной, «чувствовалось, что повеяло чем-то новым, и мысль невольно обратилась к далеким товарищам в России»[2].

С волнением Петр Алексеевич ознакомился с текс-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 22-а, л. 29.

* Кстати, именно в те дни, когда «активная» группа вела травлю П. А. Кобозева, общее собрание коммунистов станции Чиили приняло решение: в знак уважения к вкладу Петра Алексеевича в дело утверждения Советской власти в Казахстане и Туркестане и неутомимую пропаганду марксизма-ленинизма среди трудящихся, назвать его именем рабочий клуб. Ознакомившись с предложением коммунистов станции, П. А. Кобозев писал им: «Благодарю товарищей, но ни в коем случае не могу позволить взять привычку эсеров к возвеличиванию имен. Тов. Ленин всегда протестовал против излишнего употребления его имени». (См.: *Хасанов К.* Петр Алексеевич Кобозев, с. 88—89.)

[2] Туркестанский коммунист, 1919, 11 ноября.

том ленинского послания «Товарищам коммунистам Туркестана», в котором вождь партии и страны обратился к коммунистам края, подчеркнув, что он ведет с ними разговор не как высокое должностное лицо, а как их товарищ по партии [1].

Через некоторое время Петр Алексеевич выехал в Москву. После соответствующего отчета перед ЦК РКП(б), СНК и ВЦИК предполагалось направить его на один из фронтов, но, учитывая хорошее знание проблем Востока, партия и правительство привлекли его к совещанию по вопросам национально-государственного строительства и партийной работы в республиках Советского Востока.

И все же военное ведомство вновь и вновь ставило перед ЦК партии и СНК вопрос о том, чтобы Петр Алексеевич включился в известную ему работу в войсках в качестве члена РВС фронта. 23 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина рассмотрело вопрос о кандидатуре П. А. Кобозева для назначения его на Юго-Западный фронт и в трудовую армию Советской Украины [2].

Помешала болезнь. Едва окрепнув, Петр Алексеевич включился, по направлению ЦК, в работу Наркомата РКИ. Транспортная комиссия этого наркомата с участием П. А. Кобозева проанализировала положение на железнодорожном транспорте. По предложению комиссии сняли с поста наркома Троцкого. Наряду с работой в НК РКИ Петр Алексеевич преподавал в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, вел сбор документов по истории партии, революционного движения.

23 августа 1922 г. ЦК РКП(б) приняло решение направить П. А. Кобозева на Дальний Восток и рекомендовать его в члены Дальбюро ЦК РКП(б) и председателем Совета Министров Дальневосточной республики (ДВР). Товарищи по партии, учитывая слабое состояние здоровья Кобозева, обратились в ЦК РКП(б) с просьбой отменить принятое постановление. Окончательное решение вопроса выпало на долю В. И. Ленина.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.
[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 8, с. 245.

Через несколько дней состоялась последняя встреча П. А. Кобозева с В. И. Лениным. Владимир Ильич обратился к старому коммунисту со словами:

«А у нас, Петр Алексеевич, большая к вам просьба... Несмотря на вашу болезнь, мы решили просить вас еще раз помочь партии. На этот раз надо не начинать, а кончать гражданскую войну, изгнать интервентов с Дальнего Востока и установить там Советскую власть»[1].

П. А. Кобозев с честью выполнил и это, последнее, ленинское поручение. 25 октября 1922 г. над Владивостоком взвилось красное знамя. Страна перешла к мирному созидательному труду. Петр Алексеевич целиком перешел к преподавательской и научной работе.

Свой рассказ о ленинском посланце П. А. Кобозеве закончим словами известного большевика П. Н. Лепешинского, который в день 60-летия П. А. Кобозева писал ему:

«Я не собираюсь сказать Вам ничего нового, если и на этот раз подчеркну, что среди своих товарищей, старых большевиков, я не нахожу ни одного, равного Вам по силе «твердокаменности» (слово «твердокаменность» — наша рядовая большевистская кличка еще со времен II съезда партии), поскольку в это понятие вкладывают признаки беспредельной преданности партии Ленина, бескомпромиссности, бесстрашия, необычного упорства в борьбе и в известном смысле прямолинейности»[2].

---

[1] См.: Реввоенсовет нас в бой зовет, с. 57.
[2] См.: Комиссары. М., 1967, с. 151

Образец пролетарского революционера

4 ноября 1919 г. в Ташкент прибыла Комиссия ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия) — полномочный орган Советского правительства и Центрального Комитета большевистской партии. На железнодорожном вокзале ее встречали руководители Туркестанской АССР и Коммунистической партии Туркестана И. А. Апин, П. А. Кобозев, Т. Р. Рыскулов, ответственные партийные и советские работники. Встреча была радостной и сердечной, «чувствовалось, что повеяло чем-то новым, и мысль невольно обратилась к далеким товарищам в России»[1].

Приезд Турккомиссии и ее деятельность должны были способствовать укреплению союза трудящихся Советской России с народами Туркестана, их самоопределению и уничтожению национального неравенства. Все это имело принципиально важное значение не только для казахов, таджиков, узбеков, каракалпаков и других народов Советского Туркестана, но и для народов Советского Востока, для всех народов колоний международного империализма.

Среди членов Турккомиссии был Валериан Владимирович Куйбышев. Вместе с Ш. З. Элиавой, Ф. И. Голощекиным и

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 11 ноября.

Я. Э. Рудзутаком он прибыл в Туркестан с мандатом, подписанным Владимиром Ильичем Лениным, для проведения в жизнь национальной политики партии. Перед членами Турккомиссии стояла задача окончательно преодолеть недоверие трудящихся Туркестана к рабочим и крестьянам России, которое сложилось в условиях господства царизма.

Валериан Владимирович с большой радостью воспринял назначение его членом Турккомиссии. Еще задолго до приезда в Туркестан мечтал о том, чтобы лично принять участие в осуществлении благороднейшей цели — помочь народам одной из наиболее отсталых окраин бывшей Российской империи построить свободную и счастливую жизнь. Будучи уверенным в полной победе над Колчаком, В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе заблаговременно начали готовить советские войска для прорыва кольца вражеских фронтов, окружавших Советский Туркестан. Уже в апреле 1919 г. они поручили верному сыну казахского народа, патриоту и интернационалисту А. Джангильдину «общее руководство скорейшим формированием воинских киргизских частей в областях Уральской, Тургайской и Закаспийской, а также Букеевской орды». А летом 1919 г. В. В. Куйбышев сообщал командованию Восточного фронта, что армейские политические органы проводят широкую подготовку к работе в новых условиях. «У нас уже идут, а отчасти и закончены работы применительно к этим условиям. Готовится литература на языках народностей, населяющих Туркестан, подбираются работники, знающие как Туркестанский край, так и Уральскую область...»,— говорил Валериан Владимирович [1].

Была еще одна причина того, что он с радостью воспринял свое назначение членом Турккомиссии. В далеком Кокчетаве он провел детство и юность. В этот провинциальный городок, куда его отец Владимир Яковлевич был назначен начальником воинской команды, Валериана привезли восьмимесячным ребенком.

Родился В. В. Куйбышев 25 мая (6 июня) 1888 г. в Омске в семье кадрового офицера царской армии. Семья

---

[1] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев. Биография. М., 1966, с. 120.

была большая, средств к существованию не хватало. Мать Валериана Юлия Николаевна вынуждена была учительствовать в станичной школе за восемь рублей в месяц. В Кокчетаве дом Куйбышевых сразу стал своеобразным центром местной интеллигенции, особенно молодежи. Здесь устраивались любительские концерты, спорили о литературе и искусстве, слушали народную и классическую музыку. Общительный и живой Валериан полюбил и просторы, и горы Казахстана, и его многострадальный трудолюбивый народ .

Одиннадцать лет прожил Валериан в Кокчетаве. Здесь он окончил начальную школу и, как многие его сверстники, выходцы из бедных дворянских семей, был определен воспитанником Сибирского кадетского корпуса в Омске. В 1898 г. кончились детские забавы, горести и радости, началась новая жизнь кадета «Куйбышева 2-го — Валериана» (в корпусе учились два брата Валериана). Но семь лет учебы и муштры в корпусе не смогли сделать из него верноподданного российского императора. Более того, уже в стенах корпуса он впервые соприкоснулся с нелегальной литературой. Среди прочитанных им книг и брошюр, запрещенных цензурой, были: «Речь на суде рабочего Петра Алексеева», памфлет Л. Н. Толстого «Николай Палкин».

В своей автобиографии В. В. Куйбышев отмечал: «Будучи в шестом классе корпуса (1903—1904 гг.), завязал связь с нелегальным социал-демократическим кружком в Омске» [1]. В эти же годы он посещает массовки железнодорожников, выступает на тайных собраниях, распространяет запрещенную литературу. В 16 лет, летом 1904 г., В. В. Куйбышев вступил в РСДРП. А в 1905 г. успешно окончил кадетский корпус, твердо встав на путь борьбы с царским самодержавием. В июне 1905 г. Валериан был «согласно просьбе отца и разрешению Командующего Сибирским военным округом уволен на попечение родителей»[2].

---

[1] *Дубинский-Мухадзе И.* Куйбышев. М., 1971, с. 19.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 10, л. 1: *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев. Биография, с. 6.

В августе 1905 г. молодой большевик Куйбышев зачисляется слушателем Петербургской Военно-медицинской академии. Приехав в столицу, он сразу же устанавливает связи с Петербургским большевистским комитетом РСДРП. Ему поручают распространение нелегальной литературы, транспортировку оружия для готовившегося вооруженного восстания.

Почти полгода Валериан Владимирович выполнял эти ответственные поручения. К занятиям в академии он так и не приступил. Скрываясь от ареста, в марте 1906 г. он выезжает в Кузнецк, а затем — в Омск. Здесь В. В. Куйбышев переходит на нелегальное положение профессионального революционера.

Сибирские товарищи, хорошо знавшие его, рассказывали: «Молодой В. Куйбышев, полный жизни, сил, революционной энергии, в пору первой революции приехал к себе на родину в Сибирь, овеянный бурями революционных классовых боев петербургского пролетариата, он принес в Сибирь непримиримость и последовательность профессионального революционера-ленинца»[1].

Осенью 1906 г. В. В. Куйбышев активно готовился к Омской городской партийной конференции, где предстояло избрать делегатов на V съезд РСДРП. Ему было поручено сделать доклад о так называемом «рабочем съезде», идея созыва которого принадлежала меньшевикам. Скрываясь за демагогическими лозунгами создания «широкой рабочей партии», меньшевики пытались путем созыва «рабочего съезда» ликвидировать существовавшую марксистскую, революционную партию РСДРП.

«Такой съезд нам не нужен,— заявил В. В. Куйбышев на конференции, состоявшейся в ноябре 1906 г.,— он способствовал бы принижению социал-демократических принципов и социал-демократической тактики, превратил бы рабочую партию из передового отряда пролетариата в придаток буржуазных партий»[2].

Конференция не закончила свою работу. После док-

---

[1] Комсомольская правда, 1935, 26 января.
[2] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев. Биография, с. 16—17.

лада В. В. Куйбышева в помещение, где она проходила, ворвалась полиция и арестовала всех ее делегатов. Это был первый арест молодого большевика. Вспоминая о пребывании в тюрьме, В. В. Куйбышев рассказывал: «Мы жили в полной уверенности, что революция вот-вот снова вспыхнет с небывалой силой, что она неизбежно победит. Поэтому — что же нам разговаривать с судебными властями самодержавия? Мы решили не только не давать никаких показаний, но и не отвечать даже на вопросы о своих фамилиях. Каждый из нас должен был произнести следующую стереотипную фразу: «Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду»[1].

Но первая российская буржуазно-демократическая революция закончилась поражением. Понадобилось 12 лет упорной и напряженной борьбы для того, чтобы в феврале 1917 г. было свергнуто ненавистное народу царское самодержавие. За эти годы В. В. Куйбышева восемь раз арестовывали и четыре раза отправляли в ссылку. Он провел в тюрьмах и ссылках семь лет. Но они не сломили бойца ленинской гвардии. Он проводил огромную политическую нелегальную работу среди рабочих Петербурга, Томска, Вологды, Харькова, Петропавловска, солдат Томского гарнизона, политических ссыльных Нарыма и Туруханского края.

В мае 1907 г. по заданию Омского комитета РСДРП В. В. Куйбышев прибыл в Петропавловск. В то время полиция подавила выступления рабочих-железнодорожников и требовалось оказать помощь партийной организации города в оживлении работы среди тружеников депо, в организации отпора меньшевикам, призывавшим пролетариев свернуть революционную деятельность, переключиться на мероприятия культурно-просветительного плана. К тому же давало себя знать наступление реакции и на идеологическом фронте. Полиция одну за другой закрывала газеты прогрессивного направления. Все это требовало срочно наладить выпуск легального издания, с помощью которого можно было бы знакомить трудящихся Петропавловского уезда и всей Акмолинской области с точкой зрения партии на

---

[1] *Куйбышев В. В.* Эпизоды из моей жизни. М., 1957, с. 16.

происходящие события, пропагандировать в массах мнение о необходимости продолжения борьбы с царизмом. Омский комитет направил в Петропавловск еще одного профессионального революционера.

По соглашению с либеральным издателем Геркулесовым большевики стали выпускать газету «Степная жизнь». Увидели свет всего лишь четыре номера, но они сыграли значительную роль в революционной истории города и всего Северного Казахстана.

Уже во втором номере газеты был выражен резкий протест против расправы полиции над железнодорожниками, участниками февральской стачки, отмечалось, что во многом вина лежит на начальнике станции, опутавшем депо сетью шпионов.

Наибольшее внимание читателей газеты, а ее выписывали в Петропавловске, Омске, Ишиме, Кургане, Кокчетаве, Акмолинске, на станциях Макушино, Петухово, привлек третий номер, где было сообщение «Со съезда социал-демократов». В нем рассказывалось о V (Лондонском) съезде РСДРП (30 апреля — 19 мая 1907 г.), принявшем большевистские решения по вопросам политики и тактики партии в условиях отступления революции. Редакция полностью поместила резолюцию съезда «Рабочий съезд и беспартийные рабочие организации». Текст резолюции полностью развенчивал меньшевистские идеи подмены партии беспартийным конгломератом. Передовая номера резко протестовала против разгона II Государственной думы, ареста социал-демократической фракции. Омичей, акмолинцев, петропавловцев, говорилось в ней, акт произвола должен задеть особенно больно, «потому что представитель Акмолинской области Виноградов (депутат-большевик.— *В. У.*) принадлежит к числу привлеченных к судебной ответственности. Таким образом, мы лишены отныне своего представителя в Думе...»[1] Особое внимание привлекают в передовой такие слова: «...огромная часть населения видела в этих 55 членах социал-демократической фракции выразителей своих нужд, борцов за свое освобождение, за свое счастье. Среди этого населения, с надеждой и доверием смотрящего на со-

---

[1] В. В. Куйбышев — выдающийся пролетарский революционер и мыслитель. Томск, 1963, с. 74.

циал-демократическую фракцию, был целый класс, класс рабочих, имеющих такое огромное влияние на всю общественную жизнь России».

26 октября 1907 г. в письме к А. З. Судаковой из г. Каинска профессиональный революционер В. В. Куйбышев писал, что пришлось «...уехать: там меня заметили и искали».

В 1911 г. В. В. Куйбышев организовал в Нарымской ссылке нелегальную партийную школу для ссыльных рабочих — активных участников революционной борьбы. На разных этапах своей подпольной деятельности В. В. Куйбышев встречался и сотрудничал с видными деятелями партии, большевиками-ленинцами Я. М. Свердловым, М. И. Калининым, А. С. Бубновым, Ф. И. Голощекиным, Г. И. Петровским, М. И. Ульяновой, В. Л. Шанцером (Маратом), Н. М. Шверником.

Февральскую (1917 г.) буржуазно-демократическую революцию В. В. Куйбышев встретил на пути в свою последнюю ссылку в Туруханский край. 6 марта 1917 г. в глухом селе, находившемся в двухстах километрах от Красноярска, он был освобожден и сразу же выехал в Самару.

А через две недели, 21 марта 1917 г., В. В. Куйбышева избрали председателем Самарского Совета рабочих депутатов. Как член губернского комитета и делегат от Самарской организации он принимал участие во Всероссийской Апрельской конференции большевиков (1917 г.), определившей на основе Апрельских тезисов В. И. Ленина курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Здесь, на конференции, сбылась его давнишняя мечта: он впервые увидел и услышал Владимира Ильича Ленина.

Самарские большевики, одним из руководителей которых был В. В. Куйбышев, внесли достойный вклад в подготовку и победу Великой Октябрьской социалистической революции. ЦК большевистской партии отметил Самару в числе первых городов страны, установивших Советскую власть [1].

После победы Великого Октября В. В. Куйбышев руководил деятельностью Самарского ревкома, был де-

---

[1] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. М., 1958, с. 235.

легатом VII съезда партии и IV Всероссийского съезда Советов, решавших вопрос о заключении мира с кайзеровской Германией. В. В. Куйбышев на партийном съезде опрометчиво голосовал против договора с Германией, на съезде Советов — воздержался. Однако вскоре Валериан Владимирович осознал свою ошибку: уже в апреле 1918 г. на заседании Самарского Совета заявил, что «самарские большевики считают решение Всероссийского съезда Советов о вынужденной ратификации грабительского договора мнением подавляющего большинства российского пролетариата и деревенской бедноты, а потому поддерживают это решение»[1].

Мирная передышка, завоеванная в результате заключения Брестского мира, дала возможность Советскому правительству развернуть социалистическое строительство. В его основу был положен ленинский план экономической политики Советского государства, изложенный Владимиром Ильичем в работе «Очередные задачи Советской власти». Важную роль в осуществлении ленинского плана должны были сыграть совнархозы как местные органы управления народным хозяйством. В. В. Куйбышев, оставаясь председателем Самарского губисполкома, возглавил и Самарский губсовнархоз. Под его руководством губсовнархоз составлял проекты работ, заготовлял строительный материал, налаживал народное хозяйство губернии.

Однако вскоре началась гражданская война. Вспыхнувший в мае 1918 г. мятеж контрреволюционного чехословацкого корпуса привел к падению Советской власти не только в Самаре, но и в ряде районов Среднего Поволжья. В этих экстремальных условиях В. В. Куйбышев возглавляет Самарский губревком, назначается политкомиссаром вначале 1-й, а затем 4-й армии Восточного фронта, организует борьбу советских вооруженных сил против контрреволюции.

С гневом и болью воспринял армейский политкомиссар В. В. Куйбышев и бойцы армии весть о покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина. Они поклялись отомстить контрреволюции. Уже 12 сентября 1918 г. митинг бойцов Симбирской дивизии под председательством В. В. Куйбышева отправил В. И. Ленину радост-

---

[1] Приволжская правда, 1918, 10 апреля.

ную телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

Владимир Ильич немедленно ответил: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»[1].

7 октября 1918 г. бойцы 4-й армии освободили Самару. В. В. Куйбышев избирается председателем Самарского горсовета, входит в состав губернского комитета партии и губернского ревкома. Именно в эти трудные времена особенно проявились главные достоинства В. В. Куйбышева — большевистская принципиальность, добросердечность и скромность в сочетании с кипучей энергией и огромной работоспособностью.

Весной 1919 г. военная обстановка осложнилась. Армия Колчака, до зубов вооруженная международным империализмом, перешла в наступление. Центральный Комитет партии обратился к трудящимся с лозунгом: «Все на борьбу с Колчаком!». Для укрепления Восточного фронта еще в январе 1919 г. Совет Обороны страны направил М. В. Фрунзе. Два беспредельно преданных делу партии и народа большевика-ленинца — М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев 31 января 1919 г. встретились в Самаре. Они быстро сработались и крепко подружились. Им обоим принадлежит большая заслуга в организации победы над Колчаком. В апреле 1919 г. В. В. Куйбышев был назначен членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта, командующим которой являлся М. В. Фрунзе. Кровопролитные бои за Самару, Уральск, Оренбург — таковы были первые вехи боевых действий советских войск, руководимых М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым.

В июле 1919 г. М. В. Фрунзе назначается командующим войсками Восточного фронта, а В. В. Куйбышев направляется членом Реввоенсовета Астраханской группы войск. Здесь, в условиях тяжелой обороны Астрахани, зародилась, а впоследствии и закалилась дружба В. В. Куйбышева с С. М. Кировым. Во время обороны

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 95.

Астрахани на В. В. Куйбышева временно возлагаются обязанности командующего 11-й армией, а в августе 1919 г. он назначается членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, командующим которого являлся М. В. Фрунзе. Это назначение напомнило В. В. Куйбышеву задушевные беседы с М. В. Фрунзе в Самаре о необходимости помочь народам Туркестана в их борьбе за новую жизнь.

К концу лета 1919 г. развернулись решающие бои на подступах к Туркестану. В результате целого ряда блестящих военных операций 13 сентября советские войска соединились в районе Мугоджарского разъезда. Это было окончательное соединение Советской России и Советского Туркестана. Оно дало возможность Центральному Комитету партии и Советскому правительству непосредственно осуществлять руководство и оказывать повседневную помощь народам Туркестана в борьбе за социализм.

После соединения Туркестанской республики с РСФСР перед Компартией Туркестана встали задачи, связанные с мобилизацией всех сил и средств на ликвидацию белогвардейских сил в Закаспии и Семиречье, басмачества в Ферганской долине, а главное, с дальнейшим осуществлением ленинских принципов национальной политики. Эти задачи Компартия Туркестана могла решить только при прямой помощи и руководстве ЦК РКП(б), правительства Советской России. Именно поэтому 8 октября 1919 г. В. И. Ленин подписал Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о создании Турккомиссии в составе Ш. З. Элиавы (председатель), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Ф. И. Голощекина, Я. Э. Рудзутака. А через два дня, 10 октября 1919 г., ЦК РКП(б) выдал Турккомиссии мандат, по которому на нее возлагался партийный контроль и руководство партийными организациями в Туркестане от имени Центрального Комитета партии [1].

Но до отъезда в Ташкент Валериану Владимировичу вплотную пришлось заняться казахстанскими делами. Турккомиссия совместно с РВС Туркфронта, Реввоенсоветом 1-й Армии и Революционным комитетом по управ-

---

[1] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 101, л. 4; Вопросы истории КПСС, 1958, № 2.

лению Казахским краем провела в Оренбурге два совещания по узловым проблемам создания национальной государственности казахского народа. Первое состоялось еще до оформления комиссии как таковой (20 сентября 1919 г.) с участием всероссийского старосты — председателя ЦИК РСФСР М. И. Калинина. Оно приняло ряд исключительно важных решений. Во-первых, было признано необходимым пойти навстречу ходатайству коммунистов края о включении в состав намечаемой республики Оренбурга — города с большим и проверенным отрядом рабочего класса. Во-вторых, совещание в принципе договорилось о проведении специальной конференции с участием представителей всех слоев казахского народа («киргиз советских и несоветских»), объявив с этой целью об амнистии тем алашордынцам, которые прекратят борьбу с Советской властью.

27 октября, накануне отъезда в Ташкент, Турккомиссия провела второе заседание с участием членов РВС Туркфронта, 1-й армии и членов Казахского Ревкома. Установив, что часть членов Ревкома вместо работы по советскому строительству втянулась в групповую борьбу, комиссия внесла в СНК РСФСР предложение заменить этих работников (Б.Каратаев, Т. Седельников, М. Тунганчин). В. В. Куйбышеву пришлось много поработать над согласованием точек зрения о составе I Казахстанской советской конференции. Было признано необходимым участие в ней делегатов-коммунистов для обсуждения вопроса о создании краевого партийного центра [1].

Прибыв в Ташкент, В. В. Куйбышев сразу же отдался огромной партийно-политической, организационной и военной работе. Уже вечером в день приезда, 4 ноября 1919 г., он участвует в совместном заседании Краевого комитета партии, Мусульманского бюро и Туркестанского ЦИК, на котором обсуждалось известное письмо В. И. Ленина к туркестанским большевикам, доставленное Турккомиссией. В своем письме Владимир Ильич обращался к туркестанским коммунистам не как Председатель Совнаркома, а как член партии большевиков.

Туркестанские большевики с огромным удовлетворе-

---

[1] См.: Под знаменем ленинских идей, с. 251—253.

нием встретили письмо В. И. Ленина. Они рассматривали его как руководящие указания ЦК РКП(б) по осуществлению национальной политики партии на Востоке.

На второй день приезда, 5 ноября 1919 г., В. В. Куйбышев был на выпуске школы красных командиров. Выступая перед выпускниками, он подчеркнул, что «необходимо здесь построить армию по образцу Центральной России»[1].

Ежедневная кропотливая работа. Только за первый месяц пребывания в Туркестане (ноябрь) с помощью Валериана Владимировича были решены вопросы по реорганизации военных сил Туркестанской республики, в связи с этим подготовлены и подписаны 11 ноября и 22 ноября 1919 г. приказы РВС Туркестанского фронта; приняты конкретные меры по улучшению деятельности Компартии Туркестана (подготовка трех решений Турккомиссии о партийно-организационной работе); 14 ноября 1919 г. Куйбышев выступил на объединенном заседании партийных, советских и профсоюзных организаций о военной политике РКП(б); 18 ноября 1919 г. принял активное участие в проведении объединенного заседания Турккомиссии, Крайкома КПТ, ТуркЦИК, Мусбюро и Крайкома иностранных коммунистов, на котором обсуждались сложные вопросы партийного строительства в Туркестанской АССР[2]. Два ноябрьских дня В. В. Куйбышев находился в Самарканде. Сохранилась запись, рассказывающая об этом пребывании: приехал вечером, до 4 часов утра — заседание в обкоме, утром — смотр гарнизона, объезд достопримечательностей города, вечером — выступление на общем собрании членов партии; утром следующего дня выступление на партийной конференции, затем на митинге в старом городе, потом обход тюрьмы, беседы с заключенными (четыре часа), выступление на митинге перед железнодорожниками.

Сдержанный на похвалы Т. Р. Рыскулов позднее, в 1935 г., напишет о В. В. Куйбышеве: «Человек отдался весь работе, и не осталось у него времени для личной

[1] Известия ТуркЦИК, 1919, 13 января.
[2] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 379.

жизни и отдыха. Эта самоотверженность, неутомимость и кипучая энергия товарища Куйбышева производили на нас, местных работников, большое впечатление и вселяли в нас «безграничное уважение к этому революционеру»[1].

30 ноября 1919 г. В. В. Куйбышев пишет письмо в Ташкент уже из Новой Бухары: «Дорогие друзья!— обращается он к коллегам по работе,— первое, что мне бросилось в глаза в Н. Бухаре, в этом ближайшем аванпосте нашей международной работы, это — отсутствие ясного представления наших ближайших задач...» В. В. Куйбышев подчеркивает, что «конкретизирование политики, в частности, в Бухаре, вещь нелегкая. Здесь более чем где-нибудь нужно семь раз отмерить и раз отрезать». Вот почему, считает В. В. Куйбышев, этот вопрос приобретает первостепенную важность в работе Турккомиссии.

Турккомиссия возложила на В. В. Куйбышева руководство военными органами и партийной работой.

Деятельность Валериана Владимировича в Туркестане, как уже говорилось, была многогранной: реорганизация вооруженных сил Туркреспублики и освобождение Закаспия; претворение в жизнь ленинской национальной политики, организация борьбы с ферганским басмачеством, решение сложных вопросов в Семиречье и ликвидация верненского мятежа. Рассмотрим главные аспекты деятельности В. В. Куйбышева. Суть реорганизации вооруженных сил Туркестана В. В. Куйбышев видел в том, чтобы создать армию, аналогичную боевым соединениям Красной Армии Советской России. С этой целью В. В. Куйбышев создает специальную комиссию широкого состава, включавшую представителей военных специалистов и политического аппарата. Под руководством В. В. Куйбышева комиссия в основном и провела реорганизацию вооруженных сил Туркестана. Бывшие разрозненные отряды были сведены в войсковые подразделения и соединения — полки, бригады, дивизии.

В связи с тем, что М. В. Фрунзе временно отсутствовал, на В. В. Куйбышева возлагалось «в случае надобности, и командование армиями в Туркестане».

---

[1] Известия, 1935, 27 января.

Большое внимание В. В. Куйбышев уделял решению важнейшей политической проблемы: привлечению местного населения в ряды Красной Армии. В. В. Куйбышев подчеркивал, что «привлечение мусульман к делу защиты социалистического Отечества является главной задачей.., и она должна быть поставлена на разрешение в первую очередь»[1].

Однако нашлись и такие работники, которые считали, что «вооруженный мусульманин» может принести больше вреда, нежели пользы социалистической России. Отвечая им, Валериан Владимирович советовал «вытравить из себя эту мысль, этот предрассудок путем глубокого и всестороннего обдумывания этого вопроса»[2].

Вместе с тем «привлечение мусульман к делу защиты социалистического отечества» в Туркестане не ставило задачу создания самостоятельной мусульманской армии. В. В. Куйбышев имел в виду только одну армию — единую Красную Армию, революционную, советскую, одинаково доступную всем, родную для всех — русских и мусульман. Именно поэтому В. В. Куйбышев резко выступил против требования местных национал-уклонистов о создании самостоятельной мусульманской армии. «Если,— говорил он,— с одной стороны, является вредным русофильство, то с другой,— столь же отрицательным нужно признать чрезмерное национальное чувство мусульман, раздраженное долгой шовинистической политикой, которая здесь проводилась...»[3].

Так это и понимали широкие массы трудящихся коренного населения различных областей Туркестана: Семиреченской — казахи и киргизы, Сырдарьинской — узбеки, Закаспийской — туркмены. «Нам мусульманского войска не надо»,— писали в Турккомиссию представители Семиреченской области. И Турккомиссия ответила: «Дать полную возможность войти угнетенному туземному населению Семиреченской области в Крас-

---

[1] *Хасанов К.* Посланцы Ленина. Ташкент, 1974, с. 75.

[2] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев, с. 133.

[3] Там же, с. 133—134.

ную Армию и немедленно снабдить оружием и обмундированием уже набранные „добровольческие части из киргиз и дунган"»[1].

Призыв Койбаши-ака (так уважительно называли В. В. Куйбышева местные трудящиеся о добровольном вступлении мусульман в ряды Красной Армии нашел широкий отклик. А в скором времени, в мае 1920 г., был опубликован ленинский декрет о призыве в ряды Красной Армии 30 тыс. граждан нерусской национальности Туркестана, Сибири и других окраин Советской России.

Соединение с Туркестаном ликвидировало Актюбинский фронт, что дало возможность командованию Туркестанского фронта и Турккомиссии направить главный военный удар на Закаспийский фронт. В начале декабря 1919 г. В. В. Куйбышев выехал на Закаспийский фронт. Под его руководством и при непосредственном участии для организации и подготовки разгрома контрреволюции в Закаспии на фронт были направлены дополнительные запасы вооружения, продовольствия, фуража. Войсковые формирования пополнились свежими силами. Фронт укрепился двумя стрелковыми полками и коммунистическим полком. Армейские партийные организации, по предложению В. В. Куйбышева, пополнились 250 коммунистами, мобилизованными для политической работы в частях Красной Армии[2].

В. В. Куйбышев непосредственно участвовал не только в разработке оперативного плана наступления войск на Красноводск, но и в осуществлении обходного маневра для нанесения решающего удара по белогвардейцам. Предстояло по пустыне скрыто обойти врага. Для этого необходимо было иметь при себе все: оружие, патроны, продовольствие и даже воду. Более того, корм для лошадей и верблюдов.

«Несмотря на то, что Валериан Владимирович впервые находился в тяжелых условиях Каракумской пустыни,— вспоминал председатель Реввоенсовета Закаспийской армейской группы Н. А. Паскуцкий,— он очень быстро ориентировался, изучил все особенности, позна-

---

[1] *Дубинский-Мухадзе И.* Куйбышев с. 166.
[2] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 75.

комился во время похода с комсоставом и бойцами и использовал все свое громадное влияние и личное обаяние для того, чтобы поддержать боевой дух в частях, укрепить в них уверенность в успехе предпринятого обходного маневра». (Комсомольская правда, 1935, 27 января).

Три ночи и два дня продолжался этот тяжелейший переход по пустыне. Но его результаты превзошли все ожидания. Враг был наголову разбит. Станции Ахча-Куйма, Перевальная и Айдин были освобождены. Дорога на Красноводск открыта. В. В. Куйбышев возвращался в Ташкент, оставляя завершение операции по полному освобождению Закаспия командованию 1-й армии. Но до возвращения в Ташкент В. В.Куйбышев выполнил свой партийный, гражданский, просто человеческий долг перед памятью павших революционеров. Узнав, что где-то в районе станции Айдин были зверски убиты и зарыты в песке 26 бакинских комиссаров, он в течение почти четырех суток искал место их гибели. И вот на 207 версте, между 116 и 117 столбами на перегоне между Ахча-Куйма — Перевальная обнаружены четыре могилы. В них были погребены изуродованные останки Степана Шаумяна, Алеши Джапаридзе, Григория Петрова, Мешади Азизбекова, Вани Фиолетова и других комиссаров. Валериан Владимирович сообщил о страшной находке в Москву В. И. Ленину.

В январе 1920 г., возвратившись в Ташкент, В. В. Куйбышев активно участвует в решении сложных вопросов партийного строительства. Ряды Коммунистической партии Туркестана были засорены чуждыми элементами, примазавшимися в период оторванности Туркреспублики от Центральной России. Среди них находились бывшие царские чиновники, кулаки, карьеристы, авантюристы. Несмотря на ряд правильных и серьезных решений краевых партийных съездов по национальному вопросу, продолжала проявляться недооценка роли коренных национальностей в строительстве новой жизни. Партийные силы были разобщены между организациями РКП (б), коммунистов-мусульман и иностранных коммунистов. Создание организаций коммунистов-мусульман и иностранных коммунистов сыграло свою положительную роль в трудные годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Однако

в последующей практической деятельности краевые центры организаций начали обособляться и действовать независимо от Крайкома РКП(б). Тем не менее они продолжали, хотя и формально, оставаться в рядах Компартии Туркестана.

ЦК РКП(б) всегда придавал исключительно важное значение интернациональной сплоченности партийных рядов. Именно поэтому все местные партийные организации объединялись в единое целое, боролись за достижение общей цели на ленинской платформе, действовали по единому плану, на основе Программы РКП(б). Туркестан не был исключением. И если в Туркестане сложилась временная организационная разобщенность, то ее предстояло немедленно ликвидировать. Решение данной задачи являлось непременным условием сплочения рабочего класса и всех революционных сил в создании единства действий трудящихся многонационального Туркестана.

Между тем засоренность партийных рядов, их организационная разобщенность в сочетании со слабой теоретической подготовкой и недостаточным опытом классовой революционной борьбы — все это в определенной, а подчас и в значительной мере способствовало проявлению различных уклонов по национальному вопросу. Турккомиссия оказала большую помощь туркестанским большевикам в очищении партийных организаций и советских учереждений от карьеристов, шовинистов, национал-уклонистов и других примазавшихся к партии чуждых элементов. Турккомиссия, с согласия ЦК РКП(б), предложила провести отдельные судебные процессы над бывшими царскими чиновниками, пробравшимися в советские органы и злоупотреблявшими властью. Около тысячи из них Советская власть выселила из Туркреспублики. Отдельные партийные работники за серьезные нарушения в проведении национальной политики были исключены из партии. Турккомиссия приняла также решение о роспуске части парторганизаций. Накануне проведения V Краевой партийной конференции (15 января 1920 г.) Турккомиссия единогласно принимает решение о создании единой Коммунистической партии Туркестана.

В решении всех вышеуказанных задач В. В. Куйбышеву, как члену Турккомиссии, курирующему партий-

ные и военные вопросы, принадлежит ведущая роль. Он уделяет огромное внимание партийно-организационной и политико-воспитательной работе. «Воспитание населения в социалистическом духе... есть задача первоочередная»[1],— подчеркивал Валериан Владимирович. По его предложению была проведена перерегистрация партийных организаций Ферганской области, укреплена партийными работниками Семиреченская областная парторганизация. Он часто выступал с докладами и речами на партийных конференциях, собраниях и митингах рабочих, дехкан, интеллигенции, проводил приемы и беседовал с отдельными представителями трудящихся масс.

Огромную работу В. В. Куйбышев провел по подготовке III конференции коммунистов-мусульман и V Краевой конференции Компартии Туркестана. В январе 1920 г. при открытии III конференции коммунистов-мусульман, обращаясь к делегатам, он отметил: «Работа, которую вы начинаете, настолько велика и нова, что ее воистину можно назвать исторической. Перед вами задача — втянуть в советскую работу широкие слои мусульманских масс. В этой трудной работе Красная Армия будет помогать вам. Совместными усилиями, в конце концов, здесь в Туркестане мы создадим образец того, как нужно работать в бывших колониях»[2].

В это же время, в январе 1920 г., проходила V Краевая конференция Компартии Туркестана. В. В. Куйбышев выступил с докладом о военной политике. Он отметил, что правильность военной политики, которую ведет Коммунистическая партия «доказана на практике». Валериан Владимирович особо подчеркнул принципиальное отличие Красной Армии от старой армии: оно прежде всего в том, «что она является армией классовой, армией рабочих и крестьян». «Второе принципиальное основное положение устройства нашей Красной Армии — это обязательное политическое просвещение красноармейских масс», которое ведут политотделы частей и полномочные представители партии — комис-

---

[1] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 78.

[2] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В. Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев, с. 137.

сары. «Этот институт политических комиссаров играет огромную роль в развитии боеспособности нашей Красной Армии...»

Кое-кто, говорил В. В. Куйбышев, настаивает на создании в Туркестане отдельной мусульманской армии. Опыт гражданской войны убедительно подтвердил необходимость создания не национальных формирований, а «единой армии, подчинения этой армии единому командному составу, единой воле, а поэтому здесь, в Туркестане, этот принцип должен быть применен, и здесь не должно быть отдельной мусульманской, Туркестанской или какой хотите армии, а должна быть единая Российская армия, широко использующая принцип привлечения в свои ряды широких мусульманских масс»[1]. Конференция приняла резолюции, соответствующие Программе РКП(б) и решениям VIII съезда большевистской партии. «Основной задачей текущего момента конференция определила укрепление Компартии Туркестана и привлечение в ее ряды лучших представителей рабочих и дехкан местных национальностей. Конференция приняла весьма важное решение об объединении всех партийных организаций Туркестана в единую Коммунистическую партию во главе с партийным органом, непосредственно подчиненным ЦК РКП(б). Это решение полностью основывалось на рекомендациях Турккомиссии, в том числе и указаниях В. В. Куйбышева о воссоздании Компартии Туркестана с единым руководящим органом.

Бурное обсуждение вызвал и доклад Т. Р. Рыскулова о национальном вопросе, национальных коммунистических секциях. Был поставлен вопрос о реорганизации Компартии Туркестана в «Коммунистическую партию тюркских народов». Ряд делегатов выступил с категорическим протестом. Делегат Кактынь прямо заявил: «Нельзя в Коммунистическую партию вносить национализм»[2]. Многие с нетерпением ожидали, что же скажут члены Турккомиссии. Но они так же, как и В. В. Куйбышев, не придавали этому положению до-

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 8, д. 224, л. 118, 121, 122, 135.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1964. часть III, с. 136.

клада Т. Рыскулова большого значения: не поддержали, но и не возражали против данного тезиса. Такая неопределенность привела к путанице, а в конечном итоге — к серьезной ошибке. Конференция проголосовала за переименование Коммунистической партии Туркестана в Тюркскую Коммунистическую партию. А III Краевая конференция мусульманских коммунистов приняла еще и предложения Т. Р. Рыскулова о так называемой «Тюркской советской республике»[1].

Лишь в феврале 1920 г. с приездом М. В. Фрунзе Турккомиссия, собравшись впервые в полном составе, решительно отвергла постановку вопроса «о тюркской компартии» и «тюркской советской республике». «Это уступка мелкобуржуазным слоям,— горячо доказывал и убеждал М. В. Фрунзе,— в Туркестане мыслим только коммунистический советский строй или возвращение к восточной деспотии, к ханству»[2]. М. В. Фрунзе доказывал интернациональный характер Советской власти в Туркестане, необходимость серьезного развертывания политико-воспитательной работы среди местного населения. Не поддерживать, а разоблачать националистические поползновения отдельных кругов местного населения — таков был смысл настоятельных рекомендаций М. В. Фрунзе.

В. В. Куйбышев, как и другие члены Турккомиссии, сразу же согласились с М. В. Фрунзе. Но, как известно, исправлять ошибки всегда тяжелее. Началась сложная и кропотливая работа по устранению конфликтов, разъяснению сущности допущенных ошибок. Ш. З. Элиава и Я. Э. Рудзутак уехали в Москву для участия в рассмотрении вопросов о Туркестане. В Ташкенте остались М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, который стал работать в качестве председателя Турккомиссии. Именно В. В. Куйбышеву, как председателю Турккомиссии, пришлось вложить много сил и энергии для укрепления Компартии Туркестана и упрочения Советской власти в Туркреспублике. Вместе с М. В. Фрунзе

---

[1] См. подробнее о ходе дискуссии на V Краевой конференции Компартии Туркестана в книге: *Устинов В. М.* Служение народу. Алма-Ата, 1984.

[2] ПА Узбекского филиала ИМЛ, ф, 60, оп. 1, д. 403, л. 22.

он думает о дальнейшем развитии партийного и советского строительства. Их предложения по этим вопросам были учтены Центральным Комитетом РКП (б) при выработке решений по Туркестану.

29 июня 1920 г. ЦК РКП (б) принял решение по Туркестану в виде постановлений «О наших задачах в Туркестане», «Об организации власти в Туркестане» и «Инструкции Турккомиссии». Туркестанские большевики на своих собраниях, активах, пленумах и конференциях единодушно одобрили решения ЦК РКП (б) и приняли их к неукоснительному выполнению.

Лишь отдельные руководящие работники пытались затормозить выполнение указанных решений. Но партийная линия была не только правильной, но и твердой. В ответ на сложение с себя обязанностей Т. Р. Рыскулова — председателя ТуркЦИКа, Н. Ходжаева — члена Президиума ТуркЦИКа и члена ЦК КП Туркестана и других работников Турккомиссия под председательством В. В. Куйбышева 19 июля 1920 г. постановила организовать Временный Центральный Комитет Компартии Туркестана. А через три дня, 22 июля 1920 г., В. В. Куйбышев, сообщая о составе Временного ЦК Компартии Туркестана, писал: «Среди членов нового ЦК есть выдающиеся самородки из среды местного населения: ...Тюракулов — интеллигент — бывший студент, выходец из киргизской семьи, марксистски мыслящий человек, Атабаев — уроженец туркменского аула, при крайне неблагоприятной обстановке выработавший в себе здоровое коммунистическое мировоззрение...»[1].

Вместе с тем В. В. Куйбышев глубоко уважал и высоко ценил Т. Р. Рыскулова. «Турар Рыскулов — незаурядная фигура и может обработаться в Москве в недюжинного коммуниста»,— напишет В. В. Куйбышев в Москву секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой для того, чтобы при назначении Т. Р. Рыскулова на новую работу учли его достоинства.

М. В. Фрунзе в письме к В. И. Ленину подчеркнул, что Т. Р. Рыскулов «помимо ума, обладает большой энергией и недюжинным характером»[2]. В. В. Куйбышев

---

[1] *Назаров С.* Из истории партийного строительства в Средней Азии. Ташкент, 1972, с. 270.
[2] Исторический архив, 1958, № 3, с. 39.

и М. В. Фрунзе не ошиблись: Т. Р. Рыскулов стал видным государственным деятелем — заместителем председателя Совнаркома Российской Федерации.

Конкретный анализ конкретной ситуации — вот к чему призывал В. И. Ленин еще на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока (ноябрь — декабрь 1919 г.). Он советовал опираться на общекоммунистическую теорию и практику и, «применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[1]. И Валериан Владимирович с присущей ему энергией, «применяясь к своеобразным условиям» Туркестана, решал сложные вопросы политического, военного, экономического и культурного характера.

Одним из таких вопросов было басмаческое движение в Ферганской долине. Здесь орудовало свыше 40 шаек. Как писал впоследствии заместитель командующего вооруженными силами Туркестана Ф. Ф. Новицкий, «басмачи представляли собой сплошь отряды почти исключительно конные. Противник этот был зачастую совершенно неуловим и буквально на глазах наших отрядов растворялся в окрестных селениях, немедленный повальный обыск коих часто не давал никаких результатов»[2].

В. В. Куйбышев придавал борьбе с басмачеством исключительно важное значение. По его предложению Турккомиссия для борьбы с басмачеством объединила в единый поток военные и политические меры, направленные на отрыв от басмачей трудящихся и на ликвидацию басмачества в военном отношении. В этой связи следует отметить, что В. В. Куйбышев принимал активное участие в разработке Турккомиссией мероприятий по укреплению военно-политического положения в Фергане. Предусматривалось введение военного положения, восстановление разоренного басмачами сельского хозяйства, установление правильной продовольст-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39. с. 329.
[2] За Советский Туркестан. Сборник воспоминаний. Ташкент, 1963, с. 316.

венной политики, ускорение проведения землеустройства, значительное усиление культурно-просветительной работы среди местного населения.

«Ферганский фронт,— подчеркивал В. В. Куйбышев,— можно закончить без выстрелов, вся надежда на политическую работу»[1]. Но без выстрелов не обошлось. Более того, по распоряжению В. В. Куйбышева в Фергану были дополнительно направлены кавалерийская бригада, бронепоезд и другие воинские подразделения. А в феврале 1920 г. В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий выезжают в Фергану. Они проводят огромную политико-разъяснительную работу по привлечению местного населения к борьбе с басмачеством, организуют деятельность партийных организаций и советского аппарата, формируют боевые отряды дехкан в помощь частям Красной Армии.

Для непосредственного руководства борьбой с басмачеством в Ферганскую долину выехал М. В. Фрунзе. Организационная работа М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева дали существенные результаты. Практически все трудовое население Ферганской долины поднялось на борьбу с басмачами. Поддержка трудящихся и военные победы частей Красной Армии над басмачеством привели к тому, что часть басмачей начала добровольно сдаваться.

Активный участник борьбы с басмачеством, бывший комиссар Татарской бригады, в рядах которой сражались с басмачами казахи, киргизы, таджики, узбеки, Я. Чанышев вспоминал: «М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев несколько раз бывали в Андижане, Оше, Джалал-Абаде. Они проводили митинги и совещания, давали указания о работе с местным населением, учили нас тактике борьбы с басмачеством».

3 июня 1920 г. в туркестанской газете «Известия» В. В. Куйбышев опубликовал статью, в которой подвел первые итоги борьбы с басмачеством. Он отметил три этапа в истории развития басмаческого движения:

первый, когда басмачество под руководством Мада-

---

[1] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев, с. 138.

мин-бека имело поддержку мусульманской торговой буржуазии, байства и некоторой части дехкан;

второй — характерен постепенным разоблачением классовой подоплеки басмачества, когда часть курбашей отошла от Мадамин-бека, а он сам сдался в плен, когда внутри басмачества наметился раскол;

третий — относится к тому периоду, когда среди басмачей остались только заклятые враги Советской власти и уголовные элементы.

На всех указанных этапах В. В. Куйбышеву принадлежит огромная заслуга в организации борьбы с басмачеством. Но впереди, как показало время, предстояла еще упорная и жестокая борьба за окончательную ликвидацию басмаческого движения во всех районах Туркестана.

Ликвидация Закаспийского фронта позволила Туркомиссии обратить серьезное внимание на Семиреченский фронт, где положение красноармейских частей было неблагополучным. Попытки частей Красной Армии начать наступление на Пржевальском и Копальском участках фронта окончились неудачей. Для оказания помощи Семиреченскому обкому из Ташкента была направлена специальная комиссия, командированы 19 коммунистов-мусульман. Командующим Семиреченским фронтом был назначен один из опытных военачальников И. П. Белов.

В. В. Куйбышев принимает активное участие в оказании помощи семиреченским большевикам, перед которыми стояла главная задача — урегулирование национальных отношений, искоренение последствий колониальной переселенческой политики, установление дружбы между русским, казахским и киргизским населением Семиречья. По рекомендации В. В. Куйбышева Турккомиссия и Крайком Компартии Туркестана утвердили новый временный состав Семиреченского областного комитета. Была проведена перерегистрация всех членов партии; на местах создавались временные партийные комитеты в уездах, а вместо уездных совдепов — временные ревкомы.

Особое внимание В. В. Куйбышев уделял военным вопросам Семиречья. Тщательно проанализировав обстановку, он приходит к выводу о необходимости замены многих гарнизонов Семиречья новыми войсковыми

соединениями. Это было необходимо в связи с тем, что в красноармейские массы проникло кулачество, осуществлявшее подрывную деятельность изнутри.

По указанию В. В. Куйбышева из Ташкента и Закаспия были переброшены новые войсковые соединения на помощь частям Семиреченского фронта. Соотношение боевых сил изменилось в пользу советских войск. Уже в конце января 1920 г. части Красной Армии перешли в наступление. С целью быстрейшего разгрома врага М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев обратились с воззванием к семиреченскому трудовому казачеству. Они призывали всех тружеников прекратить кровопролитную борьбу. Всем казакам, безоговорочно признавшим Советскую власть, гарантировалась не только жизнь, но и помощь в налаживании крестьянского хозяйства. Это воззвание сыграло большую роль в разложении белоказачьих частей и в целом в подготовке наступления советских частей.

В конце марта 1920 г. 3-я Туркестанская стрелковая дивизия во взаимодействии с частями 1-й армии начала решительное наступление на позиции противника. Это наступление закончилось в начале апреля 1920 г. полным разгромом белогвардейских сил.

Осуществляя руководство наступлением частей Красной Армии, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев постоянно следили за состоянием политико-разъяснительной работы среди населения. Так, когда из Пржевальского уезда им сообщили об избиении киргизов русскими кулаками-переселенцами, они срочно послали гневную телеграмму в адрес уездного ревкома, военкома и партийного комитета, в которой потребовали решительной борьбы с кулачеством, пытающимся «закрепить свое господство разжиганием национальных страстей»[1].

В начале апреля 1920 г. Семиреченский фронт был ликвидирован. Однако положение в Семиречье продолжало оставаться напряженным. В различных районах Семиреченской области орудовали остатки колчаковских и кулацко-казачьих банд. Более того, отдельные части 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, пополненные в основном контингентом зажиточного крестьянст-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. М., 1941, с. 292.

ва, были неустойчивы в политическом и военном отношениях. Кулацкие элементы этих частей также готовились к расправе с местной казахской и киргизской беднотой. В этой связи необходимо отметить, что М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев считали надежным условием прочного мира в Семиречье «вывод оттуда кулацких воинских частей местного формирования, являвшихся орудием угнетения мусульманского населения»[1]. Не менее важным условием упрочения положения в Семиреченской области они считали скорейшее наделение землей безземельных казахов и киргизов, привлечение их к вооруженной защите власти Советов.

Эти условия М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев неукоснительно проводили в жизнь, преодолевая упорное сопротивление классового врага, доходившее даже до военных вылазок и мятежей. К лету 1920 г. недобитые контрреволюционные силы значительно активизировались. В ночь на 12 июня 1920 г. в одной из частей гарнизона Верного вспыхнул мятеж. Поводом послужил приказ о переброске этой части из Верного в Ташкент и далее в Ферганскую долину для борьбы с басмачеством.

Мятежникам удалось овладеть крепостью, захватить вооружение и боеприпасы, арестовать красных командиров. К сожалению, поблизости не было надежных частей и подавить мятеж в самом начале было невозможно. Напряженно, с тревогой М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев следили за развитием событий. Учитывая сложность и опасность обстановки, они по прямому проводу отдали приказ уполномоченному Реввоенсовета Туркестанского фронта Д. А. Фурманову: «Действовать на расслоение разнородных сил верненского гарнизона»[2]. Определяя действия по расслоению мятежного гарнизона, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев от имени Реввоенсовета предложили выполнить одно из требований мятежников — допустить их представителей в военный совет 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, при этом потребовать беспрекословного выполнения приказов Туркестанского фронта.

«Он прав, Реввоенсовет!— с радостью и надеждой принял данное сообщение Д. А. Фурманов.— Его ответ

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 158, л. 3.
[2] *Дубинский-Мухадзе И.* Куйбышев, с. 179.

и должен быть таким лаконичным и категоричным: уступаю, дескать, но... твердо приказываю»[1].

Семь дней продолжался мятеж. Вместе с верненскими большевиками Д. А. Фурманов, ежеминутно рискуя жизнью, выполнял указания М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Понятным и доходчивым словом большевистской правды ему удалось расчленить мятежников, отслоить заблуждавшихся красноармейцев от классовых врагов Советской власти. На восьмой день, 20 июня 1920 г., Д. А. Фурманов по прямому проводу доложил В. В. Куйбышеву о ликвидации мятежа без выстрелов.

«Пользуюсь случаем заявить,— ответил Валериан Владимирович, что Ваша и Белова (командир 3-й Туркестанской дивизии — *В. У.*) работа встречена с одобрением. За время событий мы с удовольствием наблюдали Вашу энергию и такт»[2].

Но положение в Семиречье продолжало оставаться напряженным. В. В. Куйбышев постоянно держал под наблюдением решение сложных вопросов в Семиреченской области, неоднократно напоминал Д. А. Фурманову о необходимости осуществления твердого и неизменного курса Советской власти в области национальной политики. В одном из своих переговоров по прямому проводу он предостерегал Д. А. Фурманова, призывал его «...быть крайне осторожным, чтобы не подпасть под влияние семиреченского колонизаторского элемента. Предупреждение это,— подчеркивал Валериан Владимирович,— делал в виду того, что влияние настолько сильно, что ему могут поддаться самые ответственные работники»[3].

В. В. Куйбышев имел в виду осуществление национальной политики партии не только в Семиречье, но и в целом в Туркестане, в частности, события конца 1919 — начала 1920 гг., когда из Туркестанской республики за допущенные ошибки в работе были направлены в распоряжение ЦК РКП(б) Казаков, Сорокин и Темлянцев. Их ошибки состояли, прежде всего, в установлении приоритета русских, в определенно выраженном

---

[1] *Фурманов Дм.* Сочинения. М., 1960, т. 2, с. 328—329.

[2] *Горбунов Г.* Дмитрий Фурманов. М., 1965, с. 115.

[3] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 8, д. 224, л. 103.

делении населения на мусульман и европейцев со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тот факт, что «личная честность этих руководителей не вызывала сомнений»[1], как об этом писали в ЦК РКП(б) члены Турккомиссии, по существу не менял положения. Вместе с тем и П. А. Кобозев, проводя большую партийно-организационную работу в Туркестане, до конца «не сумел опереться на российский пролетариат и РКП(б), а сделал своей базой мусульманство в целом»[2].

Как настоящий коммунист, интернационалист, беспредельно преданный идеям В. И. Ленина, Валериан Владимирович подчеркивал при разговоре по телеграфу с Д. А. Фурмановым: «Исторически и политически бесспорно, что все права принадлежат коренному населению... И заглядывая в будущее, и оценивая возможные формы осуществления прав коренного населения, приходится сказать, что без насилия в самой резкой форме, может быть даже в форме гражданской войны, не обойтись. Конечно,— продолжал В. В. Куйбышев,— нужно принять все меры для того, чтобы это было сделано властью и ее аппаратом, а не анархическим путем»[3].

Меры принимались: очищался партийный и советский аппарат от чуждых элементов, направлялись новые партийные и советские работники из числа преданных Советской власти русских и мусульманских представителей *, местному населению оказывалась помощь в хозяйственном устройстве, начиналась подготовительная работа по проведению землеустройства, постепенно восстанавливалось разрушенное войной народное хозяйство.

Партийные и советские руководители Семиречья понимали необходимость проведения действенных мер по упорядочению обстановки в области. Так, обращаясь к В. В. Куйбышеву в связи с его указаниями,

---

1 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 22, л. 93.

2 Там же, ф. 79. оп. 1, д. 183, л. 6.

3 ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 8, д. 224, л. 104.

* К примеру, по запросу Д. А. Фурманова В. В. Куйбышев направил в политотдел Семиреченской области «52 работника разных ступеней, большинство мусульман».— ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 8, д. 224, л. 69.

Д. А. Фурманов говорил по прямому проводу: «Здравствуйте, тов. Куйбышев! Ваш серьезный ответ совершенно совпадает с нашей точкой зрения. Именно, учитывая крупный масштаб события, я и поставил перед Вами вопрос так выпукло и резко. У нас нет в разрешении этого дела ни поспешности, ни паники, мы учитываем его значительно и подходим крайне осторожно»[1]. Д. А. Фурманов говорил о принципах, формах и методах осуществления национальной политики партии, проблемах ее осуществления в Семиречье.

Одной из них была проблема ликвидации последствий колониальной политики царизма. Эта политика, направленная на захват земель коренного населения, привела к тому, что у кочевников и полукочевников было отнято почти два миллиона десятин земли. В результате репрессий царского правительства, особенно после жестокого подавления восстания 1916 г., немалая часть казахов и киргизов бежала в Китай. Оставшиеся же были вынуждены стать батраками, в основном — у семиреченских кулаков. Даже в 1918—1919 гг. кулаки, имевшие десятки батраков, представляли собой «власть на местах» в ряде районов Семиречья, продолжая издеваться над беднотой.

В. В. Куйбышеву принадлежит большая заслуга в ликвидации последствий колониальной политики царизма в Семиречье. Особенно много он сделал для возвращения из Китая беженцев. Правительство Советской России осуществило целый ряд мер, направленных на обеспечение благополучного возвращения беженцев на родину. Проведение в жизнь этих мер находилось под постоянным контролем В. В. Куйбышева. И первой его заботой было устройство беженцев, перенесших огромные лишения и полностью разорившихся на чужбине. А о том, что пришлось им перенести в негостеприимной загранице, говорит, к примеру, одно из заявлений жителей Семиреченской области с просьбой о возвращении на родину.

«Прожили все свои средства,— говорилось в заявлении,— остались в критическом положении, и пришлось даже продать жен и детей китайцам. В настоящее время слыхали, что в России создана власть, лозунг которой

[1] ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 8, д. 224, л. 104.

гласит — спасение всем угнетенным народам мира, а на свете нет народа угнетеннее, чем мы. Мы убедительно просим от власти свободы принять всякие меры о возвращении нас на родину. Нами было продано китайцам около 30 тыс. человек, а они не хотят возвращать купленных без денег»[1].

Не менее важной заботой В. В. Куйбышева была организация работы по восстановлению народного хозяйства. Сразу же после завершения боевых действий, а подчас и в условиях их проведения, В. В. Куйбышев обращает серьезное внимание на восстановление народного хозяйства как в Семиречье, так и в целом в Туркреспублике. Так, например, в 1920 г. приступили к развертыванию работ по восстановлению железнодорожного транспорта, строительству новых железнодорожных путей Семиреченской железной дороги. На ее различных участках осуществлялись досыпка главного пути, укладка новых путей, замена старого оборудования. Не хватало квалифицированных рабочих; крайне недоставало укладочных и других материалов, которые буквально собирались по частям со всей сети железных дорог Туркестана. Тем не менее первые успехи были налицо: укладка пути в районе Аулие-Ата, строительство Ленгеровской углевозной ветки, завершение работ на большом участке Кизыл-Кийской ветки.

По ходатайству председателя Турккомиссии В. В. Куйбышева, в Семиречье, как и в другие районы Туркестанской республики, направлялись эшелоны с различным оборудованием, необходимым для восстановления сельского хозяйства, материалами и инвентарем. Уже в 1920 г. начались серьезные изыскательские работы по орошению земель. Например, три отряда Сырдарьинской изыскательной партии произвели работы по прокладке 233 магистральных верст двойной и одиночной нивелировкой; определили тригонометрические пункты и триангуляционные знаки; вычислили географические координаты по магистралям; в отдельных районах начали строительство ирригационных систем. Такое строительство велось, в частности, в северо-восточной части Голодной степи на территории, равной около 200 тыс. десятин.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 61, оп. 1, д. 98, л. 18.

Для разрешения хозяйственных задач Туркестанской республики М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев выделили отдельные воинские части Туркестанского фронта. Ярким проявлением интернациональной солидарности трудящихся масс при восстановлении народного хозяйства стало создание 1-й Трудовой армии из числа иностранных коммунистов и беспартийных интернационалистов, находившихся в Туркестане. Помощником командующего трудовой армией был представитель венгерских коммунистов Тейхнер [1]. Приказом Реввоенсовета Туркфронта, подписанного В. В. Куйбышевым, все лица в возрасте от 18 до 50 лет, ранее работавшие на горных промыслах в качестве забойщиков, машинистов, горных мастеров, откатчиков, крепильщиков, плотников и кочегаров, объявлялись мобилизованными в связи с резким недостатком горнорабочих. На совещании по горно-топливному делу при Совнархозе Туркреспублики В. В. Куйбышев поставил перед инженерно-техническими работниками задачу добиться в связи с нашими возросшими потребностями в ближайшее время повышения уровня добычи топлива. Эта задача успешно решалась. Уже в мае 1920 г., выполняя указания Владимира Ильича Ленина, М. В. Фрунзе организовал отправку в Москву двух эшелонов с нефтью и бензином.

А в августе 1920 г. В. В. Куйбышев уже принял активное участие в подготовке и проведении первого Сырдарьинского областного партийного съезда. На состоявшемся 13—16 августа 1920 г. съезде В. В. Куйбышев выступил с докладом «Задачи РКП в Туркестане». Он особо подчеркнул, что только с претворением в жизнь решений Центрального Комитета партии большевиков Туркестан станет «авангардом социальной революции на Востоке»[2]. На основе доклада В. В. Куйбышева сырдарьинские коммунисты приняли развернутую резолюцию. В ней указывалось на необходимость решения двух главных задач: уничтожение пережитков колониального прошлого и патриархально-феодальных отношений среди коренного населения. При этом в резо-

---

[1] См.: *Сологубов И. С.* Иностранные коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961, с. 162.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1984, с. 114.

люции подчеркивалось, что «осуществление этих задач порознь ведет к уклону линии или в сторону великорусского шовинизма и фактической поддержки колонизаторства, или в сторону мусульманского национализма и закрепления байской и манапской эксплуатации»[1].

Партийный съезд Сырдарьинской области признал необходимым очистить партийные организации и советские учреждения от кулацких, байских и других примазавшихся элементов. Вместе с тем съезд подчеркнул важность широкого привлечения трудящихся аулов, кишлаков к советскому строительству. Делегаты съезда призвали коммунистов области напрячь все внимание и бросить свои главные силы в деревню, кишлаки и аулы для организации и развития сознания трудящихся.

Политические, военные, социально-экономические и другие сложные проблемы Туркестана — круг забот В. В. Куйбышева, как председателя Туркомиссии и члена Реввоенсовета Туркестанского фронта. Он никогда не забывал слова Владимира Ильича Ленина, услышанные им еще в 1917 г. на Апрельской конференции большевиков. В. И. Ленин, говоря о том, что партия должна воздействовать на подъем революционной борьбы в отсталых национальных районах России, указывал: «Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы»[2].

Выполняя свой интернациональный долг, партийные органы Туркестана под руководством Турккомиссии оказывали помощь хивинским коммунистам в их борьбе против хивинской феодальной деспотии и военной диктатуры банд Джунаид-хана. Более того, Турккомиссия, от имени Советского правительства, имела все основания и должна была применить военную силу против джунаидовских головорезов, вторгшихся в пределы Советского Туркестана. После ряда операций части Красной Армии перешли границу Хивинского ханства. Восставшие трудящиеся массы поднялись на народную революцию, направленную против ханской власти и диктатуры Джунаид-хана. 1 февраля 1920 г. хивинский

---

[1] Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. с. 115.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 437.

хан Сеид-Абдулла отрекся от престола. Хива была провозглашена Хорезмской Народной Советской Республикой*.

Оценивая историческое значение победы советской народной революции в Хорезме, В. В. Куйбышев летом 1920 г. говорил: «Дружественный хивинский народ произвел у себя внутри страны революционный переворот, который является первым звеном в цепи революций и восстаний на Востоке, которые неизбежно приведут все страны Востока, ныне угнетенные и порабощенные английским империализмом, к полному национальному раскрепощению и освобождению. По этому пути, предначертанному всем ходом русской революции, пошел первым хивинский народ, и вот мы видим его уже свободным, независимым. По этому же пути с исторической неизбежностью пойдут и все другие страны»[1].

Вслед за Хорезмом по пути свержения феодального строя пошла эмирская Бухара. Следует отметить, что с первых же дней после победы Октября, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, Советское правительство признало самостоятельность Бухарского эмирата, установило с ним дипломатические и торговые отношения. Советская Россия отменила кабальные договоры царизма с Бухарой, оказала бухарскому народу экономическую помощь. Тем не менее Бухарский эмират продолжал проводить враждебную политику против Советского государства. По образному определению В. В. Куйбышева, «эмирская Бухара представляет из себя караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма»[2]. Уже летом 1920 г. Валериан Владимирович дал точную и неоднозначную информацию: «Бухара лихорадочно готовится к выступлениям против Советской России при помощи извне»[3].

К этому времени в Бухаре стал быстро нарастать революционный кризис. С одной стороны трудящиеся массы больше не могли и не хотели терпеть деспотический режим; с другой — эмир Бухары Сеид Алим-хан открыто готовился к войне с Советской Россией. Состо-

---

* Хорезм — исторически прошлое название бывшего Хивинского ханства.

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 22 июля.

[2] Там же, 1920, 2 сентября.

[3] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 83.

явшийся в августе 1920 г. IV съезд Компартии Бухары принял решение о проведении вооруженного восстания. Сигнал к началу восстания был дан в Сакарском районе. 23 августа 1920 г. туркменский отряд, действовавший под руководством местной партийной организации, овладел Сакаром и провозгласил Советскую власть. Революционная волна охватила все Чарджуйское бекство. Почти одновременно с чарджуйцами восстали трудящиеся массы Керкина, Шахрисябза, Карши и других городов эмирата.

Но собственными силами плохо вооруженному народу тяжело было справиться с оснащенными английским оружием войсками эмира. Не могло быть сомнения и в том, что после подавления восстания эмир Бухары развяжет войну с Советской Россией. Поэтому Туркомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б) и СНК РСФСР от имени центральных органов Советской власти отдала распоряжение об оказании военной поддержки восставшему народу Бухары. «Когда Ревком Бухары просил у нас помощи,— говорил впоследствии В. В. Куйбышев,— мы не имели права ему отказать, зная, что он борется, и наши красные войска были брошены на помощь нашим революционным братьям Бухары»[1].

2 сентября 1920 г. трудящиеся массы совместно с частями Красной Армии заняли столицу эмирата — Старую Бухару. Народно-советская революция победила. В. И. Ленин высоко оценил победу бухарской революции. С трибуны VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) вождь пролетариата говорил: «Я должен также отметить, товарищи, что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян»[2].

Через неделю после победы бухарской революции 9 сентября 1920 г., В. В. Куйбышев направляется полно-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 8 сентября.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

мочным представителем РСФСР при правительстве Бухарской Народной Советской Республики, уполномоченным ЦК РКП(б) и Коминтерна при ЦК Коммунистической партии Бухары. 14 сентября на объединенном заседании ЦК Компартии Бухары, Бухарского ревкома и Совета народных назиров БНСР В. В. Куйбышев заявил: «Независимость Бухары, ее самостоятельность, ее право самой решать все вопросы своего государственного устройства — вот те основные принципы, которыми я должен руководствоваться в Бухаре»[1]. Как представитель Коминтерна и ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев отметил, что он будет использовать свои полномочия «для направления всей работы в духе и интересах общего коммунистического движения»[2]. 11 октября Валериан Владимирович прибыл в Бухару и сразу же включился в разрешение задач партийного, советского, экономического и военного строительства.

Об огромной и напряженной работе В. В. Куйбышева полномочным представителем РСФСР в БНСР свидетельствует сохранившийся, но неизвестный широким кругам читателей дневник записей В. В. Куйбышева. Приведем из него некоторые выдержки:

«14 сентября: беседа с руководящими работниками БНСР; проведение расширенных заседаний по работе Комиссии земледелия, по составу Совета Назиров Бухары.

15 сентября: решение организационных вопросов по определению границы с РСФСР; переговоры с Ташкентом; совещания по важным делам и по уточнению курса денег; подготовка большого митинга в Старой Бухаре.

16 сентября: военные дела (о дисциплине и порядке в войсках); разбор деятельности Чарджуйского ревкома; беседа с афганским консулом.

17 сентября: заседание президиума Ревкома по вопросам: о работе ЧК, о воде, о продовольствии, о борьбе с беспорядками; совещание по финансовым вопросам, проведение митинга»[3].

Большое внимание В. В. Куйбышев уделял изучению характера и движущих сил революции в Бухаре. Это и

---

[1] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 83.

[2] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 493.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 157, л. 1—4.

понятно, так как без изучения данных вопросов невозможно было правильно определить линию и основные направления работы в специфических условиях Бухары. В этих целях он предложил провести дискуссию руководящих партийных работников БНСР. И 2 ноября 1920 г. она состоялась. На ее открытии В. В. Куйбышев подчеркнул: «Несмотря на то, что здесь присутствуют ответственные работники, вы здесь не присутствуете у русского посланника, у представителя РСФСР, а у Куйбышева — члена Российской Коммунистической партии и члена Интернационала»[1].

Конечно, сложная обстановка БНСР была неподходящей для решения теоретических проблем (свергнутый эмир готовился к борьбе, не хватало кадровых работников, неопределившиеся взаимоотношения бухарских коммунистов и младобухарцев и т. д.). Но их постановка и обсуждение в то время, когда Компартии Бухары и народно-советскому правительству БНСР пришлось столкнуться с огромными трудностями по разгрому перегруппировавшихся контрреволюционных сил и восстановлению народного хозяйства способствовали дальнейшему развитию революции по социалистическому пути.

В декабре 1920 г. Валериан Владимирович избирается делегатом от Туркестана на VIII Всероссийский съезд Советов. Он тщательно готовился к поездке в Москву, ощущая глубокую потребность встретиться и посоветоваться с товарищами и друзьями, услышать выступление В. И. Ленина на съезде. Но поездка чуть было не сорвалась из-за задержки нового представителя РСФСР в БНСР.

«Это будет жестоко и несправедливо,— дает он телеграмму в Ташкент,— если вы лишите меня возможности поехать на съезд, глотнуть свежего морозного воздуха»[1]. В полушутливой телеграмме была и доля правды. Все разрешилось благополучно, и В. В. Куйбышев вместе с другими делегатами выехал в Москву.

Накануне отъезда его соратники и товарищи по Туркестану обратились к нему с благодарственным письмом:

---

[1] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 87.
[2] *Дубинский-Мухадзе И.* Куйбышев, с. 194.

«Дорогой товарищ Куйбышев! Во главе с Вами мы смогли заложить в Туркестане первые устои подлинно советского строя, нашли и начали проводить действенную коммунистическую линию, превратили местную Красную Армию из партизанской в дисциплинированную и регулярную.

Самое трудное сделано. Путь для дальнейшей работы в сложнейшей обстановке в Туркестане расчищен, и мы надеемся, что и в дальнейшем будем по Вашим указаниям укреплять советскую базу в Азии.

Но интересы пролетарской революции зовут Вас на другой фронт федерации, и нам приходится с Вами расставаться. Грустно и больно. И хотя воспоминания о совместной дружной работе не могут изгладиться — все же мы считаем необходимым закрепить их в памяти. Примите все это не как отрыжки проклятого буржуазного прошлого, а как проявление нашего искреннего желания отметить этот этап революционной работы, который мы проводили под Вашим руководством»[1].

С 22 по 29 декабря 1920 г. работал съезд Советов. Делегаты съезда приняли разработанный по идее В. И. Ленина план электрификации России — знаменитый план ГОЭЛРО. Осуществление его было возложено на специальный Главк — Главэлектро. Его руководителем назначили кандидата в члены ЦК РКП(б), члена Президиума ВСНХ, члена Президиума ВЦСПС В. В. Куйбышева. При его участии началось практическое претворение в жизнь электрификации Советского государства.

В то время стремительных перемен, грандиозного строительства каждый месяц по масштабам работы смело можно было приравнивать к годам. В. В. Куйбышев руководил Главэлектро несколько месяцев. XV съезд партии (март — апрель 1922 г.) избрал его членом Центрального Комитета, а состоявшийся Пленум ЦК — секретарем Центрального Комитета РКП(б). Через год, в апреле 1923 г., на XII съезде партии Валериан Владимирович избирается в ЦКК. По рекомендации В. И. Ленина он возглавил объединенный партийно-советский контроль — ЦКК — РКИ. Эти сложные и многогранные обязанности В. В. Куйбышев совмещал с

---

[1] *Хасанов К.* Посланцы Ленина, с. 88.

работой на посту заместителя Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны (СТО).

В 1924 г. В. В. Куйбышев принимает непосредственное участие в решении воросов национально-государственного строительства республик Средней Азии и Казахстана. По поручению Центрального Комитета партии он возглавил Комиссию ЦК РКП(б) по проведению национально-территориального размежевания Средней Азии. К сентябрю 1924 г. Комиссия ЦК РКП(б), руководимая В. В. Куйбышевым, рассмотрела предложения местных партийных организаций и Советов и на их основе вошла в Политбюро ЦК с предложениями о проведении национально-территориального размежевания. 11 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) изучило предложение Комиссии ЦК и приняло его с некоторыми изменениями и поправками. В результате национально-территориального размежевания Туркестана, Бухары и Хорезма были созданы Узбекская и Туркменская союзные республики, Таджикская автономная республика в составе Узбекистана, казахские районы Сырдарьинской и Семиреченской областей Туркестана вошли в состав Казахской АССР. Казахская республика увеличилась почти на 700 тыс. квадратных километров, а ее население — на 1 млн. 468 тыс. 724 человека [1].

20 июня 1926 г. скоропостижно скончался Ф. Э. Дзержинский, возглавлявший Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ СССР). 5 августа Президиум ЦИК СССР назначает на эту должность В. В. Куйбышева. В связи с назначением Президиум ЦИК СССР в своем постановлении отметил: «Несмотря на то, что уход тов. Куйбышева означает огромный ущерб для работы ЦКК — НК РКИ СССР, все же Президиум ЦИК находит, что, принимая во внимание чрезвычайную важность для партии и страны развития промышленности и руководства ею, кандидатура тов. Куйбышева на пост председателя ВСНХ СССР является наиболее подходящей»[2].

---

[1] Очерки истории Коммунистической партии Казахстана, с. 160.

[2] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев, с. 250.

Как председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев уделял огромное внимание проблемам реорганизации управления промышленностью, проведения индустриализации страны, развития науки и техники. Академик А. Ф. Иоффе писал: «Вспоминаются мои беседы с товарищем Куйбышевым — тогда председателем ВСНХ — о научных институтах. Он потребовал у меня развернутую программу для физико-технического института... Из двух представленных мною смет — минимальной и максимальной — он принял вторую и в тот же вечер провел ее в Президиуме ВСНХ»[1]. В. В. Куйбышев стоял во главе чрезвычайно сложного, политически и социально-экономически важнейшего дела — разработки первого пятилетнего плана страны Советов.

«Пятилетний план развития промышленности тогда будет действительно планом, а не гаданием на кофейной гуще, когда он будет в то же время и планом ее технической реконструкции»[2],— указывал В. В. Куйбышев на главное требование к работе над пятилетним планом. В соответствии с первым пятилетним планом Казахстан должен был стать основным районом цветной металлургии СССР. Планом, в частности, предусматривалось строительство Чимкентского свинцового завода, коренная реконструкция Карсакпайского медеплавильного завода, значительный рост легкой и пищевой промышленности.

В условиях бурного промышленного развития по предложению ЦК ВКП(б) была проведена реорганизация ВСНХ СССР. На его базе были образованы наркоматы: тяжелой, легкой и лесной промышленности. В ноябре 1930 г. В. В. Куйбышева назначают Председателем Госплана СССР, с одновременной работой на посту заместителя председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. В начале 1934 г. он переходит на работу председателем Комиссии советского контроля, а в мае 1934 г. ЦИК СССР назначает В. В. Куйбышева первым заместителем председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны.

Как кандидат в члены и член Центрального Комитета партии, председатель ЦКК, а с декабря 1927 г. как

[1] *Дубинский-Мухадзе И.* Куйбышев, с. 246—247.
[2] Торгово-промышленная газета, 1929, 18 января.

член Политбюро ЦК ВКП(б) Валериан Владимирович вел большую организационно-партийную и идейно-политическую работу. Он выступал с отчетными докладами о деятельности ЦК партии на VIII Уральской областной партийной конференции, на II Нижегородской краевой партийной конференции; выступал с докладами на XV, XVI и XVII партийных конференциях, на XV, XVI, XVII съездах партии. С высокой партийной трибуны Валериан Владимирович боролся с троцкизмом, правым уклоном, последовательно отстаивал генеральную линию Коммунистической партии. На заседаниях Совета Труда и Обороны, Совнаркома СССР, на сессиях ЦИК СССР и съездов Советов он принимал активное участие в обсуждении многих и многих вопросов государственной жизни Советского Союза.

Последними документами государственной важности, подписанными В. В. Куйбышевым, были постановление Совнаркома СССР об отпуске средств Таджикской ССР для оказания помощи населению, пострадавшему от землетрясения, и постановление Совнаркома СССР об укреплении материальной базы пионерского лагеря Артек. Это было утром 25 января 1935 г. Около двух часов дня он почувствовал себя плохо. В половине третьего его уже не стало. Смерть унесла Валериана Владимировича в расцвете творческих сил: ему не исполнилось и 47 лет.

С глубокой скорбью извещая партию, рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовую интеллигенцию, всех трудящихся Страны Советов и всего мира о смерти выдающегося большевика, партийного и государственного деятеля, Центральный Комитет ВКП(б) писал: «Товарищ Куйбышев был образцом пролетарского революционера, последовательного ленинца, непримиримого к врагам партии и рабочего класса и самоотверженного борца за дело коммунизма»[1].

---

[1] *Куйбышева Г. В., Лежава О. А., Нелидов Н. В., Хавин А. Ф.* Валериан Владимирович Куйбышев, с. 355.

Всеказахстанский староста

«Совет Народных Комиссаров в заседании от 24-го июля 1919 года постановил: товарища МЕНДЕШЕВА СЕЙТГАЛИ назначить Членом Военно-Революционного Комитета по Управлению Киргизским Краем.

Председатель Совета Народных Комиссаров:

В. Ульянов (Ленин)

Секретарь Совета:

Л. Фотиева»[1].

При всей краткости этого документа он превратил бывшего заведующего отделом народного образования небольшой Букеевской губернии в чрезвычайного уполномоченного главы Советского правительства, посланца Ильича. Подобный выбор был естествен. С. Мендешева к тому времени хорошо знали многие крупные партийные работники Астраханского и Саратовского губкомов РКП(б), сотрудники ВЦИК и Наркомата по делам национальностей. Он был известен им как стойкий борец за интересы народа, убежденный интернационалист, чей приход в ряды Коммунистической партии логически завершил долгий путь революционного становления, начавшегося еще в 1905—1907 гг.

---

[1] *Бейсембаев С. Б.* Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968, с. 384—385 (вклейка фотокопии мандата С. Мендешева).

С. Мендешев родился в 1892 г. в селе Новая Казанка Уральской области в семье казаха-крестьянина. С детских лет он познал горькую долю батрачества на баев и кулаков. Тяга к знаниям помогла выехать на учебу в Казань, где в 1903 г. он окончил учительскую семинарию и стал работать в маленькой аульной школе в родных местах. На молодого мугалима огромное воздействие оказала первая русская революция. С. Мендешев с группой единомышленников создает в центре Букеевской степи — г. Ханская Ставка (ныне пос. Урда) нелегальный союз демократически настроенных деятелей из низших слоев интеллигенции (учителя, переводчики, писари, фельдшера и т. д.) Его члены занимались политическим самообразованием, с интересом следили за ходом классовых сражений в стране, помогали политическим ссыльным в организации побегов.

В 1911 г. С. Мендешев был послан на трехмесячные педагогические курсы при Петербургском университете. Он попал в столицу в то время, когда там начала подниматься новая волна рабочего движения. Большевики, восстановив Выборгский, Петербургский и Васильеостровский райкомы партии, умело наладили легальную работу в массах, активно используя для этого газету «Звезда», журнал «Просвещение». Хотя и кратковременным было пребывание в центре революционного движения страны, но оно оставило заметный след в дальнейшем формировании политических взглядов С. Мендешева. Прошло около двух лет, и С. Мендешев вновь приехал в Петербург уже в качестве делегата Всероссийского съезда по народному образованию, выступил с докладом о постановке школьного дела среди казахов. Там, на съезде, он воочию убедился, что, каким бы широким ни было движение за приобщение кочевников к знаниям, культуре, без революционного обновления всей жизни страны оно не в силах изменить положение дел в крае.

Летом 1916 г. в Казахстане вспыхнуло национально-освободительное восстание, ставшее составной частью назревшей в России революции. С. Мендешев находился в гуще тех, кто боролся против курса самодержавия на затягивание чуждой народу войны. Полиция арестовала непокорного учителя. Сейтгали отсидел четыре месяца

в астраханской тюрьме и вышел накануне свержения самодержавия. С группой своих бывших учеников и единомышленников он активно включился в борьбу за ликвидацию аппарата царской администрации в районах Букеевской степи, вошел в состав исполкома Совета г. Ханская Ставка (Урда).

В тесном единстве с местными большевиками — П. Варламовым, С. Генераловым, революционно настроенными деятелями из среды казахской интеллигенции и молодежи Б. Джаникешевым, С. Джакуповым, М. Кукебаевым, Ш. Бекмухамедовым, И. Мендыхановым и другими С. Мендешев на митингах, собраниях, в беседах разъяснял труженикам степи необходимость установления власти Советов. Эта работа приобрела особенно большой размах после получения известия о победе социалистической революции в Петрограде, образовании рабоче-крестьянского правительства во главе с В. И. Лениным, первых Декретах о мире, земле, принятии «Декларации прав народов России», которая превратила в закон большевистскую программу по национальному вопросу. 2 декабря 1917 г. в центре Букеевской степи г. Ханская Ставка устанавливается власть Советов, создается ревком.

По поручению ревкома С. Мендешев активно занимался созданием новой советской школы. На первом Букеевском съезде Советов в мае 1918 г. его избрали в состав губисполкома и утвердили заведующим отделом народного образования. При его непосредственном участии в Букеевском подотделе Казахского отдела Наркомнаца перевели на казахский язык первую советскую Конституцию. Сейтгали Мендешевич работал в группе тех, кто перевел на казахский язык в 1919 г. брошюру Е. М. Ярославского «Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин», изданную в Москве.

Короткое время летом 1919 г. С. Мендешев был краевым военным комиссаром Казахстана, членом Военного Совета Актюбинского укрепрайона. Но эти должности он занимал после утверждения его членом ревкома по управлению Казахским краем.

В ревкоме С. Мендешев первоначально возглавил знакомую ему сферу работы — организацию дел в области народного образования, но постепенно в связи с частыми выездами председателя Казревкома С. С. Пест-

ковского в Москву, Уральск, Актюбинск, Кустанай по существу стал его заместителем. Постоянное деловое и товарищеское общение с С. С. Пестковским, А. Т. Джангильдиным, В. Л. Лукашовым и другими, кто имел солидный опыт партийно-политической работы, помогло молодому коммунисту (С. Мендешев вступил в РКП(б) в г. Урде в начале августа 1919 г.) обрести навыки большевистского, классового подхода к решению самых сложных вопросов, которые непрерывно ставила жизнь.

Твердость, партийная принципиальность С. Мендешева снискали ему заслуженное уважение в кругах партийных и советских работников различных районов Казахстана. И когда после завершения подготовительной работы по созыву I Учредительного съезда Советов Казахстана на собрании коммунистической фракции делегатов обсуждался вопрос, кого можно рекомендовать в состав КазЦИКа, кандидатура Сейтгали Мендешевича получила полную поддержку. Съезд избрал его в состав высшего органа государственной власти республики — Центральный Исполнительный Комитет Советов КазАССР (до 1925 г. Киргизская АССР).

Первое заседание КазЦИК состоялось 13 октября 1920 г. Его открыл В. А. Радус-Зенькович предложением избрать Председателя и Президиум КазЦИКа. Б. Алманов от имени Бюро фракции коммунистов выдвинул на пост председателя С. Мендешева. Его кандидатуру приняли единогласно. Президиум КазЦИКа был избран в составе 10 человек. Тогда же С. Мендешев четко определил основные задачи: «КЦИК ставит в основу своей работы организацию киргизского трудового народа.

Поднятие культурного и экономического состояния его: привлечение к работе всех интеллигентных сил киргизского народа, объединение трудовых крестьян и киргиз на основе общности стоящих перед ними задач по устройству новой жизни»[1].

КазЦИК приступил к работе в чрезвычайно сложных условиях. В 1918—1919 гг. и отчасти в 1920 г. территория республики была ареной обостренной гражданской войны, что оказало значительное влияние на со-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 643, л. 24.

стояние хозяйства и жизнь рабочих и крестьян, особенно тружеников из среды кочевого казахского населения. Разруха, голод, болезни стали настоящим бедствием. В Казахстане это усугублялось еще и тем, что посевная площадь в 1917—1921 гг. сократилась на 21 процент. За это же время поголовье скота уменьшилось на одну треть. Трехлетние джуты 1920—1923 гг. породили голод, которым в сильной степени были охвачены кочевые аулы. Засуха, а затем и голод в Поволжье вызвали массовую миграцию голодающих беженцев из центра России, что еще больше осложнило продовольственную обстановку в крае. Тяжелым положением воспользовались контрреволюционные элементы. Они почти повсеместно организовывали банды, борьба с которыми отвлекала значительные силы и средства.

Борьба с голодом в тот период была самой неотложной и первостепенной задачей, решению которой В. И. Ленин и партия уделяли огромное внимание. Президиум ЦИК Казахской АССР по настоянию С. Мендешева создал особый орган — Центральную комиссию по оказанию помощи голодающим, в обязанности которой входили планомерная эвакуация населения в благополучные районы, принятие всех мер к сохранению рабочего скота в селах и скота кочевников и организация труда голодающих до нового урожая путем предоставления им работ в кустарных преприятиях и артелях. Созданную комиссию возглавил С. Мендешев. Каждый наркомат образовал ячейку по борьбе с голодом, возложив на нее разработку и проведение экстренных мер в своей отрасли. Положение было настолько острым, что Президиум ВЦИК своим решением от 13 августа 1921 г. Оренбургскую, Уральскую, Актюбинскую, Букеевскую, Кустанайскую губернии (без Кустанайского уезда) и Адаевский уезд объявил голодающими и отменил взимание в них государственных и продовольственных налогов.

В борьбе с голодом КазЦИК был вынужден пойти на крайние меры, временно закрыв границы республики. К тому же появилось огромное количество беспризорных детей-сирот. Председатель КазЦИКа С. Мендешев 27 июля 1921 г. в письме Актюбинскому губисполкому подчеркивал: «Необходимо обратить [особое] внимание на работу комиссии по улучшению жизни детей. На

станции масса детей просит милостыню. Это недопустимо. Нужно связаться с Центральной комиссией в Оренбурге, использовать для этой цели все имеющиеся возможности. Ударные группы рабочих должны быть удовлетворены хлебом во что бы то ни стало. Принять все меры и обратить исключительное внимание на продовольственную работу». Позднее на IV сессии ВЦИК 9 созыва (октябрь 1922 г.) С. Мендешев отметил, что практически все внимание, все силы и средства государственных органов республики были привлечены на борьбу с голодом. Все учреждения превратились в боевые органы по спасению голодающих. Повсюду: в губерниях, уездах, волостях организовывались комиссии и ячейки по борьбе с голодом и привлекались к этой работе все учреждения и все слои населения. Борьба с голодом в Казахстане была составной частью всесоюзной борьбы с этим бедствием. И хотя оно не в меньшей степени поразило многие районы Центральной России, тем не менее ЦК РКП(б), В. И. Ленин, Советское правительство делали все возможное, чтобы оказать продовольственную, материальную и денежную помощь казахскому населению, пострадавшему от голода и последствий гражданской войны. 12 июля 1922 г. на заседании СТО РСФСР Ф. Э. Дзержинский сделал доклад о мерах помощи Казахской республике.

Несомненны заслуги С. Мендешева в собирании воедино земли казахской. Касаясь трудностей начального этапа, он на II съезде Советов сказал, что дело собирания территории отняло у КазЦИКа много времени и сил, не давая ему «возможности проявить в достаточной степени творческую инициативу в области законодательства вообще».

Функции собирательства Президиум КазЦИК под председательством С. Мендешева осуществлял через специально созданные представительства при НК Нац РСФСР, при ТуркЦИКе, Сибревкоме и БашЦИКе. Представительства являлись аппаратом Президиума КазЦИКа и во всех своих действиях были ответственны перед КазЦИКом. Всем им были даны подробные наказы, точно регламентировавшие их права и обязанности.

По сложившимся обстоятельствам две губернии — Акмолинская и Семипалатинская, вошедшие согласно

Декрету Совнаркома РСФСР от 10 июля 1919 г. в пределы КазАССР с момента освобождения Сибири из-под власти Колчака, пока оставались в ведении Сибревкома. Для подготовки приема этих губерний от Сибревкома и присоединения к Казахстану постановлением Президиума КазЦИКа от 14 декабря 1920 г. было организовано полномочное представительство для работы при Сибревкоме. Оно действовало в полном соответствии с духом известного совещания августа 1920 г., когда в Кремле под руководством В. И. Ленина решались вопросы территориальных границ Казахстана. В воспоминаниях члена Сибревкома В. Н. Соколова это событие передано так:

«Вопрос сложный и деликатный. Об этом свидетельствует приготовленная на стене карта. На ней выделяются среди степных кочевий оседлые хозяйственные угодья. То русские казаки и переселенцы заселили и освоили бывшие казахские земли.

Сегодня совещание должно решить запутанный историей вопрос: в чьи государственные границы должны быть включены эти земли? Останутся ли они в границах Сибири или отойдут к Казахстану.

Ожидаются жестокие споры. Сибирский ревком против передачи новой республике прииртышской и переселенческой территории.

В дверь заглядывает и осторожно, боком проходит казах. Не так молод, смуглолиц, широкоскул, следы оспы на лице, небольшие внимательные глаза. В европейском скромном костюме и, видно, давно отошел от кочевых навыков. За ним так же осторожно, но уверенно входит другой — в национальном халате и лисьем малахае.

Ленин оживленно приветствует их:

— А вот и они, именинники наши! Здравствуйте! Скажите нам, пожалуйста, для начала: что хуже — казаки над вами или вы над казаками?

Галим Тажибаев чуть трогает малахай, оглядывает собрание и недоуменно разводит руками. Но, взглянув на Ленина, расцветает широкой улыбкой:

— Не знай... Оба плохая! Я так думаю: зачем над, зачем под? Вместе надо.

Ленин, довольный, смеется...

Поднимается докладчик — представитель Наркомнаца.

— Наша задача,— говорит он,— воспитать солидарность и взаимную дружбу разноплеменных народных масс... Подойдя к карте, он коротко набрасывает практическую программу организации территории новой Казахской Советской республики: бывшие казахские земли, занятые русскими казаками и переселенцами, оставить за ними. Но нужно включить их в республиканские границы Казахстана...

— Внешние республиканские рубежи,— поясняет докладчик,— уничтожат внутренние национальные перегородки, а с ними и племенную настороженность и вражду»[1].

К концу 1920 г. подготовительные работы по передаче обоих губерний в состав Казахстана были завершены, хотя кое-кто из деятелей Сибревкома стремился задержать выполнение решений СНК и ВЦИК РСФСР. Первая сессия КазЦИК 13 февраля 1921 г. поручила Президиуму немедленно приступить к приему этих губерний. Во исполнение этого постановления Президиум КазЦИКа на своем заседании от 22 февраля 1921 г. принял положение о Чрезвычайной полномочной комиссии, которую возглавил С. Мендешев. В нее также вошли А. Досов, С. Сейфуллин, И. Заромский. С прибытием в Омск 21 марта 1921 г. комиссии пришлось действовать в очень трудных обстоятельствах.

В Акмолинской губернии шла ликвидация крупного эсеро-кулацкого мятежа, который повлек за собою массу жертв и внес страшную дезорганизацию в работу советских учреждений. Тем не менее в кратчайший срок был сформирован Акмолинский губревком, председателем которого комиссия утвердила А. Айтиева. А вскоре во всех уездах прошли выборы в Советы, показавшие полную поддержку трудящимися воссоединения этих районов с КазАССР.

Всеказахстанский староста С. М. Мендешев с первых же дней избрания на столь высокий пост трудился над подготовкой и принятием законодательных решений, направленных на улучшение жизни трудовых

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1970, т. 4, с. 226, 228, 229.

слоев аула, на глубокие социально-экономические преобразования, уничтожение межнациональных перегородок, остатков колониального наследия. К числу таких актов относятся декрет ЦИК КазССР от 2 февраля 1921 г. о возвращении казахскому населению земель, изъятых при царизме в фонд Переселенческого управления, но не занятых крестьянами к 1917 г. Через два с половиной месяца последовал новый декрет о передаче казахским трудящимся земель из районов побережья Урала, Ишима и Иртыша, переданных самодержавием в фонд казачьих войск.

Указанные законодательные акты стали основой для проведения в республике важных аграрно-водных реформ. Крестьянство кочевых, полукочевых и оседлых аулов наравне с трудовым казачеством получило пахотные и сенокосные участки, удобные пастбища. В соответствии с декретами КазЦИКа местные Советы расторгли кабальные арендные соглашения, аннулировали долги бедноты, арендовывавшей земли у кулаков и баев. Эти реформы дали большой толчок оседанию казахского кочевого населения, укрепили взаимопонимание крестьян деревни и аула.

Хорошо знавший жизнь аульных тружеников, Сейтгали Мендешевич видел, какой экономический и социальный вред наносило несовершенство существовавшей налоговой системы. Она сложилась еще до революции и базировалась на покибиточной ответственности, что позволяло байству переложить тяжесть налога на бедноту и середняков. Кстати, это кажущееся равенство имущая верхушка деятельно использовала для оправдания своего тезиса о бесклассовости казахского общества, об отсутствии в нем эксплуататорских элементов.

По настоянию С. Мендешева КазЦИК на основе ленинской классификации бедняцко-батрацких слоев села определил, что в Казахстане бедняком считается тот кочевник, который имеет до пяти голов скота (в пересчет на крупный). Такое «стадо» едва обеспечивало средней семье прожиточный минимум. КазЦИК специальным декретом освободил крестьян-бедняков от налога. На остальные категории аульных хозяйств был введен прогрессивный налог. Подобные меры вынудили феодально-байские круги уйти в оборону, а бедноте

открыли путь к ее классовому сплочению и организации.

Среди подготовленных С. Мендешевым декретов особую значимость имели три: о запрете калыма, многоженства, об отмене феодального суда биев и введении народного суда. Первым декретом Советская власть раскрепостила казахскую женщину, встала на защиту ее чести и достоинства, покончив с практикой использования ее в качестве объекта купли-продажи, а также облегчила вступление в брак представителям бедняцко-середняцких слоев аула.

Другой декрет — о запрете многоженства — не только защищал честь и общественное положение женщины, но и наносил удар по феодальным пережиткам, ибо прекращал практику порабощения женщины. Третий декрет ликвидировал карательный аппарат феодально-байской верхушки, лишал ее возможностей подавлять социальный протест трудящихся, позволял им обрести в советском суде своих настоящих защитников.

Активная политическая позиция С. Мендешева нашла широкую поддержку в кругах коммунистов республики. На I партконференции в июне 1921 г. его избрали в состав Казахского областного комитета РКП(б). Членом обкома, а затем и крайкома он был до 1926 г., когда был откомандирован в Москву в распоряжение ЦК ВКП(б). Мендешев-большевик внес заметный вклад в борьбу с политикой и идеологией феодально-байских кругов и казахских буржуазных националистов.

Известно, что в конце 1919 — начале 1920 гг. Советская власть, терпеливо осуществляя в Казахстане политику национального примирения, сумела добиться того, что основная часть верхушки казахской буржуазно-националистической партии «Алаш» и созданного ею правительства «Алаш-Орды» под давлением трудящихся вынуждены были прекратить вооруженную борьбу против рабоче-крестьянского строя. Часть этих деятелей была избрана на I Учредительный съезд Советов и включена в состав правительства республики. «Бывшие» использовали свое новое положение для того, чтобы превратить советский аппарат в орудие борьбы за достижение старых целей.

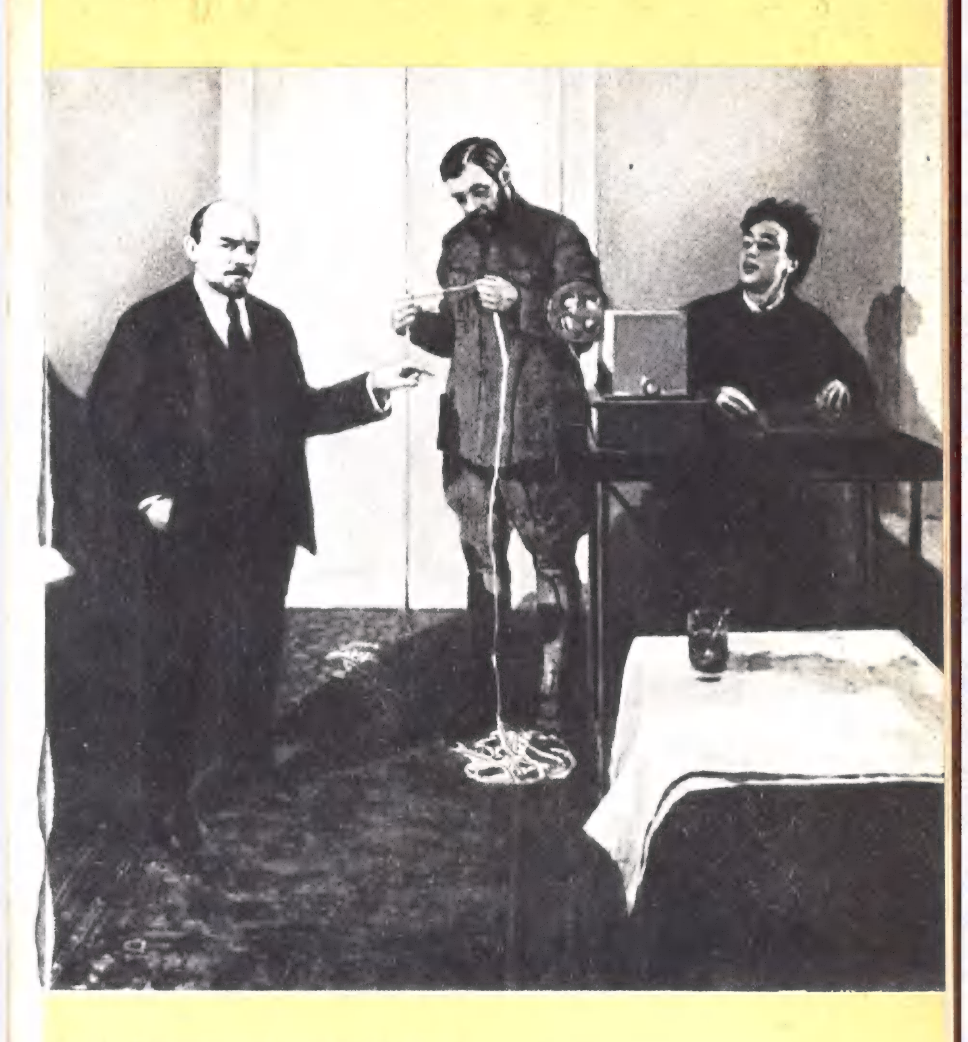
В противовес республиканскому, губернским, уезд-

ным и волостным комитетам помощи голодающим националисты стали создавать «казпомголы», т. е. казахские, чисто национальные по своим задачам комитеты, чем пытались вызвать недоверие бедствующих аульных тружеников к Советской власти, посеять в их сознании ядовитые семена национализма. С. М. Мендешев вел непрерывную борьбу с националистами, настойчиво разъясняя в устных выступлениях и печати, что поступающая отовсюду продовольственная и иная помощь — это не благодеяние бывших алашордынцев, а проявление интернациональной солидарности трудящихся страны.

Бескомпромиссно С. Мендешев боролся и с теми, кто пытался поставить советский аппарат на службу корыстным, националистическим или национально-уклонистским интересам. Совместно с видными казахами-коммунистами А. Джангильдиным, С. Сейфуллиным, Н. Нурмаковым, А. Айтиевым он разоблачал действия тех, кто, создав «казсовещания», пытался этот искусственный орган использовать как аппарат для противодействия всей организационно-советской и партийной работе. Далеко не случайно наиболее активные националистические элементы вынуждены были перебраться в районы Туркестана, где их поддерживали троцкист Г. Сафаров и крупный национал-уклонист С. Ходжанов, занимавшие важные посты в партийном аппарате.

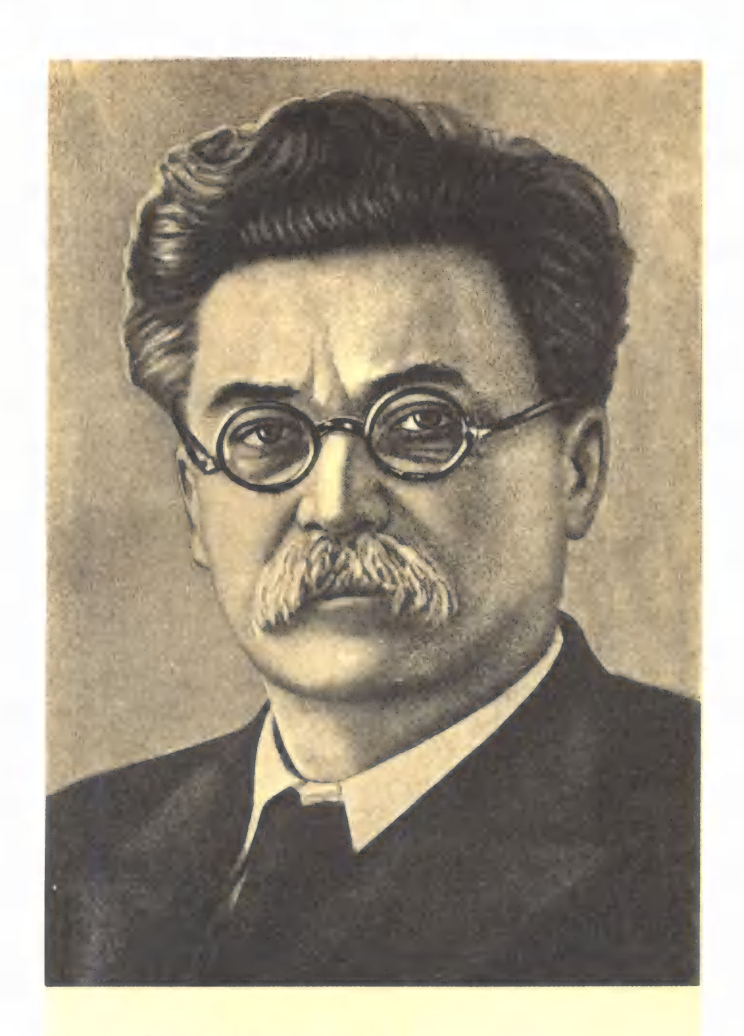
Президиум КазЦИКа при деятельной и твердой поддержке обкома партии настойчиво осуществлял меры по очищению Советов и их аппарата от чуждых, примазавшихся элементов, стремился как можно больше привлекать в Советы наиболее активную часть казахских тружеников, прежде всего из числа рабочих, бедноты, батраков. В 1921—1922 гг. в Советах Казахстана повсюду прошли перевыборы. И если в 1921 г. тайные и явные алашордынцы сумели, опираясь на «казпомголы» и «казсовещания», провести своих людей в аппарат Советов, то уже в 1922 г. их ждало жестокое разочарование.

Оказалась действенной установка партии на то, чтобы отдать приоритет на выборах рабочим, крестьянам, интеллигенцию вводить только после тщательной проверки ее политической преданности советскому строю,

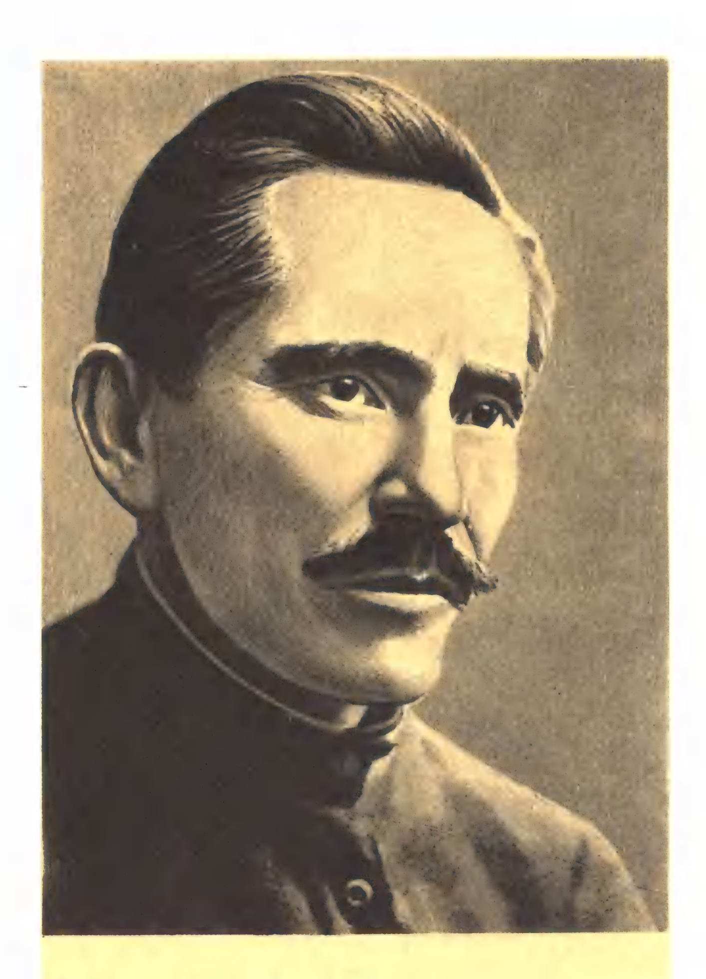


И. Грабарь «Ленин у прямого провода»

А. Т. Джангильдин и В. А. Радус-Зенькович
среди делегатов I съезда Советов КАССР (2-й и 3-й справа)



Емельян Михайлович Ярославский



Алиби Тогжанович Джангильдин

Сейтгали Мендешевич Мендешев

Станислав Станиславович Пестковский

В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе

МАНДАТ

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров, согласно своего постановления от 8-го октября 1919 года, уполномачивают М.В. ФРУНЗЕ, как члена Комиссии по делам Туркестана, представлять В.Ц.И.К. и Совет Народных Комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств и способствовать проведению в жизнь начал, изложенных в п. 3 указанного выше постановления.

Председатель Совета
Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

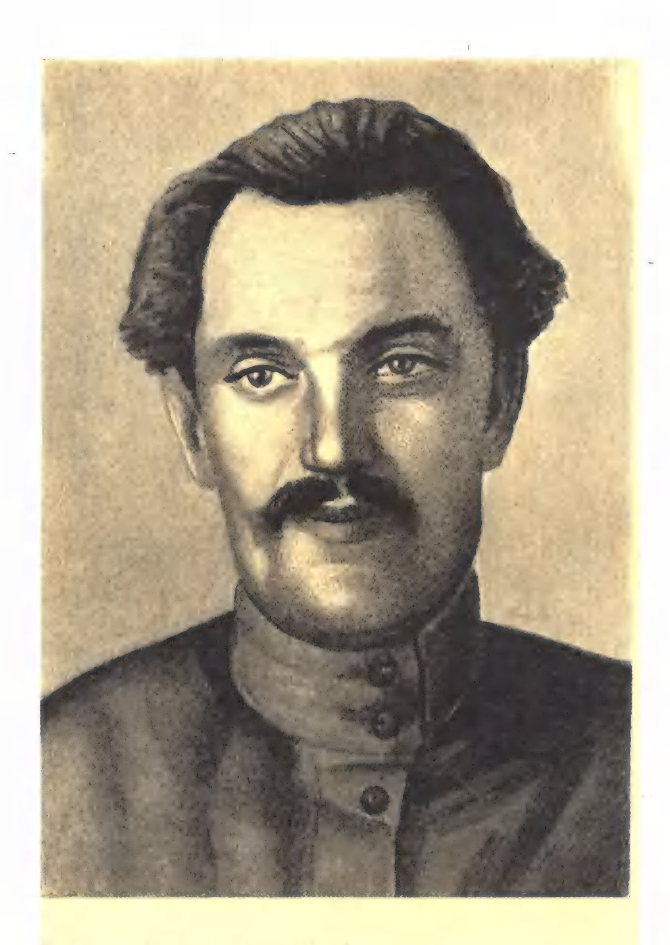
N 127/ш 62.

Реввоенсовет Туркфронта
Фрунзе

Все внимание уделяйте не Туркестану а полной ликвидации уральских казаков всяческими, кроме дипломатическими мерами точка ускоряйте изо всех сил помощь Туркфронту. Невзирая на вражду оренбургских казаков под Илецком и на южном фронте. Извещайте чаще шифром о фактическом исполнении

„Республика" N 124/ш 18/X Ленин.

Михаил Васильевич Фрунзе



Валериан Владимирович Куйбышев

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая партия (Большевиков). Центральный Комитет.

№ 9302 Москва. 10 Октября 1919 г.

МАНДАТ.

Пред"явитель сего тов. Куйбышев является членом Туркестанской Комиссии Ц.К.Р.К.П./большевиков/.

Секретарь ЦК. Елена Стасова

Ш. З. Элиава, В. В. Куйбышев, П. И. Баранов.

Туркестанский фронт. 1919 год.

УКМК

ПРОПУСК № 2377

Тов. ______

Срок до 1 августа

„ 193 г.

Комендант Кремля

Особые примечания:

1. За передачу пропуска виновные лишаются права прохода в Кремль и привлекаются к ответственности.
2. По истечении срока действительности, пропуск возвратить в Управление Коменданта Кремля

Срок продлен по

„ ____ „ 193 г

Комендант Кремля

В штабе 4-й армии. Петр Алексеевич Кобозев (2-й справа)

Рудольф Ансович Дрейман

Виктор Алексеевич Радус-Зенькович

Петр Алексеевич Кобозев

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

Москва Кремль.
5-V 1920 г.
№ а 6457

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Пред'явитель сего тов. Алибей ДЖАНГИЛЬДИН утвержден Советом Народных Комиссаров в заседании от 4-го мая с/г. Членом Военно-Революционного Комитета по управлению Киргизским Краем.

Председатель Совета
Народных Комиссаров [signature] (Ульянов (Ленин))

Секретарь Совета
Народных Комиссаров [signature] (Л. Фотиева)

ни в коем случае не поддерживать кандидатуры бывших алашордынцев и тех, кто сохранял с ними тесные связи.

С. Мендешев тщательно разрабатывал положение о выборах, лично подбирал и инструктировал многих уполномоченных. И на местах и в центре буржуазные националисты потерпели сокрушительное поражение. 27 октября 1922 г. в интервью газете «Правда» всеказахстанский староста с удовлетворением подчеркнул, что казахские трудящиеся стали активнее включаться в советское строительство.

С. Мендешев уделял постоянное внимание расширению влияния и укрепления местных Советов. I сессия КазЦИК 1 созыва (февраль 1921 г.), заслушав подготовленный им доклад, одобрила общую линию деятельности и вместе с тем поручила Президиуму КазЦИК в дальнейшей своей работе усилить контроль за деятельностью местных Советов; принять оперативные меры к введению в губернские и краевые органы местных работников, особенно из числа трудящихся, выдвинувшихся благодаря своим организаторским способностям.

Президиум КазЦИК одновременно предложил всем губисполкомам постоянно представлять в КазЦИК протоколы всех своих заседаний с приложением обязательных постановлений, чтобы непрерывно быть в курсе жизни губерний и иметь возможность вовремя предупредить любой исполком в случае «неверного шага с его стороны». Поступавшие с мест материалы Президиум КазЦИК тщательно изучал и незаконные распоряжения немедленно отменял. Чтобы таких случаев не возникало, С. Мендешев настоял на посылке в ряде случаев чрезвычайной полномочной комиссии и отдельных членов КазЦИК с заданиями ознакомиться с работой на местах, ее недостатками, оперативно помогать низовым работникам. Такие обследования помимо обычного инструктирования местных сотрудников «давали очень большой материал для разработки положений в отношении улучшения постановки дела в дальнейшем».

На заседании пленума областного комитета РКП(б) 4 сентября 1923 г. в докладе председателя КазЦИК С. Мендешева о результатах его поездки по Акмолин-

ской и Семипалатинской губерниям говорилось о состоянии губернских и уездных партийных и советских аппаратов. «Бюро Акмолинского губкома,— писал С. Мендешев,— состоит из довольно работоспособных лиц, таких, как секретарь губкома т. Чернядьев и заведующий организационным отделом т. Юсупбеков. Однако с укомплектованием губкома казахскими работниками дело обстоит очень плохо. Губком и исполком обратили внимание на работу среди женщин казашек. И тем не менее работа среди казахской массы еще не углублена. Вообще работа среди населения без различия национальности поставлена крайне слабо».

Касаясь положения дел в облисполкоме, Сейтгали Мендешевич отметил, что руководство советским аппаратом ведется правильно. Группировок среди ответственных работников как будто не имеется. Однако при более внимательном анализе виден некоторый разлад. Главной причиной здесь является, пожалуй, неправильное отношение секретаря губкома к тем ответственным работникам, которые по деловым вопросам открыто высказывают свои соображения, не сходящиеся с мнением т. Чернядьева. Неправильность линии последнего, по мнению С. Мендешева, заключалась в том, что за такого рода выступление он начинал преследовать работника вплоть до возбуждения вопроса о его переброске в другие места республики.

Определенную группу составляли некоторые казахские работники. Если допустить дальнейшее существование наметившихся группировок, то это приведет к нежелательным последствиям, заключил С. Мендешев. Обследуя работу советских органов Акмолинской и Семипалатинской губерний, он подготовил свои предложения по качественному улучшению организации их работы. Акмолинскому губисполкому, например, было предложено поддерживать постоянную связь с местами, установить плановое проведение совещаний председателей и секретарей волостных исполкомов, а также аульных и сельских Советов. Тщательно уяснить положение в местностях с казахским населением, особенно то, что связано с фактами родовой вражды, осуществить срочные и решительные меры для борьбы с этими явлениями.

Большое место в деятельности С. Мендешева занимала работа по так называемой коренизации государственного аппарата. Проблема коренизации складывалась из двух взаимосвязанных вопросов: приближения деятельности государственного аппарата к коренному населению путем введения казахского языка в делопроизводство советских органов и укомплектования их работниками из среды казахского населения или теми, кто владел казахским языком и знал особенности жизни этого населения.

Решение этого вопроса исходило из установок XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Съезд, как известно, потребовал добиться того, чтобы «органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное и национальное население...»[1]

Глава КазЦИКа выдвигал в ряде служебных записок, выступлений, статей задачу ускоренной подготовки местных кадров, расширения сети школ, создания не только учебных заведений, но и разного рода курсов. Он призывал также к тому, чтобы готовить руководящие кадры советских учреждений в строго большевистском духе через различные марксистско-ленинские кружки. Очень настойчиво Сейтгали Мендешевич выступал против назначения на ответственные посты, особенно в правительство и ЦИК Казахстана, деятелей из верхушки буржуазно-националистической партии «Алаш», алашордынских правительств и комитетов. Об этом он открыто говорил с трибуны съездов Советов, партийных конференций, пленумов обкома и крайкома партии. Кое-кто пытался обвинить его в левацких загибах, в недоучете национальных особенностей, групповщине и тому подобных грехах. Но партийная организация республики доверяла С. Мендешеву, и эти обвинения отметались с порога.

Будучи членом обкома партии, Сейтгали Мендеше-

---

[1] КПСС в резолюциях... М., 1984, т. 3, с. 86.

вич более двух лет состоял членом Казахского бюро ЦК РКП(б). Это было знаком большого доверия к председателю ЦИК Казахстана со стороны штаба ленинской партии. И не случайно в деятельности С. Мендешева на первом плане всегда было неразрывное диалектическое сочетание интернационального и национального. Он участник ряда важнейших совещаний в ЦК РКП(б) по работе среди народов Советского Востока, проходивших в январе и марте 1921 г. С. Мендешев в качестве делегата или специально приглашенного был на X—XVI съездах ленинской партии, а также на V конгрессе Коминтерна.

Особое место в своей биографии С. Мендешев отводил тем моментам, когда он встречался с В. И. Лениным, слушал его выступления на X, XI съездах РКП(б). Ленин, ленинизм стали для него не просто путеводной нитью, а главным, определяющим в партийно-политической деятельности.

Часто выступая перед трудящимися, С. Мендешев рассказывал им о Владимире Ильиче, обращал особое внимание на ту заботу, которую вождь революции, глава Советского правительства проявлял по отношению к народам Востока. Памяти того, кто вручил ему в июльские дни 1919 г. мандат на право работы в Казахском ревкоме, С. Мендешев посвятил в скорбные дни января—февраля 1924 г. свою статью «Ленин и трудящиеся Востока»[1]. В ней простым доступным языком раскрыт вклад вождя в разработку сложнейших проблем национально-колониального вопроса, в практическое претворение программы «сокращенного пути» к социализму, минуя капитализм.

На протяжении 1924 г. Сейтгали Мендешевич участвовал в организации и проведении ленинского призыва в ряды РКП(б). Он посетил многие шахты, промыслы, промышленные предприятия. Одновременно С. Мендешев в соответствии с установками III Казахстанской партконференции много трудился над созданием в губернских и уездных совпартшколах факультетов и курсов казбатрачества, где передовые труженики казахского кочевого и полукочевого аула получали необходимую идейно-политическую подготовку.

[1] См.: Кзыл Казахстан, 1924, № 1—2, с. 137—138.

По рекомендации главы казахской республики на курсах рассматривались вопросы проведения революционно-демократических реформ — передела пахотных и сенокосных угодий и конфискации имущества баев-полуфеодалов. Слушатели из числа аульной бедноты и батраков знакомились с ленинскими установками на социалистическое преобразование сельского хозяйства, решениями III Казахстанской конференции РКП(б). В резолюции конференции «О методах подхода и овладения социальной базой партийной и советской работы» подчеркивалось, что, ничуть не умаляя значимости того, что уже сделано по уничтожению остатков национального гнета и неравноправия, необходимо поставить на первый план задачу содействия классовому расслоению в ауле, поднятию социального самосознания бедноты, решительному сокрушению авторитета и влияния байства [1].

Этот бой развернулся в 1926—1928 гг. Тогда подготовленные в сети партшкол тысячи активистов, члены союза Кошчи с помощью рабочих, трудящихся города, под руководством партийных и советских органов нанесли мощный удар по феодально-байским кругам аула, подготовили тем самым необходимые условия для перехода в последующем к социалистическому переустройству сельского хозяйства республики.

Начатая еще в 1921 г. работа по собиранию казахских земель завершилась в 1924 г. после проведенного по решению ЦК ВКП(б) и Советского правительства национально-государственного размежевания Средней Азии. Две области бывшей Туркестанской АССР — Джетысуйская и Сыр-Дарьинская навсегда вошли в состав Казахской Советской Республики. То, что намечалось при жизни В. И. Ленина, было завершено. Что касается С. Мендешева, то он тем самым по существу выполнил установку Ильича: казахский край был собран воедино.

В 1925 г. значительно активизировались национал-уклонисты и бывшие алашордынцы. Им удалось оклеветать группу казахских коммунистов, добиться сня-

---

[1] См.: Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Алма-Ата, 1981, т. 1, с. 88, 89, 90.

тия с постов председателя КазЦИКа С. Мендешева, председателя СНК республики С. Сейфуллина. Но партия продолжала полностью доверять С. Мендешеву, равно как и его товарищам по партии — Т. Рыскулову, С. Сейфуллину, А. Айтиеву. Что касается Т. Рыскулова, он был выдвинут на пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР, С. Мендешева назначили членом Экономического совещания (ЭКОСО) при СНК РСФСР. В 1931 г. по ходатайству Казкрайкома ВКП(б) он вернулся на работу в Казахстан и три года трудился наркомом просвещения республики, а затем возглавил Комитет науки при СНК КазАССР. Несмотря на то, что здоровье бывшего всеказахстанского старосты уже в начале 30-х годов давало серьезные сбои, он продолжал напряженно трудиться.

В годы развернутого наступления и победы социализма в Казахстане С. Мендешев свои главные усилия сосредоточил на фронте культурного строительства. За годы его работы наркомом просвещения завершился переход от сложной арабской письменности к облегченному латинскому алфавиту, ставшему переходной ступенью к последующему введению нового алфавита, построенного на основе русской письменности, что способствовало укреплению дружбы и сотрудничества казахского и русского народов.

По инициативе Сейтгали Мендешевича в 1931 г. Крайком ВКП(б) принял два важных решения: 29 сентября о начальных и средних школах, 12 октября о подготовке национальных кадров. Первое нацелило учительский состав на повсеместное преодоление патриархально-родовых пережитков, изгнание из казахских школ алашордынской методики, второе — поставило задачу широкой подготовки казахской советской национальной интеллигенции, причем намечалось в 1932 г. послать на учебу в вузы, техникумы и на рабфаки более 14 тыс. человек.

На посту наркома просвещения, а затем и председателя Комитета по делам науки при СНК Казахстана С. Мендешев немало сделал для открытия Казахского государственного университета в Алма-Ате, создания и расширения сети вузов и техникумов в областных центрах. В 1932 г. начала функционировать республиканская база Академии наук СССР, на основе которой

формировались будущие подразделения Казахского филиала АН СССР.

Минули десятилетия. Но народ нашей республики хранит в своей памяти все, что свершалось по предначертаниям В. И. Ленина, с помощью его посланцев. Среди тех, кому мы и сегодня говорим слова признательности,— имя славного сына казахского народа, стойкого большевика, первого всеказахстанского старосты Сейтгали Мендешева.

Председатель Ревкома

25 июня 1919 г. в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР заседала межведомственная комиссия. Под руководством заместителя наркома по делам национальностей С. С. Пестковского она рассматривала проект Временного положения о Революционном комитете по управлению Казахским краем, подготовленный казахским отделом Наркомнаца.

Около двух недель потом шла доработка проекта с учетом мнений, высказанных членами комиссии. 10 июля 1919 г. Совнарком утвердил за подписью В. И. Ленина декрет «О Революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем» . С этого момента работа по созданию национальной государственности казахского народа вступила в свою новую, по существу завершающую фазу.

Это было время, когда на значительной территории Казахстана еще полыхало пламя гражданской войны, не было единого партийного центра — партгруппе Ревкома предстояло взять на себя и функции временного партийного центра. Потому так остро обсуждался круг кандидатур, намеченных к включению в Ревком и особенно вопрос о его председателе. Далеко не случайно казахские коммунисты А. Джангильдин, С. Мендешев, такие работники казахского отдела Наркомнаца, как М. Тунганчин и другие, поставили перед Наркомнацем вопрос о том, чтобы пост

руководителя Ревкома занял опытный работник центрального аппарата, человек широкого кругозора, и что еще немаловажно — свободный от пут местничества. Казахские работники Наркомнаца, члены межведомственной комиссии единодушно сошлись на кандидатуре Станислава Станиславовича Пестковского, заместителе наркома по делам национальностей. ЦК РКП(б) и СНК РСФСР пошли навстречу предложениям казахстанцев. 24 июля 1919 г. Совнарком под председательством В. И. Ленина обсудил предложенные кандидатуры: С. С. Пестковский был утвержден председателем, В. Лукашев, А. Джангильдин, С. Мендешев, Б. Каратаев, М. Тунганчин — членами.

К тому времени Станислав Станиславович был известен в широких кругах нашей партии, российского и польского рабочего движения как опытный революционер-профессионал.

К борьбе за освобождение рабочего класса от гнета эксплуататоров С. Пестковский приобщился в 1900 г. будучи учеником Лодзинской гимназии. Спустя два года стал членом социал-демократической партии. Прошел сквозь бури трех революций, познал аресты, тюрьмы, ужасы царской каторги, скитания эмигранта.

В июле 1917 г. С. С. Пестковский вернулся в Петроград, сразу включился в активную работу: сотрудничал в небольшом аппарате ЦК РСДРП(б) и одновременно был секретарем исполкомов Всероссийского и Петроградского Советов.

В дни Октября С. С. Пестковский старался максимально помочь революции, выполнял любые задания партии, совмещал самые разные должности. К примеру, комиссар Главного телеграфа С. Пестковский исполнял обязанности управляющего Государственным банком. Поиски, где бы он мог принести наибольшую пользу, привели Станислава Станиславовича в Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. «Я — сам инородец,— рассуждал С. Пестковский,— следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате»[1].

---

[1] *Пестковский С. С.* Как создавался Наркомнац.— Жизнь национальностей. М., 1923, кн. 1, с. 272.

Эпоха капитализма в России оставила в наследство Советской власти сложный узел национальных отношений. Развязать его — было одной из главных задач дня.

Уже в начале ноября 1917 г. «Декларация прав народов России» законодательно закрепила основные принципы национальной политики партии:

1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Важно было приобщить к социалистическому строительству ранее угнетенные национальности. И 20 ноября 1917 г. Советское правительство принимает обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно разъясняло события, которые произошли в России, говорило о значении Октября для судеб народов, заверяло мусульман в том, что их права охраняются Советской властью. Для претворения в жизнь мероприятий Советской власти по национальному вопросу потребовался и специальный аппарат. В системе государственного управления по инициативе В. И. Ленина был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), призванный непосредственно проводить в жизнь национальную политику диктатуры пролетариата. В проект постановления об образовании Советского правительства, составленного Лениным, был включен и пункт о Наркомнаце.

Так Станислав Станиславович Пестковский пришел в комиссариат в момент его зарождения. Принял его нарком И. В. Сталин. Станислав Станиславович спросил при встрече:

«— Товарищ Сталин, вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну так я вам „сделаю'' комиссариат».

Получив от И. В. Сталина мандат на организацию Наркомнаца, Пестковский привлек к работе товарища

по каторге Ф. М. Сенюту (первый управляющий делами Наркомнаца). «Мы... с Сенютой нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертив на нем: „Народный комиссариат по Делам Национальностей", прикрепил к стене над столиком. Достали два стула...»[1] Комиссариат был готов.

ЦК РКП(б), В. И. Ленин постоянно следили за работой Наркомнаца. На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров не раз заслушивались вопросы о работе комиссариата, его коллегии, о подборе и расстановке руководящих кадров, 23 сентября 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров обсуждался вопрос об утверждении С. С. Пестковского заместителем наркома по делам национальностей. На следующий день В. И. Ленин подписал удостоверение о назначении Станислава Станиславовича на этот пост.

Поскольку И. В. Сталин часто отсутствовал в наркомате — был на фронтах гражданской войны, то Пестковскому, как и другим заместителям наркома, приходилось выполнять его обязанности. «Конечно, я не справился бы с этими делами, если бы не руководство Ленина,— с благодарностью вспоминал Станислав Станиславович.— Со всякими важнейшими вопросами я ходил к нему»[2].

Наркомнац работал в сложный период становления, укрепления и развития Советской власти, решал задачи, которые диктовались обстановкой в стране, на фронтах гражданской войны и послевоенным строительством. Его деятельность была широкой и разнообразной: Наркомнац привлекал трудящихся национальных районов на сторону Советской власти, будил их политическую активность, участвовал в строительстве национальной государственности, подготовке советских кадров из коренного населения, оказывал помощь своим подразделениям в налаживании их работы.

---

[1] *Пестковский С. С.* Как создавался Наркомнац.— Жизнь национальностей, кн. 1, с. 272—273.

[2] *Пестковский С. С.* Ленин в период 1917—1920 гг.— Борьба классов. М., 1934, № 1, с. 134.

Структура Наркомнаца значительно отличалась от других комиссариатов: он создавался не по отраслевому, а по национальному принципу. Структурными подразделениями наркомата в первые годы Советской власти были национальные комиссариаты и отделы. Это давало возможность сотрудникам конкретнее руководить работой среди национальностей, быть ближе к ним.

11 мая 1918 г. решением коллегии Наркомнаца в его составе был создан Казахский отдел. Зона его «интересов» охватывала весь казахский народ, независимо от существовавшей в ту пору территориальной подчиненности казахстанских районов областным центрам Поволжья, Урала, Сибири, Туркестана. Казахский отдел Наркомнаца просуществовал целых четырнадцать месяцев. Станислав Станиславович постоянно помогал сотрудникам Казахского отдела организовывать идейно-просветительную работу среди казахских трудящихся, осуществлять оперативную помощь местным Советам в проведении в жизнь важнейших положений ленинской национальной политики. Поэтому не случайно они активно поддержали предложение назначить Станислава Станиславовича председателем Ревкома.

Одновременно с формированием национальных комиссариатов при Наркомнаце в местностях РСФСР с неодинаковым национальным составом населения при исполкомах губернских и уездных Советов создавались отделы по делам национальностей (губотнацы и уотнацы, как их тогда называли).

Если Наркомнац и его подразделения испытывали большие трудности в своей деятельности, то они в несколько раз увеличивались для национальных отделов на местах. Местные партийные организации недопонимали функции таких отделов. Советы не раз запрашивали Центр о правах и обязанностях национальных отделов, о необходимости их создания.

В течение августа — декабря 1918 г. на заседании коллегии Наркомнаца не раз поднимался вопрос о выработке рекомендаций для местных национальных отделов. Пестковскому, Карклину и Казакову было поручено разработать проект инструкций. Дело не терпело отлагательств. 19 октября 1918 г. на коллегии был утвержден проект временной инструкции. 24 октября

1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров обсуждалось «заявление замнаркома по делам национальностей С. С. Пестковского, что им, согласно постановлению СНК от 23 июля 1918 г., разослан во все комиссариаты и передан в секретариат СНК проект временной инструкции об отделе по делам национальностей»[1]. В середине декабря 1918 г. Наркомнац выпустил инструкцию с целью помочь Советам в организации отделов. В ней, хотя и в общей форме, определялись структура и обязанности местных отделов [2].

Как представитель Наркомнаца Пестковский участвовал в работе ряда съездов и конференций, на которых рассматривались вопросы, касающиеся интересов нерусских народов. Так, он председательствовал на конференции коммунистических организаций оккупированных районов, состоявшейся 19—24 октября 1918 г. в Москве. Конференция проходила под руководством ЦК РКП(б). В день ее открытия В. И. Ленин беседовал с С. С. Пестковским и секретарем Центрального бюро коммунистических организаций оккупированных областей Р. С. Расикасом о партийной работе на оккупированной территории, советовал глубоко учитывать конкретно-историческую обстановку и действовать в строгом соответствии с ней. Он отметил, что наиболее целесообразной формой политической власти являются Советы, но в тех местностях, где пролетариат слабее, нужно использовать и другие формы власти [3]. Конференция выработала тактику деятельности партии в оккупированных районах.

В конце 1918 — начале 1919 г. были провозглашены советские социалистические республики в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии. ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР для связи с республиками назначили при их правительствах своих уполномоченных. 14 декабря 1918 г. Ленин подписал удостоверение С. С. Пестковскому о командировании его Совнаркомом с особо важ-

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 181.

[2] Политика Советской власти по национальным делам за три года. 1917—X—1920. Госиздат, 1920, с. 145.

[3] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 171—172.

ными поручениями в освобожденные и освобождаемые от германской оккупации местности Литвы и Белоруссии[1]. Через несколько дней Пестковский сообщил Ленину о создании в Литве Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы. Ленин ответил запиской: «Мы все рады Вашим сообщениям. Примите привет. Освобождайте скорее Вильну»[2].

Еще на первом же заседании коллегии Наркомнаца возник вопрос об органе наркомата. Подготовить издание было поручено В. Аванесову, С. Диманштейну и С. Пестковскому. В 1918—1919 гг. Пестковский входил в редколлегию газеты «Жизнь национальностей». Она способствовала сплочению трудящихся различных наций вокруг партии и Советского государства, образованию СССР.

Газета разъясняла трудящимся советскую национальную политику; рассказывала о положении в том или ином национальном районе; изменениях в экономике и культуре; разоблачала империалистическую политику в колониальных и зависимых странах; рисовала положение национальных меньшинств в капиталистических государствах. Все это помогало местным советским и партийным работникам разбираться в сложных национальных проблемах. С. С.Пестковский писал статьи по различным вопросам национальной политики, экономики, культуры.

Одной из тем, которые он развивал на страницах газеты, была борьба с буржуазным национализмом. Трудящимся трудно было разобраться в истинной сущности различных «национальных» правительств, обществ и организаций. Идеи национализма помогали эксплуататорским кругам выдавать свои классовые интересы за общенациональные, привлекать на свою сторону часть рабочих и крестьян и, пользуясь их поддержкой, укреплять свои позиции в национальных районах. Буржуазия проповедовала теорию национального единства, а в действительности насаждала национальную рознь, отвлекая тем самым трудящихся от классовой борьбы. Учитывая, что идея национального самоопределения была популярна в народе, буржуазные националисты при

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6, с. 308.
[2] Там же, с. 324.

поддержке оккупантов провозгласили создание буржуазных «независимых» республик. С. Пестковский в статьях растолковывал, что буржуазные националистические правительства полагают ценой борьбы с большевиками купить независимость своих республик. Но крупные буржуазные хищники Запада думают иначе. Они смотрят на эти республики как на свои колонии, которые должны в точности исполнять предписания буржуазных метрополий. «Одним словом,— подчеркивал Пестковский,— полная диктатура Антанты, вот ультиматум для всех национальных буферных государств»[1].

Работая в Наркомнаце, С. С. Пестковский приобрел опыт практического претворения в жизнь ленинской национальной программы, что, например, помогло ему позднее, когда он трудился в Казахстане. Общение с В. И. Лениным, его советы были для Станислава Станиславовича лучшей школой.

Еще задолго до Октября В. И. Ленин подчеркивал, что обеспечение за всеми народами равенства, в том числе и в национально-государственном строительстве, права построить свое государство, способно укрепить их стремление к тесному единству и сотрудничеству[2]. Владимир Ильич считал, что отказаться от осуществления самоопределения наций при социализме «было бы изменой социализму»[3].

Национально-государственное строительство проходило под руководством партии, вождя революции. В. И. Ленин разработал основные принципы строительства Советского многонационального государства, наметил формы государственного устройства наций, которые определялись коренными интересами рабочего класса и всех трудящихся. Такими формами могли быть автономия в рамках единого социалистического государства и федерация, объединяющая несколько государств в одно союзное государство. Это отвечало программным требованиям партии по национальному вопросу.

Ленин считал, что автономия должна создаваться на основе Советов, на основе диктатуры пролетариата.

---

[1] Жизнь национальностей, 1919, 25 мая.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн, собр. соч., т. 30, с. 36.

[3] Там же, с. 18.

Он направлял в центре и на местах работу по подготовке организации советских автономных республик, принимая непосредственное участие в обсуждении проектов их создания.

III Всероссийский съезд Советов (январь 1918 г.) принял решение о государственном устройстве страны. В принятой съездом «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» объявлялось, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»[1]. Съезд Советов предложил трудящимся каждой национальности решить на своих съездах, желают ли они участвовать в федеральном правительстве и в федеральных советских учреждениях. Подобное решение данного вопроса, считал Ленин, вытекало из стремления Советской власти установить «...действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более тесный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России...»[2].

Решения III Всероссийского съезда Советов показали трудящимся угнетенных ранее наций, что Советская власть не только провозгласила определенные принципы в национальном вопросе, но и обеспечивает их реализацию.

Подготовка казахской советской государственности началась весной 1918 г. Как и в других национальных районах, казахские буржуазные националисты вместе с мусульманским духовенством попытались не допустить создания советской казахской государственности, объявив в декабре 1917 г. в Оренбурге буржуазную автономию казахских областей. Даже создали «правительство» Алаш-Орды. Но массы не признали ни автономии, ни ее правительства. Необходимо было противопоставить буржуазно-националистическим планам советское решение вопроса об автономии. Совнарком поручил чрезвычайному комиссару Степного края А. Джангильдину подготовить съезд Советов Казахстана, который провозгласил бы создание автономной Киргизской (Казахской) Советской республики. Началась подготовка к съезду. Но нашествие интервентов и белогвардейцев приостановило ее.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 221.
[2] Там же, с. 223.

В начале 1919 г., когда значительная часть Казахстана была освобождена, подготовка к созданию казахской автономии развернулась в полном объеме. Весной того же года, чтобы уточнить, как решаются вопросы создания автономии, прибыла в Москву делегация из Казахстана. Вспоминая о ней, Пестковский писал, что это были две группировки. Одну возглавлял А. Джангильдин, другую — казахских националистов — А. Байтурсунов.

Когда делегация прибыла в Наркомнац, наркома по делам национальностей в Москве не было, он находился на фронте. Пестковскому как заместителю пришлось приступить к подготовке вопросов автономии края [1].

Казахстанскими делами постоянно интересовался и В. И. Ленин. 12 июня 1919 г. на заседании Совнаркома под председательством Владимира Ильича обсуждался «проект постановления об образовании комиссии для выработки положения о временном управлении Киргизским краем»[2]. На следующий день за подписью С. С. Пестковского были направлены извещения в наркоматы внутренних и иностранных дел и в Реввоенсовет РСФСР. В них говорилось, что согласно постановлению Совнаркома от 12 июня 1919 г., Наркомнацу было поручено созвать комиссию, чтобы выяснить ряд вопросов между Казахским краем с одной стороны и Туркестанской АССР и РСФСР с другой. Пестковский просил на ее заседание прислать представителей данных ведомств [3]. Заседание межведомственной комиссии Наркомнац провел 25 июня 1919 г., руководил ходом обсуждения С. Пестковский.

ЦК РКП(б), Совнарком, В. И. Ленин постоянно интересовались Кирревкомом и оказывали ему помощь. Ревком просуществовал немногим более года (июль 1919— сентябрь 1920 гг.). А вопросы, связанные с его деятельностью и изменением состава, специально ставились и рассматривались на заседаниях Оргбюро и

---

[1] *Пестковский С. С.* Первый этап советизации Казахстана.— Они встречались с Лениным. (Воспоминания). Алма-Ата, 1968, с. 32—33.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1976, т. 7, с. 285—286.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 115, л. 96.

Политбюро ЦК РКП(б) и ВЦИК, не считая заседаний Наркомнаца, более пяти раз.

Большую практическую помощь Кирревкому оказывала комиссия ВЦИК и СНК по делам Туркестана (Турккомиссия). Остановившись по пути следования в Туркестан на несколько дней в Оренбурге, где и находился Кирревком, члены Турккомиссии М. В. Фрунзе, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак и Ш. З. Элиава ознакомились с его работой. Отметили оторванность от широких казахских масс, осудили дезорганизаторскую деятельность отдельных членов Кирревкома, зараженных великодержавными и националистическими настроениями, предложили ряд мер по усилению связи Ревкома с местами. В результате Политбюро ЦК РКП(б) 8 ноября 1919 г. рассмотрело вопрос о новом составе Кирревкома, с которым С. С. Пестковскому работать стало намного легче.

Установление правильных взаимоотношений с нерусскими народами, завоевание их доверия было одной из главных задач ленинской политики. «Опыт показал,— писал Ленин,— что это недоверие изживается и проходит только очень медленно и, чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие»[1].

Особенно трудно было решать эти задачи в отсталых районах, где наиболее сохраняются национальные предрассудки. В. И. Ленин призывал умело и гибко применять коммунистическую тактику там, где общественные отношения находятся на докапиталистической стадии развития. Большое значение для развертывания работы в массах на окраинах имело выступление вождя на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, состоявшемся в ноябре—декабре 1919 г. Ленин говорил о необходимости отыскания приемлемых в условиях Востока форм союза передовых пролетариев всего мира с эксплуатируемыми массами коренного населения восточных районов. «Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 44.

истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»[1].

Выступая на II конгрессе Коммунистического Интернационала в июле 1920 г., Ленин отметил, какие колоссальные трудности приходилось преодолевать коммунистам, чтобы пробудить в массах национальных окраин стремление к политической деятельности. Но их усилиями завоевания революции становились достоянием трудящихся всех населяющих Россию национальностей.

Постепенно налаживал работу и Кирревком. На места он посылал своих уполномоченных организовывать ревкомы; в освобождаемых от белогвардейцев районах создавал временные чрезвычайные органы власти — революционные комитеты, а затем советы; большое внимание уделял формированию казахских воинских соединений; рассматривал вопросы хозяйственного и культурного строительства, продовольственной помощи населению центральных районов России и т. д.

С. С. Пестковский и другие партийные работники края широко развернули агитационно-просветительную работу среди трудящихся. В этом неоценимую помощь им оказали советы В. И. Ленина. Приезжая в Москву, Пестковский имел возможность встречаться с вождем. В одной из таких бесед, как рассказывал Станислав Станиславович, он еще раз смог убедиться в организаторском гении Ленина. В декабре 1919 г. Владимир Ильич принял в Кремле С. Пестковского, заслушал его доклад о хозяйственном и политическом положении Казахского края; выслушал, как трудно работать среди кочевого населения, и тут же посоветовал подготовить доклады о Советской Конституции, о Коммунистической партии, о советской национальной политике и перевести их на казахский язык. Причем посоветовал проконтролировать переводы докладов, записать на граммофоны и пластинки и разослать по степи от аула к аулу и таким образом положить начало «нашей агитации и пропаганде среди широких масс кочевников».

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

Через несколько дней в газете «Жизнь национальностей» (1919, 14 декабря) появилась статья С. С. Пестковского «Партийная агитация среди кочевников». До сих пор среди кочевого населения аулов агитация и пропаганда велась такими же методами, что и среди русских, без учета специфики жизни и быта народов Советского Востока. Работу среди кочевников нужно приспособить к реальным условиям их жизни — таков лейтмотив статьи.

Для агитаторов, командированных на места для пропаганды идей Советской власти среди казахского населения, комиссариат внутренних дел Кирревкома составил специальную инструкцию. Она определяла агитационную и организаторскую деятельность уполномоченных, называла темы выступлений. Недели фронта, недели трудового фронта, партийные недели, субботники — все эти формы агитации, вовлечения трудящихся в советское и хозяйственное строительство применялись в областях, уездах, волостях и аулах.

Одной из главнейших задач момента была борьба с буржуазно-националистическими элементами. Пестковский отмечал, что бывшие казахские чиновники, которые работали до Октября в аппарате управления краем, лишь «перекрасились в коммунистический цвет» и таким образом проникли в волостные и аульные Советы. Важно готовить свои кадры грамотных людей— из бедняцко-батрацких кругов коренного населения Казахстана.

Не менее важным оставался вопрос по созданию казахской национальной государственности. Еще 27 октября 1919 г. на упомянутом ранее заседании Кирревкома с участием представителей Реввоенсовета Туркестанского фронта, Турккомиссии и Реввоенсовета 1-й армии было решено «в целях объединения киргизского народа и обсуждения дел, касающихся его интересов», созвать в конце года в Актюбинске конференцию «из активных работников-киргиз, советских и несоветских»[1]. Туркестанский ЦИК Советов приветствовал конференцию телеграммой, призывал казахских трудящихся взять решение судьбы края «в собственные мозолистые руки». «Спереди и сзади и с боков,— говорилось далее в

[1] Образование Казахской АССР. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957, с. 147.

телеграмме,— оберегает тебя (казахский народ.— *Г. М.)* вернейший твой друг и освободитель трудовых масс всего мира — русский пролетариат»[1].

В работе I Казахстанской конференции советских работников, состоявшейся в начале января 1920 г. в Актюбинске, принимали участие 260 делегатов: представители Тургайской, Уральской, Акмолинской, Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Ферганской и Закаспийской областей. Фракция коммунистов, которой руководили С. Пестковский и У. Джандосов, предложила создать Организационное краевое партийное бюро, чтобы объединить все коммунистические организации Казахского края. Пестковский вспоминал, что на конференции «в первый раз мы увидели новые казахские силы, на которые могла опереться Советская власть»[2]. Председатель Ревкома направлял всю работу конференции, выступил перед делегатами с докладом. Большинством голосов решили объединить все казахские области в советскую республику, создать национальные части Красной Армии и др.

Для интенсивной партийной работы 30 апреля 1920 г. было создано Казахское областное бюро РКП(б). В него вошли С. Пестковский, А. Джангильдин, А. Айтиев, С. Арганчеев, М. Мурзагалиев и А. Алибеков. Это был важный шаг на пути оформления единой партийной организации края.

С созданием бюро Кирревком получил большую поддержку в работе по завершению образования казахской советской автономии. Пестковский считал эту работу значительно более сложной, чем в Татарии. Чувашии и в других районах страны. Казахскую территорию надлежало собрать воедино, вывести из былой привязки к разным административным центрам, создать настоящее единое целое, которое никто больше не сможет «резать на куски». Как уже говорилось, большую помощь в решении данного вопроса оказали ЦК РКП(б) и В. И. Ленин. Еще 13 декабря 1919 г. Ленин

---

[1] Известия Туркестанского ЦИК Советов рабоч., дехк., крест., красноарм. и казачьих д., 1919, 26 декабря.

[2] *Пестковский С. С.* Первый этап советизации Казахстана.— Они встречались с Лениным, с. 37.

провел совещание по национальному вопросу. В нем приняли участие члены ЦК РКП(б), руководители Наркомнаца, делегаты VII Всероссийского съезда Советов — представители от татарского, башкирского и казахского народов. Стоял вопрос об образовании автономных советских республик — Татарской, Башкирской и Казахской [1]. Приходилось вести решительную борьбу с уклонами в национальном вопросе. Прежде всего это касалось территориальных границ Казахстана, в частности, вопросов о Кустанайском уезде, Уральской губернии и др. Без помощи ЦК РКП(б), В. И. Ленина партийным и советским работникам края трудно было решать эти вопросы.

24 января 1920 г. Пестковский направил Ленину телеграмму с просьбой о передаче Кустанайского уезда Ревкому Казахского края с изложением ходатайства. Политбюро ЦК РКП(б) в феврале 1920 г. рассмотрело просьбу Кирревкома [2].

Областному бюро РКП(б) и Кирревкому пришлось также бороться с проявлением великодержавных настроений по поводу временного присоединения Оренбурга и Оренбургской губернии к Казахской автономной республике. В декрете Совнаркома от 10 июля 1919 г. об Оренбурге и губернии как части КАССР речи не шло. Оренбург же с его сильной партийной организацией явился бы политическим, административным центром создавшейся республики. Поэтому 10 сентября 1919 г. на совещании Оренбургского губернского комитета РКП(б) совместно с Кирревкомом, представителями Реввоенсовета Туркфронта и Реввоенсовета и политотдела 1-й армии был поставлен вопрос о присоединении Оренбурга к Казахстану. Докладчиком выступил С. С. Пестковский. Он напомнил, что казахские трудящиеся выступили за совместную работу с русскими. Оренбург должен быть центром партийного и советского строительства в крае. Большинство делегатов поддержали его.

Однако на совещании прозвучали и другие предложения: во-первых, присоединить территорию с русским

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1977, т. 8, с. 116.
[2] Там же, с. 340.

населением от Уральской губернии и Актюбинского уезда к Оренбургу; во-вторых, административным центром Казахстана избрать такой, который находится в глубине казахской степи. Присоединение же Оренбурга к Казахстану, по мнению националистов, лишит последний автономных прав. На самом деле они опасались влияния пролетариата Оренбурга на казахских трудящихся. Совещание дало отпор этим выступлениям. А так как Оренбургский губернский исполком Советов дал согласие войти в состав Казахстана, Кирревком постановил: провести в жизнь это решение немедленно и создать комиссию для его выполнения. В мае 1920 г. Пестковский направил Ленину послание с просьбой об установлении границы Казахской автономной республики до Учредительного съезда Советов.

Гражданская война на части территории края тормозила созыв этого съезда. Только к лету 1920 г. появилась такая возможность. В марте — августе в Казахстане прошли съезды Советов на местах, на которых обсуждали вопрос об автономии края. Несколько заседаний вместе с представителями Казахстана, заинтересованных областей и учреждений летом 1920 г. состоялось с представителями и в Наркомнаце. 9 августа по инициативе ВЦИК открылось совещание в комиссариате. От Кирревкома участвовали С. Пестковский, А. Джангильдин, делегаты от Турккомиссии, Сибирского и Омского ревкомов, Советов Оренбургской, Челябинской, Акмолинской, Семипалатинской областей, Наркомата земледелия, Наркомнаца. Председательствовал заместитель наркома по делам национальностей А. Каменский. Обсуждали декрет о Казахской Автономной Советской Социалистической Республике. Спорили «о темпе осуществления этой задачи». Слышались предложения оставить временно управление Казахским краем в ведении старых административных центров. С. С. Пестковский еще и еще раз говорил об окраинах, о том, что нельзя отрывать их от Казахстана: они связаны с ним экономически. 10 августа совещание закончило работу. Решение о создании Киргизской (Казахской) республики было принято. Наркомнацу и Наркомвнуделу поручалось выработать решение о границах края.

Последние совещания по вопросу о казахской советской автономии проходили под председательством В. И.

Ленина в Кремле в течение двух недель — с 13 по 24 августа, и два заседания Совнаркома (17—24 августа) обсуждали вопрос об управлении Казахским краем. Принятые решения легли в основу декрета ВЦИК и Совнаркома от 26 августа об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. 4—12 октября 1920 г. в Оренбурге состоялся Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. «Отныне каждая народность России, и в том числе мы,— киргизы,— говорилось в обращении съезда,— стряхнули с себя политический и экономический гнет и приступили к строительству новой свободной жизни, получили возможность приобщиться к духовной и экономической культуре... Долг каждой автономной народности встать в великой борьбе плечом к плечу с российским пролетариатом и общими силами добиться освобождения всех трудящихся, всех угнетенных и эксплуатируемых»[1].

Первому председателю Кирревкома не пришлось участвовать в работе Учредительного съезда Советов. 15 сентября ЦК РКП(б) сообщил, что С. С. Пестковский откомандирован на Западный фронт на борьбу против белополяков.

Шли годы. Казахская республика крепла и развивалась. Ее трудящиеся по плану В. И. Ленина, под руководством партии строили новую жизнь. О том, как это проходило, С. С. Пестковский интересовался постоянно, куда бы ни забрасывала его судьба — на дипломатическую работу в Мексике, или на поприще науки в Москве. В 1930 г., когда Казахстан и вся страна отмечали 10-летие образования КазССР, С. С. Пестковский на страницах республиканской газеты «Советская степь» рассказал о первых шагах Кирревкома, о том, как он выполнял ленинское поручение. С. С. Пестковский прожил немногим более 60 лет (1882—1943). И в его славной судьбе большевика-ленинца заметной вехой было время 1919—1920 гг., когда он по поручению Ильича трудился на казахской земле.

---

[1] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов. М., 1972, с. 153—154.

Товарищ Егор

Во второй половине января 1920 г. красные войска Туркестанского фронта получили приказ, последние строки которого гласили:

«...Эмбинская железная дорога имеет исключительное значение для Советской Республики. Рабоче-крестьянская власть ждет скорого начала и срочного выполнения работ... Все действия, тормозящие успешность работ, будут рассматриваться как измена Советской Республике, а виновные подвергнуты высшей мере наказания.

Командующий Туркфронтом —
М. Фрунзе»[1].

Освобожденный от белоказачьих войск, Эмбинский нефтяной район в те дни был единственным источником, откуда страна могла вывезти горючее. Поэтому постройка железной дороги Александров Гай — Эмба (Алгэмба) и сооружение по той же трассе нефтепровода определялись как боевая оперативная задача.

В апреле того же года Советское правительство доверило ее решение Второй Поволжской трудовой армии. Председателем Революционного военного совета труд-

---

[1] Социалистическое становление нефтяной Эмбы. Алма-Ата, 1965, с. 46.

армии, по предложению В. И. Ленина, был назначен Виктор Алексеевич Радус-Зенькович.

Получив задание, Виктор Алексеевич задумался... Задание не из легких, и срочное, и ответственное. В. И. Ленин — инициатор плана Алгай — Эмба лично контролирует стройку: от нее зависит благополучие молодой Советской страны. К тому же — новый край, совершенно новые условия работы. Нужно организовать труд тысяч людей, скоординировать работу представителей целого ряда наркоматов и местных органов власти, решающих все многообразные вопросы, возникающие в ходе строительства, определять и осуществлять взаимодействие армейских ресурсов и средств местных государственных органов...

Хватит ли сил, знаний, опыта? Сомнений не должно быть: ведь не юноша и не новичок. Из сорока двух прожитых лет — пятнадцать — в царских тюрьмах и ссылках. Они многому научили. И все-таки нелегкое, ох, нелегкое это задание...

Заметно поредели ряды трудармии в боях с врагом. Не прекращались эпидемии сыпняка, холеры. Многих пришлось отправить на польский фронт. На стройке можно было использовать только десять процентов состава армии. Об этом В. А. Радус-Зенькович доложил Совету Труда и Обороны. А на совещании в РВС он предложил искать дополнительные источники рабочей силы.

Трудовые полки формировались из населения близлежащих районов, из служащих воинских частей. «Учитывали мы и резервы всеобуча.., которые стали основным источником рабочей силы»,— писал В. А. Радус-Зенькович.

Вместе с членами РВС, командирами частей, инженерами он разрабатывал инструкции и памятки о нормах труда и оплаты, об учете работ, поощрении, порядке распределения продуктов, строго контролировал точное и быстрое их исполнение.

Политотдел Алгай — Эмбы особое внимание уделял таким важным средствам воспитания сознательной дисциплины и повышения производительности труда, как организация соревнования и проведение субботников. Благодаря им, вспоминал В. А. Радус-Зенькович, средняя производительность труда на перешивке же-

лезнодорожного полотна оказалась восемь с половиной верст в день — вдвое больше, чем предполагалось.

Но научить людей хорошо, высокопроизводительно работать — только половина дела. Стройка — часть жизни молодой Республики Советов, частица великого строительства нового общества. Важно было вовлечь каждого рабочего в сознательное его созидание, привить каждому чувство хозяина страны.

В своей повседневной работе РВС опирался на коммунистические ячейки, партийные комитеты губерний и уездов. Их помощь была неоценимой. Из одной только Саратовской губернской парторганизации на Алгай—Эмбу приехали 142 коммуниста-политработника[1]. Основой политико-пропагандистской деятельности коммунистов стройки были предложения, советы, указания Ленина. Владимир Ильич лично следил за состоянием стройки и проявлял заботу о строителях.

23 июня 1920 г. Ильич принял В. А. Радуса-Зеньковича и беседовал с ним о делах Заволжского военного округа. Через два дня на заседании СТО под председательством В. И. Ленина подробно обсуждался «фактический ход работ по постройке железной дороги Александров Гай — Эмба и нефтепровода»[2]. Одним из докладчиков был В. А. Радус-Зенькович. Таким образом, Виктор Алексеевич принимал активное участие в обсуждении организационных вопросов, связанных с перспективой этого строительства.

Для Радуса-Зеньковича работа в Казахстане стала школой познания человеческих качеств тружеников разных национальностей. Здесь он познакомился с казахами-бедняками, увидел их в работе и отметил трудолюбие степного народа. В письме от 1 июля 1920 г. Совету Труда и Обороны Виктор Алексеевич писал: «С сооружением Алгай — Эмбы обстоит в общем благополучно... К работам в большей степени привлечены и широко привлекаются добровольным наймом казахи; идут они охотно»[3]. Это письмо, по-видимому, было ответом на телеграмму Ленина от 25 июня 1920 г., в ко-

---

[1] *Голь М. М.* Отважный Егор. М., 1983, с. 152.

[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978, т. 9, с. 46, 53, 91, 92.

[3] *Радус-Зенькович В. А.* Страницы героического прошлого. М., 1960, с. 63.

торой Ильич предлагал принять решительные меры к быстрейшему окончанию постройки железной дороги и нефтепровода.

Однако к концу июля 1920 г. Вторую Трудовую армию расформировали: к этому времени Баку и Грозный были отбиты у врага, острая необходимость в эмбинской нефти миновала. С мая 1921 г. работы на Алгай — Эмбе стали вести не в ударном, а в обычном темпе. Опыт Алгай — Эмбинской стройки, методы работы Второй Трудовой армии широко использовались на других строительных объектах страны. Вторая трудармия и ее совет внесли свой вклад и в развитие нефтяной промышленности Казахстана, помогли трудящимся Урало-Эмбинского района к концу восстановительного периода подойти к довоенному уровню производства. Выполнил ленинское поручение на своем посту и Виктор Алексеевич Радус-Зенькович.

* * *

Выполнил очередное задание партии... А каким было первое?

По времени оно относилось к 1898 г., когда двадцатилетний студент медицинского факультета Московского университета Виктор Радус-Зенькович вступил в ряды РСДРП и ему поручили вести занятия с рабочими Замоскворечья и Семеновской заставы. Члены революционного кружка, в котором он состоял, дали новому пропагандисту конспиративный псевдоним «товарищ Егор», а за высокий рост его называли «Полтора Егора».

В картотеке московской охранки уже с 1896 г. студент числился в списках «неблагонадежных». В марте 1899 г. товарищ Егор за выступления на студенческих сходках и участие в революционном движении был арестован, исключен из университета и выслан в Архангельск.

Архангельск был его родным городом. Здесь 12 января 1878 г. (по новому стилю) он родился в семье русского служащего, ссыльного революционера — участника польского национально-освободительного восстания 1863 г. Здесь же из рассказов отца Виктор-гимназист узнал, что такое национальный гнет. Видел, как власти унижают надзором его семью и других политических

ссыльных. Заметил, с каким сочувствием и готовностью прийти на помощь относятся к польским и белорусским ссыльным поселенцам коренные архангельцы.

В гимназические годы Виктор много читал, увлекался народническими идеями и вскоре стал понимать, зачем надо «звать Русь к топору». С отличием окончив гимназию, юноша решил учиться на врача.

В 1896 г. Виктор Радус-Зенькович поступил в университет. Студент-медик стремился не пропускать лекции видных ученых, упорно изучал литературу по специальности, читал произведения русских и зарубежных писателей, штудировал революционные издания, ленинские работы. Виктор активно участвовал в студенческих демонстрациях, стал членом нелегального марксистского кружка, успешно выполнил первое его поручение: на гектографе собственного изготовления напечатал сотни экземпляров «Манифеста Коммунистической партии».

Заметив начитанность и серьезный подход к делу, товарищи доверили ему хранить конспиративную кассу взаимопомощи, нелегальные печатные издания, организовывать работу тайной типографии, добывать шрифт, выполнять самые серьезные задания. Молодого марксиста неоднократно задерживала полиция, так попал он в число «подозрительных», а затем и «неблагонадежных». И вот — ссылка...

В Архангельск приходили из Москвы письма. Радус-Зенькович узнал, что руководство университета избегает обострений со студентами и многим из них, исключенным ранее, разрешено вернуться на учебу. Осенью 1900 г. Виктор сдал дополнительные экзамены и опять стал студентом третьего курса. Но в 1902 г. за продолжение революционной связи с рабочими и подготовку политической демонстрации В. А. Радуса-Зеньковича выслали в Иркутскую губернию, не позволив сдать экзамены и получить диплом.

С помощью ссыльных революционеров он бежал из далекого Балаганска и после невероятно трудного пути приехал в г. Вильно. Здесь действовала специальная революционная группа по переправке за границу бежавших политических ссыльных. С ее помощью товарищ Егор вскоре оказался в Женеве. В 28-м номере ленинской «Искры» от 15 ноября 1902 г. в «Хронике ре-

волюционной борьбы» было напечатано сообщение о бегстве Радуса-Зеньковича, бывшего московского студента.

В Женеве В. А. Радус-Зенькович пробыл около года. Присутствовал на диспутах, слушал выступления маститых ораторов — представителей различных политических взглядов, наблюдал за идейными разногласиями русских социал-демократов.

В 1902 г. в Женеве вышла его брошюра «Отправка студентов в Сибирь». Рукопись рекомендовал к изданию Г. В. Плеханов.

Но главными событиями его жизни в Швейцарии были работа в качестве наборщика в редакции «Искры» и встречи с В. И. Лениным. Молодому наборщику доверяли готовить для печати рукописи Владимира Ильича. Нередко он доставлял гранки на квартиру Ильича. Однажды Владимир Ильич пригласил его на семейный ужин. Гость был страшно смущен и безмерно счастлив. Беседа была первой, но далеко не последней. С большой теплотой относился вождь партии к рядовому печатнику, интересовался деятельностью молодого революционера, давал советы, к каким выступлениям прислушиваться на диспутах.

Каждая встреча с Лениным, Н. К. Крупской и другими «искровцами» была для него учебой. Он стал целеустремленнее изучать труды марксистов, с жадностью прочитал ленинскую работу «Что делать?» и проникся ленинской верой в народ, в партию.

В 1903 г., когда в России явственно чувствовалось приближение революционной грозы, В. А. Радус-Зенькович решил возвратиться на родину. Владимир Ильич сердечно напутствовал его, рассказал о предстоящей подпольной работе профессионала-революционера. Надежда Константиновна снабдила явками и шифрами. Тепло попрощавшись с товарищами, бывший студент выехал из Швейцарии.

В октябре того же года к руководителю Русского бюро ЦК РСДРП в Киеве Г. М. Кржижановскому пришел высокий молодой человек и спросил: «Трава зацвела?» Глеб Максимилианович улыбнулся: «Ну что же, товарищ Егор, в Николаеве нужны агитаторские кадры...» И объяснил: Николаев — крупный портовый и промышленный центр. На заводах трудятся рабочие

разных национальностей. Среди них ведут агитацию социал-демократические группы. Однако тон в этих группах задают, к сожалению, меньшевики. Задача — завоевать рабочую массу на сторону большевиков.

В. А. Радус-Зенькович окунулся в работу. За короткое время получившим подкрепление николаевским большевикам удалось наладить связь с крупными заводами, портом, организовать работу типографии, развернуть массовую агитацию, установить контакты с партийными организациями ряда крупных городов Украины. В результате активной деятельности Радуса-Зеньковича, прибывшего сюда на партийную работу В. П. Ногина и других Николаевский комитет РСДРП осудил раскольнические действия меньшевиков. Полиция выследила Радуса-Зеньковича и Ногина, и в начале 1905 г. оба попали в тюрьму. Через семь месяцев, в период наивысшего подъема всеобщей политической стачки, В. А. Радус-Зенькович вышел на волю.

Товарищи-партийцы ввели его в состав Николаевского партийного комитета; он по-прежнему выступал на собраниях, митингах, писал воззвания, прокламации; под его руководством был создан кружок передовых рабочих. Вместе с товарищами организовал рабочую милицию. В ноябре 1905 г. Радус-Зенькович стал одним из организаторов выступления трудящихся Николаева в поддержку железнодорожных рабочих и почтово-телеграфных служащих страны. Он участвовал в Совете рабочих депутатов, вел работу по созданию в Николаеве профсоюзов, налаживал выпуск газеты, доставал оружие.

В 1905 г. как делегат от Николаевской партийной организации В. А. Радус-Зенькович участвовал в Таммерфорской конференции РСДРП. Возвратившись в Николаев, он неоднократно выступал перед рабочими, разъяснял большевистскую тактику борьбы социал-демократии в революции.

Охранное отделение полиции продолжало охотиться за Радусом. Товарищ Егор уехал из Николаева.

Весной 1906 г. ЦК партии получил зашифрованное письмо Бакинского комитета РСДРП с просьбой направить в помощь азербайджанским большевикам двух опытных социал-демократов. Выбор пал на В. А. Радуса-Зеньковича и В. П. Ногина.

Баку являлся мощным очагом революционного движения на юге страны. На нефтяных промыслах и в морском порту трудилось около 70 тыс. рабочих тридцати национальностей и народностей. Нещадная эксплуатация сочеталась здесь с острой борьбой между национальными группами рабочих. Это устраивало предпринимателей и полицию.

В. А. Радус-Зенькович нашел работу, помогавшую ему добывать сведения о состоянии нефтепромыслов. По его информации комитет РСДРП принимал решения о предъявлении тех или иных требований промышленникам, намечал сроки забастовок.

Чтобы сплотить рабочих разных национальностей, прежде всего нужна была газета. В. А. Радус-Зенькович стал редактором «Бакинского рабочего», а после ее закрытия властями он возглавил выпуск легальной газеты «Призыв». При его активном участии возникла вторая подпольная типография, в которой печатались листовки, воззвания, прокламации. Многие из них составлял В. А. Радус-Зенькович. Товарищ Егор выступал на митингах и собраниях, где чаще всего обсуждался вопрос о ликвидации национальной вражды. На собраниях рабочих-азербайджанцев он терпеливо и настойчиво разъяснял ленинские принципы пролетарского интернационализма. Неизменным переводчиком был товарищ Азиз — М. А. Азизбеков.

Смелому агитатору Радусу-Зеньковичу удавалось проникать в военные казармы и вести революционную агитацию среди казаков.

Результаты деятельности бакинских большевиков были ощутимы: в 1905—1906 гг. прошли мощные демонстрации и стачки бакинских трудящихся. Сильный удар получила азербайджанская эсеровская организация, которая препятствовала совместным выступлениям азербайджанских, русских и армянских рабочих. В Баку и других городах Азербайджана бойкотировались выборы в Первую и Вторую Государственную думу. Был создан единый профессиональный союз нефтепромышленных рабочих на интернационалистской основе, вопреки стараниям меньшевиков организовать профсоюзы по узкоцеховому и национальному признакам. «Мы, большевики, гордились сознанием того, что сделали верный тактический шаг, идя единственно пра-

вильным путем к разрешению национального вопроса»,— говорил Виктор Алексеевич о борьбе за организацию профсоюза в Азербайджане [1].

После всеобщей забастовки в августе 1906 г. В. А. Радус-Зенькович не мог больше оставаться в Баку. Ему угрожал арест. Осень 1906 г. В. А. Радус встретил в Москве, будучи членом Московского комитета РСДРП, ответственным организатором Рогожского района, председателем Московского центрального бюро профсоюзов. Митинги, сходки, собрания, встречи с партийными и профсоюзными активистами, военное обучение рабочих... Приходилось действовать предельно смело и в то же время осторожно, соблюдая все правила конспирации.

В октябре 1906 г. полиция все же выследила и арестовала подпольщика. При обыске квартиры жандармы нашли нелегальную литературу и документы. Однако В. А. Радусу-Зеньковичу удалось «доказать» свою непричастность к находкам шпиков и тем самым избежать разоблачения. Дело ограничилось высылкой из Москвы за проживание по подложному паспорту. Вскоре как призывника его направили в Гельсингфорс для отбытия воинской повинности. Однако из-за болезни врачи освободили Виктора Алексеевича от военной службы.

В мае 1907 г. он снова вернулся в Москву на партийную работу, стал пропагандистом в одной из подпольных организаций социал-демократов и секретарем Московского комитета партии. Среди рабочих товарищ Егор пользовался большим авторитетом, и они не раз спасали его на сходках от полиции. Но уберечься все же не удалось, выдал провокатор. 14 июня 1908 г. судебная палата вынесла Радусу приговор: за участие в преступном деянии Московской организации РСДРП подвергнуть каторге на шесть лет с последующим поселением в Сибири. Закованный в кандалы, он отбывал каторгу в Москве, в Бутырской тюрьме.

Драконовский режим царского каземата был рассчитан на то, чтобы сломить волю узников. Виктор Алексеевич не позволял себе расслабляться. Он жил

[1] *Радус-Зенькович В. А.* Страницы героического прошлого, с. 27—28.

мыслями о будущем. За тюремной решеткой вспоминал высказывания Маркса, Гейне, Гете о том, что ни при каких обстоятельствах нельзя терять бодрости духа и уверенности в своих силах. В тюрьме иногда удавалось читать, когда заключенных заставляли работать в переплетной мастерской. По оплошности администрации каторжникам попадала даже марксистская литература.

Из тюрьмы он писал: «Потери чувства жизни нет. Есть жажда перемен».

Срок каторги у В. А. Радуса-Зеньковича истек летом 1913 г. Для дальнейшего отбытия наказания его отправили по этапу по знакомой уже дороге для поселения в Иркутской губернии.

Из-за нехватки медицинских кадров ссыльному В. А. Радусу-Зеньковичу предложили место врача на фарфоровой фабрике. Доктор лечил и тело, и душу больных. Вел занятия нелегального кружка, организованного ссыльными большевиками. На тайных сходках политических ссыльных отстаивал боевую ленинскую линию — превращения империалистической войны в войну гражданскую. Позже ссыльного перевели в Иркутск, где он, активно участвуя в борьбе с эпидемией тифа, ставил рискованные для себя медицинские эксперименты и завоевал большое уважение у больных и своих коллег-медиков.

В 1914 г. произошли важные события в личной жизни Виктора Алексеевича. К нему приехала невеста Анастасия Павловна Ермакова и стала его женой. В 1916 г. у них родился сын Алексей.

Срок ссылки Радуса-Зеньковича оборвала Февральская революция 1917 г. Он оказался на свободе, и весной 1917 г. его вновь призвали в действующую армию, но уже в качестве врача. Однако армейское начальство постаралось избавиться от «возмутителя спокойствия»— большевистского агитатора и дало согласие на его переезд в Саратов.

В. А. Радус-Зенькович становится одним из активных деятелей Саратовской организации большевиков. Его избирают членом первого Совета рабочих и солдатских депутатов, назначают редактором двух газет (ор-

гана РСДРП(б) и городского Совета)*. Он продолжает самоотверженно выступать на митингах и собраниях, входит в число самых популярных большевистских ораторов, пишет. Один из примеров борьбы за массы — завоевание больничных касс. В первые месяцы 1917 г. при поддержке меньшевиков и эсеров руководство кассами фактически оказалось в руках ставленников фабрикантов и заводчиков, ограничивших до минимума выплату пособий рабочим. Готовясь к социалистическому перевороту, большевики не могли оставить эти массовые организации трудящихся в руках соглашателей. При поддержке рабочих В. А. Радус-Зенькович был избран председателем правления Саратовской общегородской больничной кассы, а затем возглавил и Поволжскую страховую кассу.

После победы Великого Октября Виктора Алексеевича вызвали в Москву и назначили заведующим отделом соцстрахования Наркомата труда. 7 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал распоряжение о назначении бывшего подпольщика членом коллегии Наркомздрава, а 23 ноября 1918 г. он поставил свою подпись на удостоверении Радуса-Зеньковича — заместителя наркома труда.

«Прошло тринадцать лет, прежде чем я вновь увидел Владимира Ильича и получил возможность встречаться и советоваться с ним»,— вспоминал Виктор Алексеевич об этом времени. Вождь партии помог сформироваться журналисту-публицисту Радусу-Зеньковичу. Прочитав его тезисы о профсоюзах и организации Советской власти, Владимир Ильич сделал существенные замечания по их содержанию, подчеркнув односторонность тезисов и недостаточность критики теории «нейтральности профсоюзов»[1].

В 1919 г. В. А. Радуса-Зеньковича направили в Саратов уполномоченным ВЦИК и Комиссариата продо-

* Обе эти газеты были хорошо известны труженикам не только Среднего Поволжья, но и восточных районов Уральской губернии. Не случайно крестьяне этих мест неоднократно писали в газету. (См.: Коммунистическая партия Казахстана. Летопись событий. Алма-Ата, 1985, ч. 2, с. 34.)

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 403; Ленинский сборник XXIV, с. 105—107.

вольствия в Южном Поволжье. Его избирали членом губкома партии, председателем губисполкома и губревкома; кроме того, он редактировал саратовские «Известия рабочих и крестьянских депутатов».

В те дни Саратовская губерния находилась в опасном положении. С юга и юго-запада наступали донские белоказаки, с юго-востока — уральские. Контрреволюционные мятежники захватили один из уездов и рвались на соединение с войсками Деникина; бандитские отряды «зеленых» терроризировали деревенское население. Сибирь и Украина были отрезаны от центра, Приуралье и Заволжье стали ареной ожесточенных боев с колчаковцами и белоказаками. Только в начале июля 1919 г. В. И. Ленин послал три телеграммы на имя Радуса-Зеньковича и других саратовских руководителей, где ставил конкретные задачи на ближайшее будущее, требовал немедленных сообщений о практических результатах предпринятых действий по борьбе с кулачеством, белогвардейцами и белобандитами, организации бедноты, усилению политической работы и т. д.

Выполняя указания В. И. Ленина, Саратовский комитет РКП(б) срочно создал боевые отряды, действиями которых поручил руководить Радусу-Зеньковичу. Концентрация сил позволила разгромить банды «зеленых»: арестовать злостных кулаков, спекулянтов, самогонщиков, дезертиров; конфисковать много оружия. Среди крестьян широко проводилась разъяснительная работа, благодаря которой успешно прошла осенняя продразверстка. Саратов дал стране 212 миллионов пудов хлеба.

Ко второй годовщине Октябрьской революции В. А. Радус-Зенькович написал и опубликовал книжку «Два года власти рабочих и крестьян», обобщив в этом небольшом труде опыт работы органов Советской власти в Саратовской губернии.

А затем последовало назначение на пост председателя Революционного военного совета Второй Поволжской трудовой армии...

* * *

Во второй половине 1920 г. Радус-Зенькович был направлен на работу в Казахстан. ЦК РКП(б) рекомен-

довал его председателем областного бюро РКП(б) и председателем Кирревкома, осуществлявшего уже около года управление краем. Назначение состоялось почти одновременно с опубликованием декрета ВЦИК и СНК РСФСР о создании казахской советской государственности — Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики.

Новый председатель облбюро РКП(б) должен был сразу же включиться в напряженную работу... Спустя много лет Виктор Алексеевич скажет: «С особенной теплотой вспоминаю период своей работы в Казахстане. Сложные условия и трудности начального периода в жизни республики предъявляли особый запрос к организаторской работе. И это особенно роднило с работой и увлекало»[1].

Экономическая и культурная отсталость края, сохранявшийся антагонизм между казахским и русским населением — наследие политики царизма: длительная оторванность края от основных революционных центров страны, вызванная гражданской войной; сильное влияние баев в казахских аулах и кочевьях; только-только начинавшая пробуждаться классовая активность и организованность трудовых масс казахского населения; слабость Советов и засоренность их байской и кулацкой агентурой... В этих условиях предстояло подготовить Учредительный съезд Советов края и создать на его обширной территории областную партийную организацию. Буквально за несколько дней до открытия съезда 1 октября 1920 г. облбюро созвало Первое краевое партийное совещание, основные политические выводы, практические предложения которого сформулировал Радус-Зенькович. Позднее они вошли в циркуляр облбюро РКП(б) как руководство для всех партийных организаций республики.

Важнейшее значение для успеха съезда имел доклад Радуса-Зеньковича, разъяснявший основные принципы ленинской национальной политики и их применение в условиях Казахстана, а также его тщательная работа над проектами основных документов съезда, бе-

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 605, оп. 1, д. 53, л. 37.

седы с делегатами. Он последовательно выступал против тех, кто допускал уклон в сторону взглядов великодержавного шовинизма и местного национализма, кто пытался протащить в главные документы формулировки, сталкивавшие казахскую и русскую бедноту. Ряд поправок, вставок, дополнений внес он в проект «Декларации прав трудящихся Киргизской АССР»[1].

Съезд избрал ЦИК Казахской республики, на своем первом заседании республиканское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. А. Радусом-Зеньковичем. Одновременно он оставался на посту председателя областного бюро РКП(б).

Радус-Зенькович большое внимание уделял вопросам организации работы аппарата, повышения роли и авторитета облбюро РКП(б). Это было тем более важно, что некоторые работники губкомов и губисполкомов полностью не осознали значения областного бюро как партийно-политического центра республики, имели место случаи неподчинения. Настоятельно добиваясь исполнения постановлений облбюро, соблюдения партийной дисциплины, Радус-Зенькович обратился по этому вопросу и в ЦК партии с просьбой дополнительно разъяснить губкомам и другим партийным органам в Казахстане «все выводы из полноправного вхождения в состав автономной республики и подчеркнуть им необходимость своего подчинения партбюро по партийной линии и краевому центру по советской...»[2].

Одной из самых трудных для республики была проблема партийных и советских кадров. Их выдвижение, воспитание и распределение постоянно находилось в центре внимания Радуса-Зеньковича.

Виктор Алексеевич всеми силами старался сплотить руководящее ядро республики. Особенно тщательно облбюро рассматривало организационные, в частности, кадровые вопросы. Нормой стали откровенный разговор по поводу ошибок и упущений отдельных работников, защита честных, преданных делу коммунистов от необоснованных обвинений. Исключительно важным было закрепление кадров на своих местах. И по настоянию В. А. Радуса-Зеньковича секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский дал специальное указание орграс-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 53, л. 13.
[2] Там же, д. 44, л. 6.

предотделу ЦК не перемещать из Казахстана работников без ведома областного бюро РКП (б)[1].

Особое значение имело воспитание кадров в духе пролетарского интернационализма, борьба с имевшими место отклонениями как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону местного национализма.

Как писал В. А. Радус-Зенькович, один из старейших работников Кирревкома, казах по национальности, получил «достаточно сильное остережение», а русскому товарищу, упорно использовавшему в своей работе ошибочные приемы, «было предложено оставить пределы Казахстана, что и было точно выполнено»[2]. Документы облбюро содержат сведения и о других выступлениях Радуса-Зеньковича с критикой отдельных работников, механически переносивших в национальные районы формы, приемы работы, сложившиеся в областях Центральной России.

Виктор Алексеевич прекрасно понимал, что полагаться на имеющийся в республике кадровый потенциал — значит тормозить процесс развития края. Нужны новые силы, нужны национальные кадры. Их готовили через совпартшколы, курсы подготовки местных работников, систему стажировки начинающих работников казахской национальности в республиканских учреждениях. В губернские и уездные партийные комитеты был разослан «Опросный лист по вопросам партийной работы и вовлечения в партийную работу местного населения». Анализ полученных ответов использовался в практике подготовки новых кадров. Так, 30 января 1921 г. облбюро предложило всем укомам и райкомам «мобилизовать из беднейшей части киргиз молодых людей для партийно-советских школ и курсов», подчеркнув, что создание и подготовка партийных и советских работников считается «ударной задачей»[3]. В борьбе за новые кадры Радусу-Зеньковичу, всей пар-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 334, л. 103.

[2] Там же, ф. 605, оп. 1, д. 156, л. 3. Речь идет, видимо, о бывшем члене Кирревкома Б. Б. Каратаеве и сотруднике аппарата Кирревкома, бывшем эсере Т. И. Седельникове, которые втянулись в групповую борьбу и клеветали на честных коммунистов.

[3] Там же, ф. 17, оп. 13, д. 438, л. 114.

тийной организации Казахстана пришлось столкнуться с носителями оппортунистического неверия в массы, сдерживавшими выдвижение руководителей из народа, ссылкой на их недостаточное классовое самосознание и культурное развитие, грамотность и т. д. То же самое говорили эсеры и меньшевики о русских пролетариях. На жарких митингах в Саратове в 1917 г. ему не раз приходилось разоблачать меньшевиков и эсеров, доказывавших с пеной у рта, что русский пролетариат не подготовлен к управлению страной.

«Выходит так,— иронизировал Виктор Алексеевич,— пока казахи „не созреют", мы их не допустим к строительству социализма». «Революционная практика, самое активное участие в строительстве новой жизни — лучший учитель и воспитатель кадров» — эту ленинскую мысль постоянно пропагандировал Радус-Зенькович. Только в совместном труде и борьбе представителей всех национальностей, населяющих Казахстан, доказывал он, будет изжита национальная рознь, станет возможным политический и культурный подъем народных масс.

Спустя четыре с половиной десятилетия Радус-Зенькович писал: «Огромная работа проводилась партийной организацией по воспитанию и выращиванию кадров..., созданию атмосферы взаимопонимания и братского доверия между трудящимися республики... Мы прилагали все старания, чтобы вовлечь передовых людей степи, аулов в советскую работу»[1]. Отстаивать ленинские позиции пролетарского интернационализма ему помогали многолетний опыт революционера, вся его предшествующая жизнь. От отца он впервые услышал лозунг польских повстанцев «За нашу и вашу свободу!» В годы учебы много времени посвящал трудам Маркса, Энгельса, Ленина, встречался с профессиональными революционерами разных национальностей. Подпольная работа как в центре России, так и в национальных районах... В борьбе с самодержавием он глубоко осознал, что объединение пролетариев, говорящих на разных языках, но имеющих единую революционную идеологию,— это непременное условие победы над эксплуататорами.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 185, л. 6, 14.

Большое значение укреплению партийных и советских организаций Казахстана придавал ЦК РКП(б). Во второй половине 1920 г. в республику приехали около ста опытных работников, среди которых были выпускники коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.

После образования Казахской АССР массово-политическая работа партии приняла еще более широкие масштабы. Особое значение имела кампания перевыборов Советов, проходившая в декабре 1920 — январе 1921 гг. За месяц до ее начала Радус-Зенькович написал брошюру «Советская власть есть власть трудящихся». В самой доступной форме он разъяснял сущность Советской власти, призывал бороться с кулачеством — злейшим врагом как русского, так и казахского трудового народа. Подрыв влияния кулачества, игравшего заметную роль в колониальной политике царизма, являлся одним из важнейших условий проведения экономических и политических преобразований в крае. Автор доказывал необходимость избирать в Советы активистов, способных на деле вести борьбу за интересы трудового народа. Брошюра была в высшей степени актуальной, что подтверждали многочисленные факты. Так, из Ак-Булакского района Оренбургско-Тургайской губернии сообщалось, что среди крестьянства наблюдается сочувствие коммунистам, а среди бедняков-киргизов «имеется почва для коммунизма», однако, правильному выражению этих симпатий на выборах мешает сильно развитый «талас»* и в Советы приходят богатеи [1].

Одновременно с этой брошюрой В. А. Радус-Зенькович подготовил инструктивное «Письмо к советским организациям молодой Киргизской Советской республики», в котором подчеркивалась кардинальная задача советских органов сообщить народным массам Казахстана взгляд на Советскую власть как на свою родную власть и привлечь их к широкому сознательному участию в строительстве социализма [2].

---

* Спор, конфликт.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 254, л. 5.

[2] См.: *Булацкий В. Г.* В. А. Радус-Зенькович — революционер, публицист. Минск, 1980, с. 91.

Ленинская программа политических, социально-экономических, культурных преобразований национальных районов России включала целый ряд крупнейших мероприятий, рассчитанных на перспективу. Радус-Зенькович участвовал в подготовке проекта первого республиканского бюджета Казахстана. Он занимался и земельной реформой, ликвидировавшей последствия колониальной политики царизма в Казахстане. Коренному населению были возвращены земли, отчужденные царскими властями в пользу оренбургского, уральского, сибирского и семиреченского казачества, отведенные помещикам, капиталистам, монастырям и т. д. Казахский народ получил несколько миллионов гектаров земли, тысячи трудовых казахских хозяйств сбросили с себя кабальную зависимость от русского кулачества.

Реформа позволила быстрее решать и самые насущные задачи восстановления хозяйства, разоренного гражданской войной.

Выполняя постановления VIII съезда Советов РСФСР и X съезда РКП(б), областное бюро РКП(б), правительство Казахстана принимали все возможные меры для оживления в крае хозяйственной, экономической деятельности. В декабре 1920 г. облбюро утвердило подготовленный В. А. Радусом-Зеньковичем проект постановления Совнаркома республики «Об образовании руководящего экономического аппарата в республике»[1]. По инициативе Радуса-Зеньковича специальная комиссия республиканского статистического управления провела в крае выборочное статистическое обследование состояния сельского хозяйства и его специфических особенностей, расслоения сельского населения. В отчетном документе говорилось о катастрофическом падении скотоводства, одной из причин которого явилось обезземеливание скотоводческих хозяйств, указывалось, что дальнейшее развитие сельского хозяйства в крае будет полностью зависеть от политики Советской власти.

Виктор Алексеевич тщательно проверил достоверность собранных данных, отметил научный характер работы, ее практическую значимость для организации помощи скотоводам, земледельцам республики, органи-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 246, л. 26.

зации бедноты и борьбы с эксплуататорским элементом.

За короткий срок работы в Казахстане Виктору Алексеевичу удалось укрепить хозяйственные связи Казахстана с центральными районами страны. С его участием в начале января 1921 г. в Москве решался вопрос о направлении в Сибирь и Казахстан десятков тысяч переселенцев из пострадавших от голода и разорения центральных губерний России. Их надо было обеспечить землей, помочь устроиться на новом месте и развернуть среди них идейно-политическую работу.

В январе 1921 г. последовало постановление СНК РСФСР о закупке в Казахстане и других восточных районах страны лошадей для нужд центральных губерний в связи с тем, что в период гражданской войны в стране резко сократилось конское поголовье, что крайне отрицательно сказывалось на экономике деревни.

С первых шагов работы в Казахской республике В. А. Радусу-Зеньковичу пришлось преодолевать недоверие к Центральной власти, местничество, осложнявшееся националистическими настроениями. Приходилось вести острую полемику с группой работников, которые представляли республику как замкнутую в хозяйственном и политическом отношении единицу. Настаивая на обязательном исполнении партийных и государственных решений Центра, Виктор Алексеевич помогал местным руководителям вдумываться в содержание декретов правительства РСФСР, найти способы их применения в местных условиях, готовил дополнительные инструкции и указания о проведении в жизнь декретов Советской власти, учитывающие местные условия. Все они вошли в декрет ЦИК Казахской республики о порядке соблюдения законов и постановлений Российской Федерации, основным автором которого был В. А. Радус-Зенькович.

В марте 1921 г. казахский край захлестнула еще одна чрезвычайная кампания — заготовка кормов, обеспечение скота сеном и фуражом. Чтобы ослабить надвигавшийся фуражный голод, облбюро приняло постановление о срочном перераспределении и учете фуража

в республике [1]. Эта мера означала новую острую схватку с кулачеством и байскими элементами, скрывавшими и сено, и фураж в целях спекуляции и эксплуатации русской и казахской бедноты.

При самом активном участии В. А. Радуса-Зеньковича проходило административно-территориальное строительство, уточнение границ республики. По решению СНК РСФСР и ЦК партии в состав Казахстана были включены в апреле того же года Семипалатинская и большая часть Акмолинской губернии, населенные казахами. Внутри республики создавались хозяйственно однородные районы, улучшалась их связь с республиканским центром и т. д.

С именем В. А. Радуса-Зеньковича связаны и другие важные преобразования. Декретом Совнаркома Киргреспублики было введено равноправие русского и казахского языков на территории края — мера, вытекающая из принципиальных положений ленинской национальной политики. Были выпущены законодательные акты, направленные на устранение наиболее злостных пережитков патриархально-феодального быта — об отмене «калыма» (выкупа за невесту), о запрещении «куна» (материальной компенсации за убитого), многоженства и др. Этими актами Советская власть оказывала правовую поддержку развертывавшемуся движению за раскрепощение женщины и приобщение ее к общественной и государственной жизни.

В деятельности партийной организации, государственных органов республики огромную роль играла устная пропаганда и агитация, поскольку подавляющее большинство казахского населения и значительная часть русского было неграмотно. Но не хватало переводчиков, трудно было с типографским шрифтом, очень мало — профессиональных печатников. Радус-Зенькович — опытный публицист и пропагандист — приложил много труда, чтобы постепенно преодолеть эти препятствия. В документах областного бюро РКП(б) его имя часто встречается там, где речь идет о пропаганде и агитации: «Поручить т. Радусу-Зеньковичу разработать лекции в области политической работы», «Утвердить т. Радуса-Зеньковича от Кирбюро в

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 438, л. 126 об.

Госиздательстве», «Предложить т. Радусу-Зеньковичу... представить в трехдневный срок свои соображения о планах агитпропработы и плане издательской деятельности в краевом масштабе», «Поручается т. Зеньковичу доклад о соцстроительстве», «тт. Радус-Зенькович, Анохин... утверждаются членами редколлегии журнала Кирпартбюро „Партизвестия"» и т. д.[1].

Необходимым инструментом доведения до масс постановлений партии и правительства, информации о жизни страны были в тот период стенные газеты РОСТА, выпускавшиеся в ряде городов и крупных населенных пунктов Казахстана. Но в связи с проходившей по всей стране реформой печати, переводом многих печатных изданий на хозяйственный расчет и острой нехваткой бумаги многие из них были закрыты. Радус-Зенькович срочно телеграфировал: «Закрытие газет поведет к полному прекращению связи. Прошу не распространять постановление комиссии о закрытии газет на территорию Кирреспублики»[2]. Газета действительно подчас была единственным руководящим пособием для местных работников. Просьбу Радуса-Зеньковича учли.

Большое внимание уделял В. А. Радус-Зенькович работе с молодежью, всегда стремился помочь комсомолу Казахстана. «Как всюду,— писал он в своих тезисах 1921 г.,— должна быть работа среди молодежи... более живой и менее связанной косностью и пережитками, особенно среди молодежи пролетарской и бедняцкой как основного резерва наших сил для партийно-советской работы. Внимание к молодежи в соответствии с решениями X съезда РКП(б) должно быть поставлено в поле внимания краевой и местной организаций»[3]. С особым вниманием он прислушивался к выступлениям комсомольских вожаков, шел навстречу их просьбам. В то же время он сам сознавал и писал об этом в ЦК партии, что в целом для комсомольцев республики в тот период мало удалось сделать.

Круг обязанностей В. А. Радуса-Зеньковича был

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф, 17, оп. 12, д. 254, л. 5; д. 246, л. 11, 25; оп. 13, д. 438, л. 17 об.— 19 и др.
[2] Там же, ф. 17, оп. 13, д. 439, л. 69—70 об.
[3] Там же, д. 437, л. 34 об.

очень широк. Он анализировал отчетные материалы губернских комитетов, выезжал в районы, беседовал с сотнями людей, разрабатывал постановления облбюро и Совнаркома республики, вел заседания и редактировал областную газету, писал статьи, постоянно выступал с лекциями и докладами.

В конце одного из своих писем в ЦК РКП(б) он признавался: «...порой изнемогаю, доходя до самой крайней точки утомления, когда не могу прочесть порой строку в газете». Но последняя фраза в этом письме все-таки звучит оптимистично: «А работать здесь можно и хорошо работать!»[1].

Все трудности этого периода с Радусом-Зеньковичем разделяли А. Д. Авдеев, А. А. Айтиев, С. Д. Арганчеев, А. Т. Джангильдин, Г. А. Коростелев, М. М. Костеловская, С. М. Мендешев, М. М. Мурзагалиев, С. Сейфуллин и другие руководители республики.

Важнейшими задачами облбюро РКП(б) после образования казахской автономии были создание республиканской партийной организации и проведение конференции, избрание областного комитета партии. Работу эту продолжил новый состав областного бюро РКП(б), возглавляемый Радусом-Зеньковичем.

Незадолго до конференции В. А. Радус-Зенькович побывал в Москве. Для оказания помощи областному бюро в подготовке к ней ЦК партии направил в Казахстан группу партийных работников во главе с Е. М. Ярославским. В основу работы конференции легли тезисы об очередных задачах партии в Казахской АССР, подготовленные Радусом-Зеньковичем, и его доклад от имени облбюро РКП(б), в которых подчеркивалась необходимость классового подхода в решении национального вопроса, выдвижение на первый план интересов рабочего класса, деревенской бедноты независимо от национальной принадлежности. В этих документах указывалась первоочередная задача — ликвидация последствий колониальной политики царизма. Основные положения тезисов и доклада вошли в решения конференции, определившие деятельность парторганизации Казахстана на ближайший период.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 44, л. 3—6 об.

Самому Виктору Алексеевичу уже не пришлось участвовать в работе по реализации решений партийной конференции. Он тяжело заболел тропической малярией, и в октябре 1921 г. ЦК РКП(б) отозвал его в Москву.

...До конца своих дней Виктор Алексеевич с живейшим интересом наблюдал за экономическим и культурным ростом Казахстана. С 1930 г. по просьбе руководителей республики он выступает в печати с воспоминаниями о создании казахской автономии и республиканской партийной организации. В послевоенный период, особенно во второй половине 50-х годов, Радус-Зенькович вновь обращается к своему «казахскому прошлому», дополняя воспоминания сведениями из документов, газетных и журнальных публикаций, зачастую сохранившихся в единичных экземплярах. Стимулом к этому послужили активизация и повышение научного уровня исторических исследований во всей стране, и в частности, в Казахстане, повышение уровня общеметодологической и источниковедческой вооруженности исследований, пытливое внимание историков ко всем деталям процесса, ко всем участникам событий. Радус-Зенькович переписывался с руководством Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана, Академии наук КАССР, с историками Н. С. Гороходатским, Г. Ф. Дахшлейгером, П. М. Пахмурным, М. С. Сапаргалиевым и другими учеными.

Обращаясь к Радусу-Зеньковичу за помощью, Институт истории партии при ЦК КП Казахстана в октябре 1956 г. подчеркивал: «...Хотим как можно более подробно осветить роль Центрального Комитета РКП(б) и В. И. Ленина в подготовке и создании Казахской АССР. Это тем более важно, что данный вопрос до сих пор не нашел правильного освещения»[1].

Исходя из анализа имевшихся к тому времени в Казахстане историко-партийных публикаций, а также присылавшихся ему рукописей, Виктор Алексеевич обращает внимание прежде всего на недостаточное внимание к деятельности назначенного Центральным Комитетом партии областного бюро РКП(б), подчеркивая, что это бюро и было в тот период основным инструментом

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 53, л. 17.

влияния ЦК партии на всю партийно-политическую, партийно-организационную и советскую работу в Казахстане, проведения в жизнь указаний Ленина, ЦК партии, Советского правительства [1]. Он называет целый ряд важных документов, опубликованных областным бюро в 1920—1921 гг., и советует поместить их в документальных сборниках, готовившихся к выпуску в свет.

В. А. Радус-Зенькович, свидетель и участник многих крупных событий, помогал исследователям лучше ориентироваться в изучаемых ими проблемах, более точно воспроизводить подлинные события периода 1920—1921 гг. в общественной жизни Казахстана.

Радус-Зенькович получал письма с просьбой рассказать о том или другом участнике партийного и советского строительства в Казахстане. Так, отвечая на письмо П. М. Пахмурного в 1960 г., Виктор Алексеевич вспоминает А. Т. Джангильдина: «...Я считал и считаю его верным сыном казахского народа в лучшем, прогрессивном смысле этого слова»[2]. «...К сожалению, больше по рассказам (и то в очень общем виде) я знал о деятельности т. Джангильдина в первый период до организации Казахской автономной республики, в период трудной и ожесточенной борьбы за Советскую власть.

---

[1] Давая в целом правильную оценку роли Кирпартбюро, Радус-Зенькович допускал неточность в его названии, а также в определении его положения среди других областных и региональных бюро. Судя по сохранившимся в архиве записям, он отождествлял Кирпартбюро с такими партийными органами, как Кавказское, Туркестанское, Сибирское бюро ЦК РКП (б), созданными в то же время. Однако ЦК партии проводил определенные функциональные различия между ними. В Отчете ЦК РКП(б) за время от IX съезда по 15 сентября 1920 г. говорится: «Согласно постановлению IX съезда, ЦК организовал несколько областных бюро ЦК. Таковы: Сибирское, Кавказское, Туркестанское, Уральское... Кроме того, не на правах бюро ЦК, а на правах областных партийных комитетов существуют назначенные ЦК Дальневосточное бюро (Дальбюро) и Киргизское бюро РКП» (Известия ЦК РКП(б), № 22, 18 сентября, 1920 г., с. 4)

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 53, л. 33

Т. Джангильдин отличался в этой борьбе проявлением большой инициативы и организаторским уменьем.

Сам т. Джангильдин по своей скромности не баловал нас рассказами о былом. За время совместной работы с т. Джангильдиным он вспоминается мне как честный и правдивый член Коммунистической партии, ответственно относившийся к порученной ему работе.

Т. Джангильдина мы направили на съезд трудящихся стран Востока в Баку и поручили ему поддерживать связь с образованным этим съездом комитетом.

По общей политической подготовке т. Джангильдин являлся действительным интернационалистом, умело отстаивавшим свои взгляды в борьбе с проявлениями национального шовинизма как со стороны казахских, так и со стороны русских работников.

Т. Джангильдин являлся членом КирЦИКа и Кирпартбюро... РКП(б). В своей работе по организации Советской Казахской республики т. Джангильдин являлся надежным помощником»[1].

Одной из важных сторон в работе В. А. Радуса-Зеньковича-историка являлась помощь источниковедам в текстологическом анализе документов. Например, в декабре 1952 г. Президиум Академии наук Казахской ССР просил его оказать содействие в определении подлинности текста «Декларации прав трудящихся КАССР», принятой Первым съездом Советов Казахстана. Виктор Алексеевич просмотрел имевшиеся у него архивные документы, черновые записи, сопоставил их с публикациями 1920 г. и через четыре дня дал точный ответ.

Много времени Радус-Зенькович уделял рецензированию присылаемых статей, сборников документов, посылал авторам сохранившиеся копии важных документов, редкие фотографии и другие материалы.

В отзывах на рукописи он всегда глубоко анализировал правильность и последовательность излагаемых фактов и событий, подсказывал, что упущено в содержании, восставал против небрежности в оформлении текстов и вольного обращения с источниками. Так, в 1960 г. он делает резкие замечания по содержанию

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 185, л. 16.

двух брошюр С. Б. Жантуарова[1] и порицает автора за публикацию неправильных сведений о численном составе делегатов-коммунистов на Учредительном съезде Советов Казахстана и нарочитое преувеличение роли отдельных лиц в организации и проведении съезда. О монографии М. Сапаргалиева «История народных судов Казахстана (1917—1965 гг.)» критик, напротив, писал: «С большим интересом ознакомился с работой... В книге прослеживаются все основные этапы борьбы за осуществление национальной политики нашей партии... Не могу в заключение не писать о том, что, когда читаю книгу... передо мной развертывается та картина, которую я своими глазами видел в тот период...»[2]

Виктору Алексеевичу Радусу-Зеньковичу историки Казахстана неоднократно выражали благодарность в предисловиях к печатным трудам, посылали благодарственные письма и приглашения на юбилеи республики и Компартии Казахстана.

Жесточайшая нехватка кадров в первые годы Советской власти, малочисленность среди них опытных требовали частого перемещения руководящих работников.

После Казахстана (1921—1922 гг.) Радус-Зенькович работал уполномоченным правления Центрсоюза, помощником прокурора РСФСР. Вместе с Н. К. Крупской, В. В. Куйбышевым, Г. К. Орджоникидзе и другими известными ленинцами входил в первый состав ЦКК — РКИ.

В 1925 г. пленум ЦКК КП(б) Белоруссии единодушно избрал В. А. Радуса-Зеньковича председателем ЦКК, а СНК БССР назначил его наркомом Рабоче-крестьянской инспекции Белоруссии.

В 1927—1937 гг. старого большевика, имевшего за плечами огромный опыт руководителя, назначают на пост наркома РКИ ССР, заместителя наркома труда РСФСР, а затем он становится председателем ЦК профсоюза работников связи; в 1938 г. переходит в Наркомпрос в качестве начальника музейно-краеведческого управления.

---

[1] *Жантуаров С. Б.* С оружием в руках. М., 1950; Жигиты илекты. Чкалов, 1951.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 65, л. 4—7.

И всюду, где бы ни трудился В. А. Радус-Зенькович, он упорно и добросовестно вникал в дело. Заслуженный коммунист избирался делегатом XIII—XXII съездов партии. Всегда и везде, в малом и большом В. А. Радус-Зенькович отстаивал генеральную линию партии, боролся за сплоченность ее рядов. Работать умел по 18 часов в сутки, отвергал до аскетизма заботу о своем благоустройстве. В общении был прост и ровен. Клинообразная бородка, густые усы, русые, седеющие волосы, внимательные светлые глаза. Одевался скромно, но аккуратно. Он казался сухим и суровым человеком, но, когда его узнавали ближе, уважали за эрудицию, деликатность и справедливую требовательность, любили и брали с него пример.

Однажды ему пришлось разговаривать с делегацией французских рабочих. Интеллигентность советского собеседника, хорошая осведомленность и достаточно свободное объяснение по-французски ввели иностранных гостей в заблуждение. Они решили, что беседуют с бывшим графом или князем. А когда узнали, что в послужном списке «графа-князя» числится девять лет тюрьмы, шесть лет каторги, бегство из ссылки, работа в типографии «Искры» и личное знакомство с Лениным, один из французских рабочих чуть не прослезился и в порыве чувств бросился обнимать Виктора Алексеевича.

За многие годы работы в партии В. А. Радус-Зенькович не раз встречался с В. И. Лениным, получал от него новые задания, вместе со всем народом тяжело пережил смерть вождя. Написал о нем воспоминания. В 60-х годах читатели и коллеги упрекали Виктора Алексеевича за их краткость, за то, что он так близко знал Ленина и не передал подробности встреч и бесед с ним. Автор мемуаров четко и категорично ответил: он не имеет права излагать иначе, о вожде мирового пролетариата надо писать, взвешивая каждое слово, каждую букву, выпячивать свое знакомство с Лениным — это нескромно и не имеет никакого значения для истории.

В феврале 1940 г. В. А. Радус-Зенькович пришел на работу в Центральный партийный архив Института Маркса—Энгельса—Ленина (с 1953 г.— Институт марксизма-ленинизма) в качестве заведующего секцией документов Маркса—Энгельса. В его обязанности входило собирать, хранить, изучать и пропагандировать до-

кументальное наследие основоположников марксизма-ленинизма.

Научно-исследовательская обработка документов классиков требовала широкой эрудиции, хорошего знания иностранных языков, глубоких теоретических и общеисторических знаний, а также особой подготовки исследователя. В письмах этого периода он писал, что работа у него очень ответственная и интересная, работает он с удовольствием. Заведующий секцией изучает и публикует материалы о Союзе коммунистов, о ранее неизвестных письмах Ф. Энгельса, о доставке в Россию революционной литературы. Попутно много и усидчиво трудится над источниками по истории ВКП(б).

Несмотря на то, что сам являлся живой историей партии и в свое время с позиций практических интересов революционера изучал работы Ленина, он снова и снова конспектировал ленинские работы, чтобы выступать на семинарах, конференциях, партийных собраниях.

Наряду с серьезной научно-исследовательской работой В. А. Радус-Зенькович вел большую общественно-политическую: выступал со статьями и докладами об Октябрьской революции, о деятельности В. И. Ленина, избирался секретарем партийной организации Центрального партийного архива.

В годы Великой Отечественной войны Виктор Алексеевич выполнял важное поручение ЦК партии. Вместе с отдельными сотрудниками Института марксизма-ленинизма сохранял документы классиков марксизма-ленинизма и Коммунистической партии, эвакуированные в глубь страны, а после возвращения документальных материалов в Москву некоторое время находился в распоряжении Главного политического управления Советской Армии на очень ответственной работе — по ведению военно-политической и контрпропаганды среди войск и населения противника. Группа квалифицированных переводчиков, в составе которой был Виктор Алексеевич, изучала официальные материалы противника, письма и дневники оккупантов, попавших в плен. Каждые пять дней составлялись сводки, отражавшие состояние вражеской армии и ее тыла в разные периоды войны. Старый коммунист В. А. Радус-Зенькович

назвал эту работу «уточнением лица немецкого фашизма».

Сведения, полученные при переводе трофейных документов, широко использовались в сводках Совинформбюро, в прессе. На основе этих материалов были изданы книги «Разгром немецких войск под Москвой (Признания врага)», «Разгром немцев под Сталинградом (Признания врага)» и другие, которые были серьезным подспорьем для ведения контрпропаганды [1].

Мечтал В. А. Радус-Зенькович организовать Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Он готовил планы будущих экспозиций залов, хлопотал по поводу ускорения подготовительных работ для его открытия. В 1961 г. музей открылся. В Центральном партийном архиве и сегодня работают сотрудники, которые трудились под руководством Виктора Алексеевича. «Он был для нас живой связью с Лениным. Мы благоговели перед ним, и каждый считал для себя честью, когда Виктор Алексеевич беседовал с ним. Работать под его руководством было легко и сложно: легко — потому что он пестовал молодые кадры, всегда приходил на помощь; трудно — потому что были высоки требования к работе»,— вспоминают они.

В 1954 г. в связи с 50-летием общественно-политической деятельности правительство наградило В. А. Радуса-Зеньковича орденом Ленина. Это было признание заслуг ветерана партии в борьбе за осуществление ленинских идей.

В 1956 г. в возрасте 78 лет Виктор Алексеевич ушел на заслуженный отдых. Но отдых был относительным, потому что в душе бойца-ленинца продолжала жить большевистская неугомонность. Его квартира уподобилась штабу, куда стекались сведения от учителей и детей об организации в школах, техникумах, дворцах и лагерях пионеров, ленинских музеев, комнат и уголков.

Виктор Алексеевич поставил целью знакомить ребят с деятельностью вождя революции и его заветами, показать В. И. Ленина как гениального революционера и как человека, чьи качества должны быть примером для советских граждан. Из штаба квартиры во многие кон-

[1] Вопросы истории КПСС, 1985, № 5, с 77.

цы страны шли письма-рекомендации, письма-советы, как лучше собрать материал и организовать постоянную выставку или ленинский музей. А однажды в Дом пионеров и школьников города Ростова Ярославской области пришел денежный перевод на 11 тыс. рублей: Виктор Алексеевич передал гонорар за книгу-воспоминания «Страницы героического прошлого», которую посвятил молодому поколению.

Дома его навещали школьники, учителя и пионерские вожатые. Здесь они могли встретиться с журналистами, писателями, историками из Алма-Аты. Радус-Зенькович не забывал и место своей последней работы, интересовался новыми изданиями Института марксизма-ленинизма, переписывался с учеными, участвующими в подготовке к печати рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, доктор математических наук К. А. Рыбников, работавший над «Математическими рукописями» К. Маркса, советовался с Виктором Алексеевичем, самым серьезным образом учитывал его замечания: «Я храню Ваше последнее письмо. На него можно отвечать только делами. Иначе — нельзя. Стараюсь это выполнять, как положено коммунисту»[1].

Поздравляя Виктора Алексеевича с Новым 1967 годом, последним годом жизни старого большевика-ленинца, К. А. Рыбников писал ему: «Находясь за рубежом, в Париже, где я работаю в ЮНЕСКО, мы часто вспоминаем о Вас и учимся у Вас жить и бороться»[2]. Под такими строчками поставил бы свою подпись каждый из тех, кто знал неутомимого революционера, отдавшего всего себя делу служения Коммунистической партии и трудовому народу.

Умер Виктор Алексеевич Радус-Зенькович 4 октября в возрасте около 90 лет.

После неутомимого борца-коммуниста переписку с его корреспондентами продолжали Анастасия Павловна Радус-Зенькович — жена, друг, горячо любимый спутник всей его жизни с 1914 г., сын — генерал-лейтенант танковых войск Алексей Викторович Радус-Зенькович.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 605, оп. 1, д. 62, л. 4.
[2] Там же, л. 18.

Петрокок-дорога жизни

5 августа 1920 г. Совнарком РСФСР постановил начать строительство новой срочной продовольственной железнодорожной линии Петропавловск — Кокчетав. В тот же день в Кремле В. И. Ленин принял техника путей сообщения Ивана Антоновича Томчука и вручил ему мандат заведующего строительством.

Во исполнение постановления Совнаркома РСФСР Сибирский комитет Государственных Сооружений (Сибкомгоссоор), находившийся в Омске, издал 6 августа 1920 г. специальный приказ и приступил к формированию управления строительством. Первым заместителем заведующего и главным комиссаром стройки был назначен Леонид Иванович Ильин, заместителем по технической части и главным инженером управления — Борис Платонович Рожанский. Сооружение в степях Приишимья железнодорожной ветки Петропавловск — Кокчетав, или, как ее вскоре стали называть Петрокок, было вызвано стремлением максимально ускорить решение все обострявшейся продовольственной проблемы.

В условиях кровопролитной войны с внутренними и внешними врагами молодая республика Советов прилагала все силы, чтобы вырваться из тисков голода и хозяйственной разрухи. «Решить задачу снабжения населения хлебом в гро-

мадной стране с худыми средствами сообщения, с разъединенным крестьянством,— говорил В. И. Ленин,— было неимоверно трудно... не было ни одной задачи, над которой бы так упорно работала Советская власть, как над этой задачей»[1].

Освобождение Южного Урала и Западной Сибири от белогвардейщины обещало улучшить снабжение хлебом голодающего центра страны, Красной Армии. В августе 1919 г. В. И. Ленин писал, что основным условием победы над силами контрреволюции и «в основе всего строительства социализма лежит теперь продовольственный вопрос»[2]. Сибирский хлеб срочно нужен был измученным долгой войной и голодом рабочим Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска. ВЦИК и Совнарком обратились к трудящимся Зауралья и Сибири с призывом помочь хлебом рабочим и крестьянам Центральной России. В ответ на этот призыв местные органы власти телеграфировали В. И. Ленину: «Сибирь выполнит свой долг перед революцией и поможет голодающему центру»[3].

Как только советские войска дошли до Сибири, с мандатом Совета Обороны, подписанным В. И. Лениным, туда выехал руководитель продовольственной работы, заместитель наркомпрода Н. П. Брюханов. Объехав только что освобожденный от колчаковцев район Курган — Макушино — Петропавловск, он сообщил в Москву, что Красная Армия отбила у Колчака большое количество продовольствия, заготовленного белыми в этом районе.

Территория к востоку от Кургана долгое время находилась в сфере военных действий. Н. П. Брюханов отмечал, что на всем пространстве от Тобола до Ишима «...около четверти хлеба осталось на корню, половина осталась в поле в снопах и кучах» и что из-за отсутствия рабочих рук и тягловой силы уборка урожая представляет неимоверные трудности.

Указания В. И. Ленина, проникнутые беспокойством и заботой о людях, звучали в Западной Сибири как боевой клич, поднимали большевиков, передовые слои

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 63.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 167.
[3] ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 472, л. 46.

трудящихся на борьбу за хлеб. Напряженная работа по сбору продовольственной разверстки дала хорошие результаты. Многие уезды Екатеринбургской, Акмолинской и других губерний успешно выполняли и перевыполняли ленинское задание.

Однако в 1920 г. самые хлебородные губернии Европейской России постиг неурожай. Еще больше в стране обострился продовольственный вопрос. В Омск, Челябинск, Петропавловск, Кокчетав одна за другой шли ленинские телеграммы с требованием ускорить поставки хлеба.

Местные партийные и советские органы, ревкомы, уполномоченные наркомпрода делали все, чтобы лучшим образом выполнить директивы вождя об усилении отправки хлеба по железным дорогам. Этому виду транспорта В. И. Ленин придавал первостепенное значение. «Сейчас железнодорожный транспорт висит на волоске,— говорил Владимир Ильич в феврале 1920 г.— Если поезда станут — это явится гибелью пролетарских центров. Необходимы героические усилия рабочих масс, чтобы поддержать транспорт и облегчить борьбу с голодом и холодом»[1].

В короткие сроки требовалось построить железнодорожную линию Петропавловск — Кокчетав. Ильин не раз бывал в Петропавловске и знал: квалифицированных строителей там нет; материалов и оборудования — тоже. Все нужно было начинать с нуля. А зима была уже не за горами.

Три недели, прошедшие со дня издания приказа о формировании управления «Петрококчестрой», Ильин и Рожанский ходили по кабинетам многочисленных управлений Сибсовнархоза, Сибкомгоссоора, Сибревкома, Сибопса и Управления Омской железной дороги, телеграфировали, звонили... И в Петропавловск по пыльным проселочным трактам к акмолинскому большаку потянулись подводы с инвентарем, повозки с инструментом и материалами. Ехали люди... В конце августа из Омска в Петропавловск выехал небольшой коллектив управления стройки.

Работы по укладке пути начались в середине сентября 1920 г. незначительными силами самого управ-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 111—112.

ления. Со второй половины сентября развернулись земляные работы на участке Петропавловск — Алексеевка (150 верст). Работы производились исключительно мобилизованным местным населением.

...Уныло выглядит степь в осеннюю непогоду. В такие дни Ильину часто приходилось проезжать вдоль трассы строительства. По вязкой раскисшей дороге лошади с трудом тянули его рессору. И он, подняв башлык брезентового плаща, коротал дорогу в раздумьях. Ему шел 32-й год, но выглядел он намного старше. Наверное, потому, что жизнь его никогда не баловала. Полуголодное детство оборвалось, когда пришло известие, что в далекой Маньчжурии отец сложил голову за веру, царя и Отечество. После окончания Омского технического училища Л. И. Ильин работал в Барабинске десятником, техником дистанции, дорожным мастером. В армии служил на телеграфе, заведовал радиотелеграфной станцией. В 1916 г. Ильин вступил в партию; после демобилизации вернулся в Омск, где работал и техником, и начальником дистанции на строительстве Южно-Сибирской дороги. И вот с августа 1920 г.— на «Петрококчестрое».

Ильин весь жил стройкой, ее делами, заботами. Не хватало людей, необходимы были десятки тысяч рельсов, шпал, болтов, накладок... Да мало ли? Достать, изыскать, организовать — Ильин постоянно чувствовал ответственность за все, что делалось на многоверстной трассе. Это чувство и гнало его в непогоду туда, где решались дела.

...Холодильник, так называлась окраина станции, походил на растревоженный улей; с рассвета, когда над станцией поднималось неяркое осеннее солнце, и до поздних сумерек на широкой площадке сотни людей копали, устанавливали, переделывали. Тачками, на пароконных бричках, ходках, телегах подвозили материалы, сгружали, перетаскивали, спешили, подгоняя друг друга. Не все ладилось, не все получалось так, как планировалось. Но с каждым днем работа продвигалась. Выгруженные шпалы укладывались в штабеля, материалы верхнего строения собирали в одно место, сортировали круглый лес, доски.

Люди жили и работали в невероятно трудных условиях. Состоявшееся 3 декабря 1920 г. в управлении

строительства под председательством Л. И. Ильина специальное совещание с участием представителей местных партийных и советских органов отмечало, что должны быть приняты безотлагательные меры для создания материальных, бытовых условий строителей. Было решено:

а) в целях увеличения площади помещений для рабочих на Холодильнике управлению стройки предложить немедленно выселить из его помещений всех членов семей, расселив их по деревням, близлежащим к линии постройки дороги, организовав доставку для них продовольствия;

б) одновременно войти с ходатайством в местный исполком об отпуске, хотя бы взаимообразно, материалов, необходимых для ремонта помещений Холодильника, а также об отпуске через отдел труда плотников и печатников;

в) вполне сознавая и учитывая все те трудные условия, в каких протекают работы по строительству железной линии Петропавловск — Кокчетав (недостаток помещений, материалов, инструментов, теплой одежды, рабочей силы).., совещание считает необходимым не прерывать работ.., изыскивая способы и принимая все меры к движению работ по постройке линии [1].

И срочные меры были приняты: усилено питание, улучшено обеспечение спецодеждой, топливом.

С небольшими перерывами из-за морозов, сопровождавшихся буранами и заносами пути, работы на строительстве продолжались до 3 января 1921 г. К этому времени были уложены 2 версты станционных путей и 22 версты главного пути.

Дальнейшую укладку пришлось прекратить: не хватало скреплений для рельсов. Несмотря на настойчивые требования строителей, укладочный городок вернулся на Холодильник, и штат его поступил в распоряжение 1-го участка для очистки станционных путей, ожидающих поступления строительных материалов с Омской железной дороги.

Новый строительный сезон на линии начался 15 мая 1921 г. Приступить к работам ранее не позволяло бездорожье. Предполагалось к началу строительства моби-

---

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 1, д. 63, л. 1—2.

лизовать 10 тыс. человек, обеспечить людьми все пункты линии Петропавловск — Кокчетав.

Боевое задание Центра: довести к августу 1921 г. рельсовый путь до ст. Таинча (Новосухотино) с перекладкой временного пути на насыпь достаточной вышины. От станции Таинча до Кокчетава развить подготовительные работы (главным образом земляные), построить временный мост через Чаглинку... Был определен минимум работ: земляное полотно отсыпать шириной по верху в две сажени, насыпь — высотой не свыше 0,5 сажени с временными уклонами, но не выше 0,015.

При такой программе количество земляных работ на линии до ст. Таинча (Новосухотино) определялось в целом около 60 тыс. кубических сажен, до Кокчетава — 93—100 тыс. кубических сажен.

На межведомственном совещании представителей Сибкомгоссоора, советских и хозяйственных организаций Петропавловска совместно с руководителями строящейся железной дороги, проходившем 15 апреля 1921 г., был обсужден доклад И. А. Томчука о значении продовольственной железнодорожной линии Петропавловск — Кокчетав и содоклад председателя Сибкомгоссоора тов. М. Н. Лопухина о необходимых мерах обеспечения стройки и участии в этой работе местных учреждений и военного ведомства.

Совещание признало необходимым более рационально использовать на строительстве местных крестьян с их транспортом, фуражом, продовольствием и параллельно привлекать трудармейцев.

Губотделу труда и управлению стройки, заинтересованным учреждениям предлагалось срочно разработать план привлечения к работам местных крестьян.

Совещание рекомендовало управсовету совместно с профсоюзом выработать временную инструкцию до получения таковой из Центра о натурпремировании в соответствии с существующим положением и установить потребность в наиболее рациональных предметах для распределения в данном районе.

С наступлением весны в Степном крае намечалось широко развернуть заготовку хлеба. Утром 3 апреля 1921 г. по прямому проводу из Москвы в Омск в адрес Сибирского продовольственного комитета было передано

подписанное В. И. Лениным постановление Совета Труда и Обороны о темпах вывозки хлеба и максимальном использовании выделенного для этих целей автомобильного транспорта [1]. Ввиду исключительно острого положения с продовольствием в республике и необходимости быстрейшей вывозки хлеба Совет Труда и Обороны потребовал от Наркомпрода перебросить из своего наличия 170 грузовых машин, из них 160 — в Петропавловск, Кокчетав.

Машины были в основном трофейные, т. е. побитые, прошедшие по дорогам войны десятки тысяч верст «фиаты», «непиры», «горфорды». Все они, чудом уцелевшие в разоренной России, были мобилизованы и брошены на продовольственный фронт.

1 мая караван автомобилей и тракторов двинулся по еще не просохшим дорогам на юг, в сторону Кокчетава.

...27 июня Рожанский докладывал Томчуку в Москву: «Укладка доведена до 31-й версты, где 24 июня открыт пост, началась погрузка хлеба и отправка его в Петропавловск».

Несколько раньше, 9 июня, был открыт пост на 21-й версте, тогда же началось временное движение по перевозке к Петропавловску хлебных грузов, доставляемых к посту автомобилями с юга.

Губернская конференция союза строительных рабочих, проходившая в Петропавловске 15—20 июня, вынесла положительную для Петрокока резолюцию. Она отметила, что управление со своей стороны сделало все возможное, чтобы сдвинуть стройку. Происходящая задержка с укладкой объясняется недостатком материалов. Отмечено в резолюции, что Сибопс тормозит доставку укладочных материалов [2].

Пикет за пикетом все дальше на юг уходили железные версты. Сразу после укладки и скрепления рельсов открывалось временное движение. Позади осталась 32-я верста. Здесь оборудован второй пункт по приему, погрузке и отправке хлеба. Выглядит он точно так же, как и на втором разъезде: всего-навсего один запасный путь. Рядом несколько землянок, оставленных строи-

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 10, с. 271.

[2] ГАСКО, ф. 38, оп. 2, д. 12, л. 6.

телями, две-три палатки. Вот и все. Строители ушли, а на временном разъезде приступили к работе заготовители и агенты Наркомпрода.

Сюда устремились машины Донской автобазы, караваны и обозы с хлебом. К 13 июля путь был уложен до 42-й версты. Тут открылась первая от Петропавловска станция Дармин (Смирново) с тремя запасными путями. И на ней без промедления начались приемка хлеба и погрузка его в вагоны. К августу поезда уже пошли до 52-й версты. На карте появился еще один разъезд, куда из окрестных степей тоже хлынул хлебный поток.

В эти дни новая дорога ежесуточно отправляла до 20 вагонов зерна. И все-таки темпы строительства дороги не удовлетворяли ни Главный комитет Государственных сооружений, ни Наркомпрод. Не устраивали они и руководителей Сибкомгоссоора и управления «Петрококчестроя». Томчук и Ильин хорошо понимали, насколько дорог стране каждый день промедления, каждый вывезенный пуд хлеба в голодающие центры России, и со своей стороны принимали все меры, чтобы досрочно выполнить задание по отсыпке земляного полотна и укладке рельсов. Большое количество документов, хранящихся в областном архиве, красноречиво свидетельствуют об этом.

17 августа 1921 г. губернская газета «Мир труда» писала: «Медленно тянется по степи бесконечный обоз с хлебом. Этот хлеб везут тому, кто голодает. Сзади слышен стук моторов. Оставляя за собой столб пыли, мчится автомобиль. Автомобили снуют по степи один за другим, также нагруженные хлебом.

На 52-й версте железнодорожной линии Петропавловск — Кокчетав большое оживление. Именно сюда стекаются обозы с хлебом из Акмолинска, Атбасара, Кокчетава. Ржание лошадей, мычание быков, рев верблюдов, треск тракторов, автомобилей. Многочисленные обитатели степей, невольно сюда собравшиеся, уже наладили оживленный товарообмен».

В ноябре того же года через всю первую полосу аншлаг: «Каждый труженик должен помочь голодающему Поволжью. Это наша очередная задача», а на месте передовой — статья Емельяна Ярославского «На борьбу с голодом». В ней говорилось:

«Спроси себя каждый, что я сделал для помощи голодающим? Разве я ничем помочь не могу?

Сегодня голод бродит в Поволжье. Поволжье кормило всю Россию, когда она была окружена врагами со всех сторон. Когда Урал, Сибирь, Кубань, Дон, Украина — самые хлебные окраины — были отрезаны, кто спас страну от голода? Поволжье. Из 640 миллионов пудов, за это время полученных Советской властью, Поволжье дало 240 миллионов пудов — больше одной трети. Надо помнить это теперь, когда страшная голодная смерть бродит в Поволжье и стучится в каждую хату крестьянскую.

То, что там сейчас такой страшный голод, показывает, что эти люди отдавали все, что имели, в надежде на урожай. Они поддержали рабочих, Красную Армию, они поддержали также и крестьян нехлебородных губерний семенами. Крестьянин тех местностей, где нынче урожай, должен сейчас же, немедля, дать семена на озимый посев. Дело не в том, чтобы накормить только, а надо глядеть вперед: а на будущий год что?

Нельзя забросить поля незасеянными, нельзя допустить, чтобы крестьяне брели в голодном отчаянии, куда глаза глядят, нельзя допустить, чтобы фабрики и заводы закрывались от того, что в городах хлеба нет для рабочего населения.

Это было бы нерасчетливо, гибельно, смертельно опасно для тех губерний, где нынче урожай.

Поволжье должно быть спасено. ...Особенно подумайте о детях, о подрастающем поколении, о нашей единственной надежде. Их спасти надо во что бы то ни стало — спасти первыми.

...Капля по капле, по зернышку, по пригоршне — надо создать могучий поток, идущий от более сытых, пощаженных голодом мест к голодным местам.

Накормить, одеть, отсеять, вселить великую бодрость и уверенность в умы миллионов обезумевших от голода людей — нет сейчас цели выше, святее, важнее, неотложнее.

Профсоюзы, кооперативы, Советы, отделы земельные, продовольственные, народного образования, соцобеспечения, здравоохранения, каждый завод, мастерская, каждый рабочий квартал — все должны объединить свои усилия в борьбе с голодом».

Август 1921 г. был особенно значителен по количеству перевезенных хлебных грузов. Тянулись вереницы верблюдов, арб; медленно двигались телеги, запряженные волами; поднимали пыль автомобили, тракторные поезда, от которых бросались в разные стороны волы и верблюды. Работали без устали, несмотря ни на какие трудности. Приходилось преодолевать солончаки, пески; ветры и жгучее солнце. Да и линия выглядела уныло. Ни одного капитального сооружения, только времянки. Бараки из самана и камыша, землянки, хаты, снятые с колес кузова теплушек. К концу августа вывезли 950 тыс. пудов хлеба.

Управление квартировало на втором этаже серого деревянного здания губсоюза.

В один из дней 1921 г. Томчуку позвонили и напомнили, что живет он в чужом доме, который следует вернуть хозяину, и чем быстрее, тем лучше. А спустя некоторое время в самый разгар строительных работ губисполком и губсоюз принялись «выкуривать» управление. Терпеливого и сдержанного Томчука это раздражало. В губисполкоме он попросил оставить все как есть. Его внимательно выслушали, но от своего решения не отказались.

О разговоре в губисполкоме он, может быть, и не вспомнил бы, но его пригласили в губком и пригрозили наказать за игнорирование директив местных органов. Разговор был категоричный. Вернувшись в управление, он телеграфировал об этом в Новониколаевск, предсибкомгоссоора Лопухину.

И. А. Томчук часто выезжал на линию. В один из таких выездов в Новосухотино он беседовал с председателем волревкома В. А. Ксензом. Василий Афанасьевич показал телеграмму из Москвы. Совет Труда и Обороны республики просил ревком оказать максимальную помощь в сборе и отгрузке хлеба. Телеграмма была подписана Лениным.

— Мобилизовали все, что могли,— говорил Ксенз, словно отчитываясь о проделанном.— Крепко помогают казахи. Без их верблюдов и таратаек не справились бы. И все-таки отгрузка идет медленно. Особенно из Кокчетава. Владимир Ильич дважды разговаривал по телефону с председателем Кокчетавского волисполко-

ма Жуковым. И все о хлебе. Спрашивал, можем ли отгрузить больше?

Василий Афанасьевич рассказывал о хлебных запасах волости, а И. А. Томчук, слушая его, думал о В. И. Ленине, о своей встрече с Ильичем ровно год назад в Кремле, когда он, тридцатилетний техник путей сообщения, член партии большевиков с 1913 г., получал из его рук мандат и назначение заведовать строительством срочной продовольственной линии Петропавловск — Кокчетав.

В 19 лет, в 1909 г., Томчук окончил строительное техническое училище в Бендерах, потом три курса инженерного отделения политехнического института, работал на ряде железных дорог, главным образом по строительной части, был членом президиума Татарского совнархоза, председателем комитета Госсооружений Татарской АССР. И вот он на новой стройке. Прошел год. За это время Томчук рассчитывал уложить рельсы до Кокчетава. Но жизнь внесла коррективы.

Вечером, вернувшись в Петропавловск, Томчук заехал в управление. Там дежурный передал ему телеграмму. Текст ее гласил:

«Петропавловск, ревком, копия Петрококчестрой. Ввиду исключительного значения сооружений ударной продовольственной железнодорожной линии Петропавловск — Кокчетав, учитывая, что выселение управления равносильно срыву налаженных с большим трудом и находящихся в самом разгаре работ, предлагаю оставить управление Петрококчестрой в прежнем помещении. Исполнение доложить.

Предсто *Ленин*

5—УШ—21 г.»[1]

...11 августа 1921 г. на заседании Малого Совнаркома рассмотрели ход строительства железной дороги. И вот на столе этот документ, переданный из Москвы по телеграфу. В нем, в частности, говорится, что ввиду особо важного значения строительства вырабатываемые на Урале шпалы и другие материалы предназначаются исключительно для «Петрококчестроя» и не подлежат ни реквизиции, ни конфискации, ни передаче другим

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 332.

ведомствам. Отпускался нужный натурфонд, бронированные пайки и прозодежда для обеспечения работающих на постройке дороги Петропавловск — Кокчетав из расчета 5 тыс. человек [1].

И. А. Томчук несколько раз перечитывал документ. То, что Совет Труда и Обороны по-прежнему держал в центре внимания строительство железной дороги, говорило о большой государственной необходимости того, что делал он и возглавляемый им коллектив. Томчук от души приветствовал каждое его постановление. И за многими его словами и строками видел энергичного Александра Петровича Смирнова — члена коллегии Наркомпрода, горячего сторонника и помощника управления строительства. Можно было не сомневаться в том, что именно по его ходатайству и настоянию стройке отпускалось повышенное количество бронированных пайков, а все перевозки строительных материалов, продовольственных и других грузов в адрес стройки предлагалось производить во внеочередном порядке.

Но Томчук ждал от постановления большего. Он даже запросил телеграф, не пропустили ли по ошибке какие-нибудь пункты. Но ошибки не было. Текст был принят без малейшего пропуска. Документ подписан одним из заместителей Ленина. «А почему же не самим,— подумал он,— неужели болен?» Начиная с 1918 г. постановления Совнаркома и Совета Труда и Обороны по строительству дороги, да и мандат ему, Томчуку, подписывал лично Владимир Ильич. И вот другая подпись.

Несколько дней И. А. Томчук был под впечатлением постановления СТО и догадок о В. И. Ленине. С именем вождя связана вся его сознательная жизнь. Томчук был не просто строителем-железнодорожником, он прежде всего был коммунистом, человеком государственным, стоящим на страже интересов государства. Не случайно в марте 1917 г. его избрали заместителем председателя исполкома Совета рабочих и служащих железнодорожной линии Казань — Екатеринбург и председателем стачечного комитета во время железнодорожных забастовок против политики Временного правительства Ке-

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 198.

ренского. Большевистский долг позвал его в далекий Степной край после того, как он два года проработал главным комиссаром Казанбургской железной дороги.

...Рельсы, шпалы, скрепления. Они не оставляли начальника строительства линии Петропавловск — Кокчетав даже во сне. Каждый новый день начинался с разговоров о них. Из-за отсутствия этих материалов страдало дело, ради которого жил и трудился многотысячный коллектив строителей.

Не помогали и добрые отношения Ивана Антоновича с руководителем Петропавловской дистанции пути, где он часто занимал шпалы и рельсы. Сейчас и у них не имелось ничего, а старый долг до сих пор еще не был возвращен. В Москве Ильин все эти вопросы, конечно, решит. Но проходили погожие дни, приближалась осень, а за ней нагрянет зима, когда потерянное время наверстать будет уже невозможно.

В один из дней состоялся телефонный разговор с Москвой, из которого Томчук понял, что принято новое постановление Совета Труда и Обороны по строительству дороги. Потом пошли из Москвы телеграммы с с конкретными указаниями о реальном проведении в жизнь постановления СТО от 7 сентября. Рельсы и скрепления новые на 40 верст управлению отпускались с Уральской дороги.

Чтобы получить еще 53 версты рельсов, «Петрококчестрою» был предоставлен к разборке участок Дружинино — Екатеринбург. НКПС обеспечил всем необходимым инвентарем, выделил управлению дополнительно 8 паровозов из Сибопса.

Общее руководство работой на Урале возлагалось на Ильина. Ему был выдан документ, подписанный Лениным[1]. Мандат свидетельствовал о том, что предъявитель его Леонид Иванович Ильин является уполномоченным Совета Труда и Обороны и Высшего Совета народного хозяйства и командируется на Урал, в Сибирь и Казахскую республику в качестве ответственного руководителя по проведению в жизнь постановления СТО № 248 от 7 сентября 1921 г. по ускорению строительства железной дороги Петропавловск — Кокчетав.

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 440, 476, 493.

И. А. Томчук подводил предварительные итоги. В специальной записке Чрезвычайной комиссии КирЦИК [1] он сообщал:

«К 1 октября 1921 года укладка рельсов доведена до Таинчи. Выполнено земляных работ в объеме 12 тысяч кубических сажен, путевых временных бараков устроено 500 квадратных сажен (главным образом дерновых), 930 квадратных сажен станционных временных сооружений, в основном на Холодильнике.

На станции Таинча строится временное депо площадью около 90 квадратных сажен, на ст. Петропавловск-2 переоборудуется под временное депо здание Холодильника.

Что касается пунктов временного водоснабжения, то таковые построены: 1) на посту Петропавловск, 2) на 25-й версте, 3) на 52-й версте, 4) на разъезде № 8, на станции Таинча.

С 9 июня началась погрузка хлебных грузов на головных пунктах укладки и вывозка их на станцию Петропавловск Омской железной дороги. Хлеба по настоящее время вывезено 1 млн. 600 тыс. пудов.

Положение работ на постройке на 10 ноября 1921 г.

Постановлением СТО от 7 сентября предложено к 1 января 1922 г. довести укладку рельсового пути до Кокчетава. Для указанной цели отпускаются управлению постройки 40 вагонов рельсов с Надеждинского завода на Урале, которые полностью уже отправлены в адрес постройки, а также еще 52 версты с других заводов Урала.

До прихода укладки в Кокчетав требуется 2850 человек пеших. Указанное количество рабочих и служащих является минимальным при требовании вести укладку зимой до Кокчетава и при производстве лесных заготовок.

Это количество рабочей силы необходимо снабжать деньгами, продовольствием, фуражом, отоплением, зимней одеждой. Между тем кредита в настоящее время нет, продовольствия осталось на полмесяца, фуража на месяц, топлива для паровозов и жилищ нет и поступления его не предвидится. Зимней одежды получено всего 400 комплектов.

---

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 1, д. 63, л. 10—11.

В таких условиях и при случайном снабжении нас необходимым, как это наблюдается в последнее время, работать нельзя. Необходимо немедленно получить 3 тысячи комплектов зимнего оборудования».

На стене в кабинете начальника стройки карта сети железных дорог. И. А. Томчук привез ее из Москвы и в немногие свободные минуты представлял, как в недалеком будущем железные дороги свяжут в единое целое новые города и экономические центры.

Томчук знал, что еще в 1916 г. межведомственное совещание при министре путей сообщения постановило приступить к срочной постройке на территории нынешней Казахской республики таких железных дорог, как Александров Гай — Эмба и Эмба — Кунград, Кунград — Чарджоу. Эти дороги должны были прорезать всю юго-западную часть Казахстана, соединить низовье Волги с Закаспием и встретить на своем пути развивающиеся промышленные центры.

Вторая крупная стройка — Южно-Сибирская магистраль: Оренбург — Орск — Атбасар — Семипалатинск — Верный с отходом перед Семипалатинском на Барнаул. На этой дороге должны были соединяться крупные промышленные центры по накоплению богатств Восточного Казахстана...

Разгар империалистической войны, а затем гражданской отодвинул эту работу на неопределенное время.

Из всех железных дорог, которые планировалось построить на территории КАССР, суждено было приступить к постройке только одной — Петропавловск — Кокчетав. Она должна была соединить действующую Сибирскую магистраль с будущей Южно-Сибирской.

Начальнику стройки, пожалуй, как никому другому было известно, какое значение придавало правительство молодой Советской республики строительству новой дороги. Постановлением Совнаркома РСФСР от 5 августа 1920 г. стройке был придан характер срочной продовольственной. Постановлением СТО РСФСР от 3 августа 1921 г. и постановлением СТО за № 248 от 7 сентября 1921 г. строительство дороги признано оперативно-срочным [1].

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 11, с. 301.

Какие средства на нее были затрачены, Томчук тоже знал. На 15 ноября 1921 г. они составили огромную цифру — 1 млрд. 275 млн. 523 тыс. рублей. И это в то время, когда в бюджете страны не имелось средств на самое важное, самое неотложное.

Знал он и другое. При острейшем дефиците рабочей силы молодая республика содержала на новой стройке 2,5 тыс. штатных рабочих и служащих, которые в то трудное время не только получали заработную плату, но и за счет государства были на 80 процентов одеты и обуты, снабжены питанием [1].

И. А. Томчук верил, что пройдет какое-то время и начатая строительством дорога будет доведена до конечного пункта. Пока это Кокчетав, а потом железные версты шагнут к Боровому, к Акмолинску, к Спасским медным заводам и дальше на юг. Меридианный путь. О нем думал Томчук уже в те дни, когда на землю ложились первые рельсы Петрокока. Путь по меридиану со временем обязательно пройдет и на север — к Ледовитому океану, и началом его будет именно Кокчетавская дорога.

Это были давние мечты начальника стройки. А чтобы сделать их явью, требовались доказательства. И Томчук подбирал специальные бумаги в папку, которую хранил в сейфе отдельно от других документов. Там же лежали и черновики его доклада с экономическими обоснованиями и предложениями. Все они сводились к одному: нужны деньги. А их у правительства РСФСР и Казахской автономной республики не хватало для самого важного, самого главного — чтобы спасти людей от голода. Потому Томчук и не торопился с отправкой своего предложения в Москву или Оренбург, решив подождать хотя бы до тех пор, пока железные рельсы из Петропавловска дойдут до Кокчетава.

Наступившая вторая зима не сулила строителям Петрокока ничего доброго. Ухудшилось снабжение, не хватало топлива. Со всех участков в управление стройки поступали нерадостные вести. Томчук видел, как бедствовали рабочие. В неотложной помощи нуждались и первый и третий участки. А управление оказать ее не могло: не располагало ресурсами. И тем не менее никто

---

[1] Мир труда, 1922, 1 мая.

в управлении не сидел сложа руки. Скудные запасы топлива делились так: вне очереди баням, пекарням, больницам. Белье, одежда и посуда выделялась прежде всего для больных и выздоравливающих.

Сами голодные, плохо одетые, едва оправившись от болезней, люди шли на расчистку путей от снега, чтобы пропускать поезда с продовольствием туда, где положение было еще хуже.

В декабре со станции Таинча в Петропавловск было доставлено по линии строящейся железной дороги более 100 тыс. пудов хлеба.

На смену холодному и голодному 1921 г. пришел не менее трудный 1922 г. Крутых перемен он не обещал. 5 января Томчук получил телеграмму. В ней говорилось, что из-за отсутствия кредитов на 1922 г. и перехода строек на положение охраны требуется безотлагательно сократить состав управления, оставляя людей из расчета одного человека на версту на длинных и полтора — на коротких линиях, считая весь управленческий и обслуживающий временное движение персонал [1].

Прошло около полутора месяцев. Уехали многие из сезонных и постоянных рабочих, половина инженерно-технических работников, но управление продолжало функционировать: движение по новой дороге не прекращалось. От постоянного представителя стройки в Москве Наумова пришла телеграмма. Радости Томчука не было предела. Он немедленно сел за стол и уже через час приказ № 98 от 18 февраля 1922 г. был написан:

«Объявляя означенную телеграмму для сведения всех служащих, мастеровых и рабочих постройки, считаю нужным отметить, что таковое извещение должно положить конец всем слухам о прекращении будто постройки и перевода таковой на охрану.

Из этого сообщения видно, что постройка Петрокока признается Центром делом государственной важности как оперативно-продовольственная линия с предлагаемой возможностью окончания укладки до конца не позднее 1 июля с. г., что при добром желании и при твердом сознании своего долга перед Советской властью к

---

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 10.

достижению этой цели можно преодолеть все трудности.

Вполне учитывая эту важность, призываю всех административных лиц, руководителей работами, служащих, мастеровых и рабочих проявить в настоящем строительном сезоне всю настойчивость, заботу, инициативу, бодрость духа и сознание своего долга перед Родиной к достижению поставленной всем задачи. Приказ этот развесить на видных помещениях в служебных местах».

Приказ был подписан необычно: «Начальник управления, член Центрального Комитета Всероссийского Союза строительных рабочих И. Томчук»[1].

...Укладка железнодорожного полотна от станции Таинча в сторону Кокчетава началась 22 апреля 1922 г.— в день рождения В. И. Ленина. Около сотни подвод вышли на трассу строительства с материалами, инструментом, инвентарем. Рабочий поезд доставил несколько платформ со шпалами. Их быстро разгрузили. Укладочный городок мог бы сразу взять высокие темпы. Все необходимое для этого имелось. Но весенний паводок мешал безопасной доставке стройматериалов и отнимал много сил и энергии на поддержание пути в исправности. Требовалось повременить, пока подсохнут дороги.

Однако работы не остановились. И хотя медленно, укладка продолжалась каждый день. До Кокчетава оставалось уже меньше пятидесяти верст. И теперь, когда на все это расстояние имелись и рельсы, и шпалы, и скрепления, предстоящий объем работ и сроки не пугали ни заведующего укладкой, ни руководителей строительного управления. Если проходить в день по версте, к 1 июня можно прийти в Кокчетав, и это окажется на 20-25 дней раньше установленного срока. А ведь когда развернутся работы, смело можно будет проходить по полторы версты и даже больше.

В порядке трудгужналога по заданию губернского отдела труда в наступившем сезоне на строительство линии намечалось привлечь местных крестьян со своими лошадьми. Задание было распределено по во-

---

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 1, д. 6, л. 2.

лостям. И многие из них добросовестно выполняли разверстку.

С тех пор как «Петрококчестрой» был передан в подчинение Казахского Комитета Государственных сооружений 1 ноября 1921 г., Сибкомгоссоор выступал как совещательный орган и технический центр. Сейчас губернское экономическое совещание играло бо́льшую роль в судьбе строительства, чем Сибирский Комитет Государственных сооружений, для которого «Петрококчестрой» уже перестал быть срочной линией особого назначения. Объяснялось это тем, что Президиум ВСНХ признал необходимым после выполнения заданий Наркомпрода по вывозке хлеба из Кокчетава обсудить вопрос о дальнейшей судьбе дороги: разобрать линию и передать рельсы на Ачинск — Минусинскую дорогу, ждавшую четвертый год рельсы, или же поднять «Кокчетавку» на земляное полотно и строить ее до Акмолинска.

Очередное заседание Президиума губернского экономического совещания (губЭКОСО) было назначено на 11 часов утра. Когда И. А. Томчуку дали слово, он сказал: «Сегодня, товарищи, седьмое число, седьмое мая. Стоит отличная сухая погода. Золотое время для продолжения укладки железной дороги. Но строительство это, как ни странно, вести нельзя. И совсем не потому, что управление не имеет материалов, рабочей силы и других каких-либо ресурсов. Все это у нас имеется. Нами получена телеграмма Высшего Совета народного хозяйства, требующая прекращения строительства.

Он подробно рассказал о том, где и как расставлены силы строителей, доложил о графике работ на каждый день, заявив, что строительство дороги можно закончить за 45—50 дней.

После Томчука выступили все члены президиума губЭКОСО. Равнодушных ораторов не было. В итоге родилось постановление:

«Заслушав телеграмму из Центра, губэкономсовещание констатирует:

Строительство железной дороги было начато по решению СТО и Совнаркома РСФСР как срочное, внеочередное и оперативно-боевое, следовательно, ВСНХ в лице заместителя председателя не может отдавать распо-

ряжения о закрытии постройки без согласия и санкции вышеуказанных органов.

Линия уже уложена на протяжении 125 верст, в то же время не соединить ее с Кокчетавом нельзя, ибо дорога не будет иметь никакой ценности для Акмолгубернии и, следовательно, все затраченные средства на укладку 125 верст принесут колоссальный убыток для всего государства.

При закрытии указанной линии все богатства южных уездов губернии, всякого рода сырье, продовольствие, хлеб и прочее останутся невывезенными из-за отсутствия гужтранспорта, ввиду чего государству будет нанесен громадный убыток.

...На основании вышеизложенного губэкономсовещание признает достройку линии до Кокчетава необходимой и ударной. Что же касается телеграммы, полученной из Центра за № 96057, то в исполнение ее не приводить. Заведующему «Петрококчестроем» т. Томчуку предлагается принять меры к успешной достройке линии»[1].

Строительному центру была направлена срочная телеграмма о нецелесообразности закрытия линии и принятом губЭКОСО постановлении.

Вскоре после заседания губэкономсовещания Совет Труда и Обороны КирАССР признал необходимость окончания стройки и эксплуатации линии. Он вошел с ходатайством в СТО РСФСР об ассигновании необходимой суммы. В конце мая Москва окончательно разрешила этот вопрос. На все работы было отпущено из средств Наркомпрода 670 000 рублей, причем большая часть кредита была выдана продовольствием.

План предусматривал довести рельсовый путь до Кокчетава к 1 июля 1922 г.

Живя впроголодь, не имея копейки свободных средств, управление «Петрококчестроя» взяло на свое обеспечение 40 детей, прибывших из голодающих губерний. Для них был построен дом, который содержался за счет отчисления одного процента зарплаты строителей.

...Хороши в конце мая степи в Приишимье. Пригретые ярким солнцем, они все в дрожащем мареве. Бес-

---

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 10.

крайний ярко-зеленый ковер и над ним глубокое голубое небо. На дне оврагов еще кое-где белеет снег, а в лощинах журчат последние ручьи. Зыбкие, холодные, разных цветов радуги. И вся степь, наполненная множеством звуков — от трели жаворонка до тихого пересвистывания сусликов, терпко пахнет свежестью.

Со второй половины мая дела на укладке пошли особенно дружно: как сутки — полторы, а то и около двух верст. И так каждый день.

9 июня И. А. Томчук телеграфировал в Москву председателю Совнаркома и СТО В. И. Ленину о том, что его задание выполнено. Рельсовый путь достиг Кокчетава. Оперативная, особого назначения продовольственная железнодорожная линия Петропавловск — Кокчетав вступила в строй.

В Оренбург в адрес КирЦИК, КирСТО, КирГУБС телеграмма была отправлена за двумя подписями:

«Докладываем: во исполнение задания рабоче-крестьянского правительства от 26 апреля с. г. города Петропавловск и Кокчетав соединены рельсовым путем девятого сего июня на 21 день ранее заданного срока. 28 июня в 18 часов открыто сквозное поездное движение наибольшей технической скоростью на участке Петропавловск—Таинча 15 верст. На остальном протяжении 12 верст. При норме состава 15 груженых единиц. Управление постройки считает долгом просить отметить полезное содействие Акмолгуборганов в лице губисполкома, губкома, губЭКОСО, реально ускоривших выполнение задания. Начальник управления — Томчук, УполСТО и ВСНХ — Ильин»[1].

Ответ из Москвы пришел незамедлительно:

«Получив сообщение об окончании укладки временной рельсовой колеи до станции Кокчетав, приветствую рабочий коллектив постройки с достигнутым успехом и выражаю благодарность за проявленную коллективом рабочих энергию при работе в столь тяжелых условиях с пожеланием доведения постройки до полного конца. Заместитель председателя Совнаркома РСФСР — А. Цюрупа»[2].

---

[1] ГАСКО, ф, 38, оп. 3, д. 33, л. 4.
[2] Там же, л. 5.

В те дни в Петропавловске проходила губернская конференция строительных рабочих. Участники и делегаты ее с большим подъемом встретили предложение послать товарищу Ленину телеграмму следующего содержания:

«Акмолинская губернская конференция строительного пролетариата, заслушав вашу телеграмму с благодарностью коллективу рабочих постройки железнодорожной линии Петропавловск — Кокчетав за успешное соединение рельсовой нитью поименованных городов на три недели ранее заданного срока, постановила горячо вас приветствовать и передать своему вождю наше искреннее пролетарское спасибо и обещание в будущем осуществлять задания рабоче-крестьянского правительства с таким же успехом. Председатель конференции — В. Хлебов; секретарь — Радиванюк»[1].

Губернская газета «Мир труда» в номере 138 (675) за 27 июля 1922 г. отмечала:

«Текущий год для нашей губернии является знаменательным. В начале июня закончилась прокладка железнодорожной линии до Кокчетава — первого экономического центра на железнодорожном пути.

Значение железной дороги для такой богатой и обширной области, как Акмолгуберния — огромно, хотя проложено только 180 верст пути, но эта сравнительно короткая ветка скоро оправдает себя, принесет громадную пользу как республике в целом, так и местному краю. Недород прошлого года и недосев текущего хотя значительно сократили богатства края, а, следовательно, и вывоз его — все-таки нынче предполагается заготовить и вывезти около 2 млн. пудов хлебопродуктов. У губсоюза и губсовнархоза намечено к вывозке полмиллиона пудов кожсырья и пушнины. Сибдальвнешторгом и Кирвнешторгом, несмотря лишь на начало своей деятельности, заготовлено к вывозке более 700 тыс. пудов грузов сырья и других товаров. Даже при таких неблагоприятных условиях, как недород, недосев и т. д., в нашей губернии находится для вывозки более 3 млн. пудов грузов. В будущем же, при более благоприятных условиях, а также с развитием деятельности Кирвнешторга ясно, что эта цифра будет значительно

[1] ГАСКО, ф. 38, оп. 3, д. 33, л. 8—9.

больше. Весь этот груз по пути к линии Сибирской железной дороги идет через Кокчетав. И, следовательно, перевозка его на 180 верст по железной дороге принесет крупную экономию средств и сил.

...Акмолгуберния по своим природным богатствам есть в полном смысле слова «золотое дно». Но за отсутствием транспорта мы не могли пользоваться этими богатствами. Лишь теперь с момента проведения железной дороги, когда в центре Акмолгубернии загудели паровозы, мы делаем первый шаг к поднятию нашего экономического состояния и возрождению от разрухи и вместе с ней от невежества».

В июле в Кокчетаве состоялся большой митинг и праздник строителей железной дороги. Этот праздник отмечало все население города и множество гостей, прибывших из Петропавловска и прилегающих к линии волостей. Как писала газета «Мир труда» 3 июля 1922 г., «с открытием Кокчетавской железной дороги огромный Степной край начинает новую эру жизни.

Кокчетавская железная дорога есть тот луч света, который скоро рассеет тьму, косность и невежество, царствовавшие веками у нас. Она пробудит от спячки наше патриархальное население, даст ему свежие силы и укажет много новых путей для борьбы с разрухой. Этим самым она закрепит завоевания революции.

Весь процесс постройки Кокчетавской железной дороги является тернистым путем к намеченной цели. В период гражданской войны, восстаний, при отсутствии необходимых материалов, в сибирские бураны, в голодный год строилась железная дорога. И только твердая настойчивая воля и пролетарская сознательность руководителей постройки еще раз доказали, что пролетариат побеждает не только на военных фронтах, с неменьшим успехом он побеждает и на экономических. Приветственные телеграммы из Центра являются заслуженной пролетарской благодарностью героям на фронте труда.

...Открытием железной дороги при всевозможных лишениях они доказали, что никакие препятствия не страшны для пролетариата. Своей неутомимой работой они дают достойный пример пролетарской борьбы на фронте труда».

Президиум ВЦИК, по ходатайству Всероссийского Центрального Комитета Союза строительных рабочих, наградил начальника управления И. А. Томчука и его заместителя Л. И. Ильина орденами Красного Знамени. Этой же награды было удостоено строительное управление «Петрококчестрой» — первый орденоносный коллектив республики. Лучшим строителям были присвоены звания героев труда, многим железнодорожникам вручены премии и ценные памятные подарки.

После окончания строительства дороги Петропавловск — Кокчетав И. А. Томчук и Л. И. Ильин по решению ЦК РКП(б) были направлены на другие стройки железных дорог. И там они возглавляли ответственные участки строительства.

Командующий Туркестанским фронтом

Конец лета 1919 г. ...Красная Армия на Восточном фронте гонит Колчака в Сибирь. Возглавляет войска фронта Михаил Васильевич Фрунзе. А ведь совсем недавно, месяца три назад, Троцкий утверждал, что планы, разработанные Фрунзе и нацеленные на разгром колчаковских войск в районе Бугуруслана, Бугульмы, Белебея, Уфы,— фантазия. «И где только Владимир Ильич выискивает таких фантазеров?» — с иронией говорил тогда Троцкий.

Позже, при свидании с Лениным в Москве перед VII Всероссийским съездом Советов, Фрунзе рассказал Владимиру Ильичу о борьбе с Колчаком, об отдельных операциях на Восточном фронте в ходе этой борьбы. Ленин слушал с огромным интересом.

«Молодцы! Герои! Такую армию, как армия Колчака, разбили, а? Историки изучать потом будут ваши операции, товарищ Арсений. А нас ведь здесь запугивали: фантазия, мол, бред — контрнаступление, ничего-де не выйдет, отступать надо. А вот и вышло!» Ленин подошел ближе к Фрунзе и, смотря на него сияющими глазами, повторил: «Вышло! И еще выйдет»[1].

Военно-оперативная и общественно-политическая деятельность Фрунзе наиболее

---

[1] *Сиротинский С. А.* Путь Арсения. М., 1956, с. 161.

наглядно раскрылась на посту командующего Туркестанским фронтом. Именно тогда он доказал, что является военным вождем нового типа, что он, как и все крупные военачальники, наделен способностью правильно оценивать обстановку, но кроме этого, он как пролетарский полководец-коммунист обладал глубокой идейной убежденностью, знанием целей борьбы.

Фрунзе прекрасно понимал, что военные вопросы нельзя решать в отрыве от социально-политических и экономических. Это особенно относилось к Туркестану*. В этом регионе коммунистам предстояло преодолеть колоссальные трудности: огромное влияние мусульманского духовенства среди коренного населения, запутанность и обостренность межнациональных противоречий. Все это значительно осложнялось военно-политической обстановкой — в Закаспии находились войска английских интервентов и белогвардейцев, на востоке Семиречья действовали соединения атаманов Анненкова, Дутова, Сидорова, генерала Бакича, в Ферганской долине разрасталось басмаческое движение. На территории Туркестана существовали даже феодальные деспотии — Бухарский эмират и Хивинское ханство. Развязать этот узел было очень сложно.

Решая вопрос о том, кому поручить руководство Туркестанским фронтом, ЦК партии, Ленин остановились на кандидатуре Фрунзе. Перед отъездом Михаила Васильевича в Туркестан вождь встретился с ним.

«— Ведь Вы туркестанец?— спросил Владимир Ильич.

— Да, в юности жил в Семиреченской области.

— Видите, как удачно,— оживился Ленин.— Замечательно. Вы хорошо знаете этот край?

— Знаю даже язык. Знаю, правда, больше киргизский.

— Это совсем клад,— усмехнулся Владимир Ильич.— А вы молчите, скромничаете»[1].

Знание казахского языка, которым М. В. Фрунзе в совершенстве овладел за восемь лет учебы в Верненской

---

* В Туркестанский край входила значительная часть нынешнего Казахстана.

[1] *Сиротинский С. А.* Путь Арсения с. 161.

гимназии, подтвердило правильность выбора В. И. Ленина, ЦК РКП(б) при назначении Михаила Фрунзе командующим тем фронтом, которому предстояло освободить значительную часть Казахстана от войск белоказачьих атаманов Дутова, Толстова, Анненкова, завершить разгром белогвардейцев и интервентов на обширных просторах Степного края и Туркестана. Чуть позднее в дополнение к этим военно-политическим задачам командующему Туркестаном поручили миссию чрезвычайного посланца Ленина и партии в Казахстане и Средней Азии. М. В. Фрунзе был утвержден членом Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР. А тогда, во время встречи в Кремле, тематику беседы определяли события на фронтах.

Это был не первый их разговор о значении вооруженной защиты революционных завоеваний. Еще в 1906 г., когда 20-летний Михаил Фрунзе — делегат IV съезда партии — рассказывал Владимиру Ильичу о создании военных дружин и обучении военному делу рабочих-дружинников Иваново-Вознесенска и Шуи, В. И. Ленин одобрил опыт создания боевых дружин и говорил о необходимости подготовки кадров для будущего вооруженного восстания пролетариата. Фрунзе все больше и больше интересовался вопросами не только военной истории, но и теории. Ленинское положение: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»[1] стало для него важнейшим, как и для всех коммунистов.

Военная деятельность Фрунзе в годы гражданской войны протекала под непосредственным руководством Ленина, в полном соответствии с его конкретными указаниями. Под влиянием вождя революции Михаил Васильевич стал крупнейшим политическим и государственным деятелем — способнейшим учеником и верным соратником Ильича.

Подготовке к военным операциям в Туркестане Фрунзе уделял внимание еще будучи командующим Южной группы войск Восточного фронта, а затем и командующим всем фронтом. На эту должность он был назначен Реввоенсоветом республики 13 июля 1919 г. вскоре после июльского Пленума ЦК РКП(б), рассмот-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

ревшего вопрос об укреплении руководства вооруженных сил.

Возглавляя командование Восточным фронтом, Фрунзе разработал, подготовил и провел в июле — начале августа 1919 г. Челябинскую и Троицкую военные операции, которые привели не только к разгрому, но и расчленению колчаковской армии.

В результате на востоке возникло два военно-стратегических направления: сибирское и туркестанское. 11 августа 1919 г. Реввоенсовет республики разделил Восточный фронт на Восточный и Туркестанский. В составе первого остались 3-я и 5-я армии, во второй вошли 1-я и 4-я. Кроме того, командованию Туркестанского фронта были подчинены 11-я армия, осуществлявшая военные действия в районе Астрахани, и советские войска в Туркестане.

Приказом главкома С. С. Каменева 14 августа командующим Туркестанским фронтом был назначен М. В. Фрунзе. Казалось, близка была к осуществлению мечта Михаила Васильевича, о которой он говорил без малого год назад дорогим его сердцу иваново-вознесенцам, отправляясь на Восточный фронт,— пробить дорогу к хлопку, нефти, хлебу. Близка, но очень, очень трудна. Ее загораживал мощный заслон — 60-тысячная Южная армия Колчака, возглавляемая генералом Беловым, да оренбургские белоказачьи части атамана Дутова.

Западнее Южной армии действовали уральские белоказачьи части, возглавляемые атаманом Толстовым, которые особенно активизировались летом 1919 г. Это было время, когда над республикой Советов нависла грозная опасность — наступление деникинской белой армии, значительную часть которой составляло русское белогвардейское офицерство, а основную опору — казачество.

Международная контрреволюция в лице французского и английского капитала оказывала мощную поддержку генералу Деникину, оснащая его армию военной техникой, авиацией. Понимая всю глубину опасности деникинского нашествия, Центральный Комитет партии 9 июля 1919 г. обратился с письмом «Все на борьбу с Деникиным!», написанным В. И. Лениным. В нем были отражены важнейшие итоги июльского Пленума ЦК

РКП(б), дана характеристика создавшегося положения и призыв превратить страну в единый военный лагерь не на словах, а на деле[1]. Владимир Ильич писал: «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь»[2].

Перед Туркестанским фронтом были поставлены три основные задачи: в кратчайший срок овладеть Оренбургской и Уральской областями, разгромив армии генералов Белова и Толстова; подготовить экспедицию на Туркестан, чтобы в дальнейшем полностью освободить его народы от интервентов, белогвардейцев и басмачей; подготовить 11-ю армию для наступательных операций в юго-западном направлении с тем, чтобы оттянуть на себя часть сил деникинской армии.

Проведение военных действий на Туркестанском фронте осенью 1919 г. для Фрунзе было связано с особыми трудностями: в период наступления деникинских войск на московском стратегическом направлении постоянно приходилось значительную часть своих сил и вооружений направлять на запад. Так, 13 октября Фрунзе получил от Ленина телеграмму о том, что ЦК партии решил «...ограбить все фронты в пользу Южного. Обдумайте экстреннейшие меры, например, спешную мобилизацию местных рабочих и крестьян для замены ими ваших частей, могущих быть отправленными на Южфронт. Положение там грозное...»[3].

15 октября Политбюро ЦК РКП(б) вынесло аналогичное требование: «Еще раз пересмотреть вопрос о возможности снятия с Запфронта и Туркфронта (частей) для усиления Южного фронта...»[4]. И Фрунзе выполнял директивы партии, Ленина, отправляя на фронт борьбы с Деникиным воинские подразделения, восполняя силы Туркестанского фронта новыми воинскими формированиями, добивался в этом деле больших успехов. Вспоминая об этом, Ф. Ф. Новицкий (в то время

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн собр. соч., т. 39. с. 45.
[2] Там же.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 56.
[4] Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1961, т. 2, с. 534.

начальник штаба) писал: «Никто из нас тогда еще не знал, каким виртуозом был Фрунзе в организации рабочих и партийных боевых частей. Эти формирования являлись грозной силой, оказывались способными... выдерживать тяжесть даже долговременных боевых испытаний»[1].

В процессе разгрома колчаковской Южной армии Белова на сторону Красной Армии (в результате ее ратных побед и разъяснительной работы среди трудового казачества) переходили тысячи казаков и крестьян, одетых в солдатские шинели, со всем вооружением и боеприпасами, что в значительной мере повышало военно-техническую оснащенность Красной Армии. В связи с этим и в связи с чрезвычайно тяжелым положением на фронте с Деникиным и под Петроградом (осеннее наступление генерала Юденича) Ленин в середине октября 1919 г. запросил Фрунзе: «Нельзя ли взять оренбургских казаков под Питер или на иной фронт?»[2]

Словом, в начальный период работы Фрунзе на Туркестанском фронте для него как командующего возникли большие трудности, связанные с отливом войск на другие фронта. Но он всегда, обдумывая задачи, стоящие перед вверенным ему фронтом, учитывал общее экономическое и военное положение страны, первоочередность поставленных Центральным Комитетом партии стратегических задач. Туркестанский фронт, расположенный между Восточным и Южным, должен был воспрепятствовать объединению сил восточной и южной контрреволюции. Это была наиважнейшая задача. Стремление к такому объединению со стороны армий генералов Белова и Толстова стало особенно настойчивым после того, как они потеряли непосредственную связь с Колчаком. Они нуждались в материальной и военной поддержке Деникина и его союзников, хотя и получали помощь со стороны внутренней и внешней контрреволюции по другим каналам.

Так, колчаковское командование ставило перед Южной армией генерала Белова задачу установить взаимо-

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 79.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 62.

действие с войсками белых, действующими в Туркестане, установить тесные контакты с эмиром Бухарским Сейд-Алим-Ханом и с Джунаид-Ханом — главой хивинских басмачей. Ставка Колчака обратилась к главе английской миссии с просьбой оказать белогвардейцам Ферганы помощь деньгами, оружием, боеприпасами. Запрашивали 8—12 полевых и 8 горных орудий, 40 пулеметов и 20 тыс. ружей, а к ним 10 млн. патронов. Договорились и о месте переправы (через Кашгар), и о месте доставки (Ошский уезд — осиное гнездо басмачей). Помощь немалая, если считать, что три армии, 1-я, 4-я, 11-я, летом 1919 г. получали лишь 4—5 млн. патронов в месяц. Тогда же в Калмыков в распоряжение белоказачьей Уральской армии атамана Толстова из Баку через Гурьев английское командование направило 16 орудий и 15 тыс. снарядов.

Именно в это время (летом 1919 г.), когда закончилась Уфимская операция и шли бои на Урале, активизировались белоказачьи части в Оренбургско-Уральском районе. От Оренбурга враг находился в непосредственной близости, а Уральск оказался в осаде. Но Фрунзе был уверен, что рабочий класс этих городов поможет их военным гарнизонам выстоять, выдержать осаду в то время, когда шли бои на направлении главного удара. Так оно в конце концов и случилось. Но Троцкий и главком Вацетис подняли настоящую панику, сомневаясь в том, что двинутая Фрунзе на помощь осажденному Уральску 25-я дивизия справится с противником.

Член Реввоенсовета республики С. И. Гусев, высоко ценивший военный талант Фрунзе, его партийность и принципиальность, направил в адрес Реввоенсовета Восточного фронта телеграмму: «В четверг (3 июля.— *Л. П.*) заседание ЦК, Лев (Троцкий.— *Л. П.*) настаивает на возврате к старому и развивает бешеную агитацию против Востфронта, усиленно напирая на три положения: 1) Колчак безнаказанно удрал; 2) Востфронт выдохся; 3) на правом фланге Востфронта уже катастрофа... Подробно сообщите, что есть у нас на правом фланге, что будет в ближайшее время, на что вы рассчитываете. Ильич настаивает на этом»[1].

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, с. 230.

На запрос Ленина об оценке обстановки Фрунзе отвечал: «Операциям противника на Уральском фронте, в частности в районе Николаевска, мной уделялось и уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге». Он объяснял успехи противника на этом фронте только тем, что против белых действовали слабые, подчас плохо вооруженные части, поскольку лучшие силы были отвлечены на уфимское направление. Он доложил Ленину, что заканчивает сосредоточение 25-й дивизии и приступает к решительной операции в направлении Уральска в надежде освободить его и весь север области через 10—14 дней [1].

Через 10 дней, точно в назначенный Фрунзе срок, ударная группа Чапаева освободила Уральск от осады. В тот же день, 11 июля, Фрунзе сообщил Ленину: «Сегодня в двенадцать часов снята блокада Уральска. Наши части вошли в город».

В дальнейшем войска 4-й армии (командарм Г. К. Восканов) продолжали активные боевые действия против уральского белоказачества, стремясь к его разгрому и овладению территорией края к югу от реки Урал.

Действовавшей на правом крыле Туркестанского фронта 11-й армии Фрунзе поставил задачу нанести вспомогательный удар в целях содействия 9-й и 10-й армиям Южного фронта в освобождении Царицына, чтобы предотвратить возможность объединения деникинских войск с белоказаками Дутова и Толстова и оттянуть на себя силы, направленные против особой группы Южного фронта (9-й и 10-й армий).

Действовавшей на левом крыле фронта 1-й армии (командарм Г. В. Зиновьев) М. В. Фрунзе поставил задачу в короткий срок овладеть районами Орска и Актюбинска.

Таким образом, каждой из трех армий фронта Фрунзе определил конкретные задачи, решение которых вело к осуществлению общей стратегической цели: разъединению сил врага и разгрому их по частям.

М. В. Фрунзе потребовался месяц, чтобы разгромить Южную армию колчаковцев, несмотря на то, что она и

---

[1] См.: М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. М., 1941, с. 181—182.

по численности, и по военно-технической оснащенности, и по количеству конных подразделений значительно превышала 1-ю армию Туркестанского фронта.

В процессе Орско-Актюбинской наступательной операции действовала целая система оперативных соединений, созданных по замыслу Фрунзе,— ударные и сковывающие. Плотность живой силы и огневых средств ударных групп превышала эти показатели у сковывающих: в пехоте — в два, в коннице — более чем в три, в пулеметах — в три, в артиллерии — в два раза. Кроме того, в состав ударных групп были включены бронепоезда, бронеотряды, авиация [1].

Кроме тщательной оперативной подготовки разгрома Южной армии Колчака, Фрунзе уделял большое внимание политико-воспитательной работе в войсках фронта. При его участии ее проводили политические органы фронта, партийные организации и различные политико-просветительные учреждения. Так, политотдел 1-й армии только в период подготовки наступления — с 11 по 15 августа 1919 г.— напечатал в своей типографии более 300 тыс. экземпляров газет «Набат революции», «Сибирский коммунар», «Красная звезда», 60 тыс. листовок, 10 тыс. летучих листовок (однополосные газеты небольшого формата), свыше 160 тыс. экземпляров воззваний. В частях и подразделениях армии работали библиотеки, функционировали школы грамоты, клубы, различные художественные кружки, проводились концерты, лекции, беседы. В тот период в армии было создано 65 коммунистических ячеек. Все это повышало боеспособность армии, закаляло моральный дух бойцов. Обращаясь к воинам 1-й армии, Фрунзе писал: «Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой Рабоче-Крестьянской Красной Армии дал нам славные победы»[2].

В стремительном наступлении против Южной армии Колчака и белоказачьих частей Дутова 1-я армия Туркестанского фронта прошла три этапа. На первом (13—20 августа) она прорвала фронт противника на большую глубину — до 100 километров, рассекла его

---

[1] Военно-исторический журнал, 1940, № 3, с. 37.
[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 211.

надвое, не дала противнику закрепиться, организовать оборону, хотя он пытался это сделать на высотах между реками Урал и Сакмара, нанесла мощный удар, в результате которого противник понес большие потери в живой силе и технике, но главное потерял веру в победу. Началось массовое дезертирство, сдавались в плен.

М. В. Фрунзе очень внимательно следил за ходом наступления, требовал высоких его темпов, окружения и уничтожения подразделений противника. На втором этапе (20 августа — 2 сентября) он уделял особое внимание операциям по перехвату путей отхода дутовцев, поддержанию высоких темпов наступления кавалерийских частей, поставив задачу «...возможно более быстрого захвата Орска»[1].

На этом этапе наступления была осуществлена координация действий 1-й армии Туркестанского фронта с действиями войск Туркестанской республики, с командованием которого была установлена радиосвязь.

Войска Актюбинского (Северо-Восточного) фронта Туркестана в это время находились в районе станции Аральское море, расположенной севернее Казалинска. На группу войск этого фронта Фрунзе возлагал главную задачу по окончательному разгрому белоказачьих частей и соединению войск Красной Армии с Туркестаном.

24 и 25 августа в результате ожесточенных боев на оборонительном рубеже противника по реке Илек его сопротивление было сломлено, части окружены. 29 августа Красная Армия освободила Орск, а 2 сентября — Актюбинск. Через несколько дней свыше 20 тыс. солдат и офицеров противника, окруженных советскими войсками, сложили оружие.

30 августа 1919 г. Фрунзе направил в Ташкент главкому войск Туркестана радиограмму, в которой поставил его в известность о победоносных боях против Южной и Уральской армий противника. Он также сообщил, что противник решил отступать на Казалинск, чтобы выйти к берегам Аральского моря и Красноводску на соединение с англичанами. Для недопущения этого и окончательного уничтожения остатков разбитых бело-

---

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Сборник документов. М., 1972, т. 2, с. 534.

гвардейских банд Фрунзе приказывал: «Первое. 1-й армии со всей энергией продолжать безостановочное преследование противника, имея ближайшей задачей овладение районом Ташкентской железной дороги до ст. Челкар включительно и городами Иргиз и Тургай. Учитывая слабую населенность края и огромные расстояния, преследование организовать по преимуществу кавалерией, использовав для этого все наличные силы конницы в виде компактной массы. При проведении операции вовремя стремиться охватить пути отступления к югу, для чего усилить Актюбинскую группу и форсировать ее продвижение; принять все меры к скорейшему восстановлению телеграфной железнодорожной связи в тылу армии.

Второе. Главкому войск Туркестана немедленно усилить во что бы то ни стало из резервов, а также из других направлений Казалинскую группу и перейти в наступление, имея в виду ближайшей целью занятие и прочное закрепление за нами ст. Аральское море, и далее продвижение вперед, навстречу войскам 1-й армии»[1].

На третьем, завершающем, этапе Орско-Актюбинской операции была решена главная ее задача — Туркестанская республика навсегда соединилась с Российской Советской Федеративной Социалистической республикой. 12 сентября 1919 г. в телеграмме в штаб Туркестанского фронта Фрунзе писал: «Южная армия противника, преграждавшая пути в Туркестан, разгромлена окончательно, нами взято свыше 45 тыс. пленных и масса трофеев»[2].

На следующий день на станции Мугоджарская железнодорожной линии Оренбург — Ташкент, связывающей Советскую Россию с Туркестаном, войска 1-й армии встретились с советскими войсками Туркестана, 14 сентября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Сейчас получено сообщение о соединении войск 1-й армии с Туркестаном... Войска Туркестанского фронта поздравляют Вас и Республику с этой радостной вестью»[3].

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 206.

[2] Там же, с. 208.

[3] Там же, с. 209.

7 октября 1919 г. Фрунзе обратился к войскам Туркестанского фронта: «Вы, доблестные войска 1-й армии, многомесячными усилиями в бездорожном районе, через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где ваши братья вели упорную борьбу за свою свободу... С напряженным вниманием и надеждой следила за вашими успехами вся Советская Россия, со страхом и трепетом следили за вами и наши враги — империалистические государства, чувствуя, что с вашей победой вольются нам новые силы, что мы несем освобождение нашим далеким братьям...»[1].

Эта высокая оценка ратных дел воинов 1-й армии стала для них огромным моральным стимулом в дальнейшей борьбе. Кроме того, по представлению Фрунзе Совет Рабоче-Крестьянской обороны принял постановление, подписанное В. И. Лениным: «В возмещение затрат, связанных со стремительным наступлением в районе, бедном путями и средствами сообщения, выдать всему составу 1-й армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад жалованья»[2].

Много внимания М. В. Фрунзе уделял важнейшей военно-экономической проблеме — восстановлению железнодорожной магистрали Оренбург — Ташкент, главным образом на участке Оренбург — Актюбинск. В телеграмме Ленину от 16 сентября 1919 г. он писал: «Разрушения, произведенные на железнодорожном участке Оренбург — Актюбинск, требуют громадных усилий. Одних мостов разрушено сто десять»[3]. И тут же предложил вести восстановительные работы одновременно на нескольких участках, начать заготовку топлива. Из Оренбурга и других городов прибывали ремонтные бригады. Работа их требовала не только трудовых усилий, но и бесстрашия и мужества — постоянной была опасность налетов со стороны недобитых белогвардейских и белоказачьих банд. Особой работоспособностью отличался ремонтный поезд дорожного мастера Ивана Федотчева. А когда было нужно, мастер — бывший

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 211.
[2] Там же, с. 210.
[3] Там же с. 211—213.

красногвардеец и рабочие-ремонтники брали в руки оружие. Через месяц после начала работ 11 октября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Месячная упорная работа по восстановлению линии Оренбург — Актюбинск восьмого сего месяца закончена, ...открыто сквозное движение Оренбург — Ташкент. На ст. Оренбург из Туркестана прибыл поезд с хлопком»[1].

Поздравить победителей приехал в Оренбург председатель ВЦИК М. И. Калинин. Он выступил на торжественном заседании представителей партийных, советских и профессиональных организаций.

Доходчиво, просто Михаил Иванович говорил о роли пролетариата в ожесточенной классовой борьбе с врагом, особо остановился на пролетариате Оренбуржья, напомнил о решениях VIII съезда партии по крестьянскому вопросу: о союзе пролетариата с самыми широкими массами трудового крестьянства. М. И. Калинин говорил о необходимости по отношению к национальным меньшинствам — башкирам, киргизам, казахам — проявлять величайшую осторожность, чуткость, но при этом предупреждал не забывать об интернациональных задачах пролетариата и его партии. В заключительном слове М. И. Калинин, обращаясь к представителям казахского народа, сказал: «Мы принимаем вас как родных братьев великой трудовой семьи, и те горести, поражения и радости побед, которые выпадут на долю русского народа, они также будут чувствоваться и вашим башкирским, киргизским народами»[2].

Трудно переоценить значение этого выступления для партийных, политических, профсоюзных, просвещенческих кадров, для всех, кто вел политико-воспитательную работу на фронте и в тылу. В этот приезд Калинин много общался с Фрунзе, они близко узнали друг друга, хотя были знакомы еще с IV съезда партии. И не случайно, в дальнейшем, будучи командующим Южного (против Врангеля) фронта, Фрунзе просил Центральный Комитет партии прислать М. И. Калинина для выступлений среди бойцов и командиров.

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 211.

[2] Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919). Оренбургское книжное издательство, 1958, с. 331—332.

После разгрома Южной армии Колчака и Оренбургского белоказачьего войска перед Фрунзе в качестве наиглавнейшей встала задача разгрома Уральской белоказачьей армии генерала Толстова. 18 октября В. И. Ленин обратился к нему с требованием все внимание уделить не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков [1].

Особенно трудное положение сложилось в районе действий 4-й армии, когда белоказакам удалось прорвать фронт и зайти в тыл красных войск, угрожая Уральску. Упорные оборонительные бои длились с 4 по 25 октября. Фрунзе развернул работу по организации помощи 4-й армии: в ее состав влились части 1-й армии, формировались воинские соединения из местного населения, прибывали части из фронтовых резервов. Главная опасность заключалась в том, что белоказаки рвались к Волге, чтобы соединиться с деникинскими войсками. У противника были определенные преимущества: в его войсках было значительно больше конницы, что позволяло ему широко использовать маневр, его армия была достаточно хорошо вооружена, так как (об этом говорилось выше) получала оружие, боеприпасы от англичан через Гурьев. И все же, измотав противника в двухнедельных ожесточенных оборонительных боях, Фрунзе перешел к осуществлению наступательных операций.

26 октября он подписал директиву командармам 1-й и 4-й армий, в которой сформулировал главную задачу наступления: «Дабы лишить противника возможности организоваться и продолжить сопротивление, необходимо теперь же отбросить его в степи, заняв всю населенную полосу по обоим берегам Урала»[2]. В этой же директиве был дан план перегруппировки войск, создания ударных групп и указаны направления наступления. Главными из них были: на Лбищенск и Джамбейтинскую ставку.

Выполнение задачи, поставленной Фрунзе в директиве от 26 октября 1919 г., было сопряжено с большими трудностями — много сил приходилось отдавать Южно-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 62.
[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 226.

му фронту: туда направлялись крупные воинские соединения, которые Фрунзе предполагал после разгрома армии генерала Белова использовать в борьбе против уральского белоказачества; не хватало боеприпасов, особенно патронов; бойцы были плохо одеты; свирепствовал тиф. Начинались холода. Но несмотря на все трудности, в 4-й армии шла активная подготовка к разгрому врага.

В. И. Ленин очень внимательно следил за развитием борьбы в Уральской области. 2 ноября он телеграфировал Фрунзе: «Борьба с уральскими казаками затягивается. Не вижу, чтоб принимались меры ликвидировать этот фронт поскорей, несмотря на то, что я от Вас требовал все свое внимание сосредоточить на этом. Сообщаю, что противник усиливается, используя передышку, которую вы ему дали, стремясь закончить дело только примирением...»[1]

М. В. Фрунзе сразу же ответил: «Передышки уральским казакам не давалось. Закончить дело примирением никогда не думал, ибо всегда была ясна необходимость нанесения первоначального военного удара. Меры, принятые к этому, сводятся к сосредоточению на уральском участке достаточных для этого сил»[2]. Далее Фрунзе ставит Ленина в известность о причинах задержки в перегруппировке сил и говорит о том, что помощь Центра совершенно недостаточна (высшее военно-политическое руководство в республике осуществлял в то время, как известно, Троцкий, а он был крайне не расположен к М. В. Фрунзе. Недаром в свое время С. И. Гусев назвал их антиподами).

Со второй половины ноября началось стремительное наступление ударных групп в направлениях, указанных в директиве Фрунзе от 26 октября. В результате 20 ноября был занят Лбищенск, 21 ноября — Джамбейтинская ставка.

Кроме военно-оперативного руководства Фрунзе уделял большое внимание политико-воспитательной работе в наступающих частях Красной Армии и в войсках противника. 9 декабря 1919 г. он обратился к уральско-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 80.
[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 336.

му казачеству: «Уральцы! ...Не пора ли вам понять, что та правда, за которую лили свою кровь вы,— правда помещика, кулака, заводчика,— не ваша правда.

Не пора ли понять, что вам, потомкам прежних вольнолюбивых борцов за мужицкие права, не место в лагере тех, кто хочет затянуть петлю на шее проснувшихся к новой жизни рабочих и крестьян.

Взгляните, чего вы добились, пойдя по зову своих атаманов войной против великой рабоче-крестьянской семьи.

Ваши поля и станицы заброшены, население вымирает от голода и болезней, вся жизнь останавливается. А что сделали вы с Россией? Вы отрезали ее от хлопка и нефти, отдали в руки английских разбойников Бакинский район, вы оставили этим города и села России без одежды, света и топлива... вы сделали этим имя «казак» ненавистным каждому рабочему и крестьянину.

Этого ли вы хотели, уральцы?

Пора опомниться: пора пойти по стопам оренбуржцев и сибирцев, бросивших лагерь врагов и поднявших советское знамя.

Слово за вами, уральцы!»[1]

Далее Фрунзе в своем обращении говорил о том, что всем казакам, иногородним, командному составу, признавшим Советскую власть и передавшим в ее руки оружие и военное снаряжение, гарантируются полная личная независимость и забвение всех проступков. Всем им будет оказана помощь в скорейшем восстановлении жилищ и разоренных войной хозяйств.

За несколько дней до обращения «К уральскому казачеству» Совет Народных Комиссаров по докладу Фрунзе о бедственном положении населения Уральской области принял постановление, в котором предложил ряду наркоматов принять в порядке особой срочности меры по облегчению положения населения области и по устройству беженцев, возвращающихся в свои станицы. Совнарком принял решение отпустить на эти цели в распоряжение Реввоенсовета Туркестанского фронта 100 млн. рублей.

Обращение «К уральскому казачеству» и включен-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 243.

ное в него постановление СНК от 7 декабря 1919 г. были широко распространены среди казаков и сыграли огромную роль в борьбе с уральской контрреволюцией.

Особо пристальное внимание В. И. Ленина к работе М. В. Фрунзе по руководству наступлением против белоказачьих частей армии Толстова было связано с решением чрезвычайно важных общегосударственных экономических проблем. Армия Толстова захватила территорию, богатую нефтью, а Советская республика нуждалась в ней до крайности. Ведь основные нефтеносные и угольные районы были в то время от нее отторгнуты белогвардейцами и интервентами. В. И. Ленин с горечью говорил: «...у нас не бывает заседания Совета Народных Комиссаров или Совета Обороны, где бы мы не делили последние миллионы пудов угля или нефти...»[1]

После того, как Красная Армия овладела Лбищенском и Джамбейтинской ставкой, Фрунзе поставил перед 4-й армией задачу продолжать наступление по берегам Урала, оттесняя противника в безлюдные степи, а перед 1-й армией — выйти к Каспийскому морю (устье Эмбы) и овладеть нефтяными промыслами. 5 января 1920 г. Фрунзе телеграфировал Ленину: «Уральский фронт ликвидирован».

В тот же день Фрунзе поздравил с победой войска 4-й армии: «Сердечно поздравляю геройские войска 4-й армии и их доблестное командование. Ни недочеты снабжения, ни ужасающие условия борьбы в пустынных и безводных местностях, ни страшные действия тифа, уносившего из наших рядов сотни и тысячи честных борцов, не удержали их стремительного удара. Гурьев взят, и красное знамя смотрится в волны Каспийского моря...»[2].

25 января 1920 г. Фрунзе со штабом фронта выехал из Самары в Ташкент, где с ноября 1919 г. работали его заместитель Ф. Ф. Новицкий и члены Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышев и Ш. З. Элиава.

Имя Михаила Васильевича неразрывно связано с борьбой за установление и упрочение Советской власти

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 357.
[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 248.

в Средней Азии и Казахстане. В своей автобиографии он писал: «...Оставаясь командующим армиями Туркестанского фронта, был назначен членом комиссии ВЦИК... а также членом комиссии ЦК РКП(б) по делам Туркестана».

Туркестанская комиссия ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР была создана Центральным Комитетом партии в конце сентября 1919 г. В ее состав вошли крупные государственные, партийные и военные деятели: Ш. З. Элиава, Г. И. Бокий, Ф. И. Голощекин, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, М. В. Фрунзе. Создавая комиссию, ЦК партии учитывал сложность и специфику обстановки в Туркестане. Наиболее сложным и трудным вопросом, решать который предстояло комиссии, ЦК РКП(б) считал национальный.

В постановлении ЦК партии, подписанном Лениным 8 октября 1919 г., по этому поводу говорилось: «Самоопределение народов Туркестана и уничтожение всякого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой... служит руководящим началом во всей работе... Только такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»[1].

Другим очень важным документом было письмо В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана». В ноябре 1919 г. Владимир Ильич писал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысячи миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»[2]. Именно тогда у Ленина возникла идея, которую он сформулировал несколько позднее, на II конгрессе Коминтерна, о возможности перехода к социализму минуя

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, с. 227.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

капитализм. Ленин говорил на одном из заседаний конгресса, что «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1].

Это важнейшее теоретическое положение получило дальнейшее развитие в выступлении Ленина на III конгрессе Коминтерна. «Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение,— отмечал Владимир Ильич.— Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов,— фактически громаднейшее большинство населения земного шара,— сейчас выступают как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо бóльшую революционную роль, чем мы ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы... подошли к подготовке этой борьбы»[2].

Мысль о том, что помощь победившего рабоче-крестьянского государства слабым угнетавшимся народам в их борьбе за освобождение является важнейшим фактором их победы, сочеталась у В. И. Ленина с мыслью о том, что борющиеся за свободу народы колоний должны оказывать поддержку и доверие пришедшим им на помощь победившим пролетариям. В своем письме к коммунистам Туркестана Ленин просит с величайшим доверием отнестись к Туркестанской комиссии и строго соблюдать ее директивы.

Туркомиссия была наделена большими полномочиями. Опираясь на данные ей права, комиссия очищала парторганизации от шовинистических и националистических элементов, распускала те из них, в которых было их засилье, проводила перерегистрацию членов партии, боролась за единство партийных рядов.

С приездом в Ташкент Михаила Васильевича Турк-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

комиссия впервые собралась в полном составе, обсудив сложные вопросы о «тюркской республике» и «компартии тюркских народов», которые вызвали большие трения уже на V краевой конференции РКП(б). 23 февраля 1920 г. М. В. Фрунзе выступил на заседании комиссии, подвергнув суровой критике «теорию тюркской нации», отметив, что она основана на реакционной идее пантюркизма и отвергает право на национальную независимость казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркмен. Комиссия решила сохранить единую интернациональную Компартию Туркестана и Туркестанскую АССР. ЦК РКП(б), В. И. Ленин поддержали это решение, приняв в последующем ряд постановлений, которые определяли основные задачи партийного и государственного строительства в крае и пути их решения.

Отметим, что Михаил Васильевич хорошо знал историю народов Средней Азии, их обычаи. В свое время он познакомился с обширной библиотекой известного ученого Пояркова, с сыном которого учился в гимназии. Особенно Фрунзе интересовала историческая и военная литература. Причем он не просто читал, а изучал глубоко и серьезно. Историю края и его народов М. В. Фрунзе знал не только по книгам. Еще юношей вместе с друзьями путешествовал по землям Туркестана: проехал и прошел три тысячи километров. Да и сам он был уроженцем Семиречья. Родился Михаил Васильевич в небольшом городке Пишпеке. Отец его, молдаванин по национальности, был фельдшером в местной амбулатории, мать — русская, из семьи переселенцев из Воронежской губернии. В Пишпеке прошло детство. Киргизский и казахский языки стали для Фрунзе такими же родными, как и русский, а позднее он говорил и по-узбекски, и по-татарски. Юность его прошла в Верном. Была она трудной, так как отец умер рано, и Михаил зарабатывал на жизнь уроками.

Будучи учеником Верненской гимназии Фрунзе приобщился к марксизму. Особо заинтересовался политической экономией, поэтому и выбрал для дальнейшей учебы экономическое отделение Петербургского политехнического института. «Ты спрашиваешь, почему на экономическое отделение?— пишет Фрунзе старшему брату Константину Васильевичу.— Милый Костя, экономика — это основа всего! Мы будем с тобой лечить

больного, а через год или через месяц он погибнет от голода, от грязи, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений ни у кого, никогда...» В этом же письме Фрунзе четко определил свою жизненную программу: «глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — жить его мыслями и надеждами и в корне переделать все...»[1].

Не менее важным документом, характеризующим Фрунзе как человека высокой цели, кристально честного, волевого, является его письмо матери, написанное после 9 января 1905 г. Потрясенный событиями Кровавого воскресенья, он писал: «...Отдаю всего себя революции. Не удивляйся никаким вестям обо мне. Путь, выбранный мною, не гладкий»[2].

Поступив в 1904 г. в Петербургский политехнический институт (позднее, уже будучи на нелегальном положении, он сдаст экзамены за четыре курса института, вызвав восхищение профессуры глубиной знаний), Фрунзе включился в революционную работу и в ноябре 1904 г. вступил в партию большевиков, а с начала 1905 г. перешел на нелегальное положение. Со всей страстью незаурядной натуры, с глубокой убежденностью в справедливости и правоте идеи научного коммунизма отдавался он партийной работе.

В годы первой русской революции М. В. Фрунзе по воле партии — в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Здесь Трифоныч, а затем Арсений (партийные клички Фрунзе) стал одним из руководителей знаменитой Иваново-Вознесенской стачки, в ходе которой был создан первый в России Совет рабочих депутатов.

Здесь впервые развернулся огромный пропагандистский и организаторский талант Фрунзе. Он становится душой Иваново-Вознесенской стачки и ее фактическим руководителем. Здесь же Михаил Васильевич впервые приобщился к боевой работе партии. С дружиной ивановских и шуйских рабочих он сражался на баррикадах

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Жизнь и деятельность. М., 1962, с. 12.
[2] Там же, с. 15.

Пресни. Много лет спустя, когда Фрунзе возглавит Вооруженные Силы Советского государства, станет начальником Генерального штаба Красной Армии, начальником первой военной советской академии (ныне академия имени М. В. Фрунзе), его однажды спросят, где он — вождь Красной Армии — получил военное образование. Он ответит, что первой ступенью обучения была боевая работа в годы первой русской революции.

В 1906 г. ивановские большевики выбрали его на IV съезд РСДРП, где он встретился с Лениным. Арсений Арсеньев (под таким именем проходит в документах съезда Фрунзе) был самым молодым среди делегатов, но он привлек внимание Ленина — ведь этот юноша был одним из руководителей Иваново-Вознесенской стачки, державшейся 72 дня, как и Парижская Коммуна. Оценивая стачку, Ленин писал: «Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих»[1]. Думается, среди причин, породивших эту высокую политическую зрелость ивановских ткачей, деятельность Фрунзе занимала далеко не последнее место. И в том, что сама парторганизация края выросла в 1905—1906 гг. в 11 раз, а в Шуе — почти в 20 раз, тоже была заслуга Фрунзе.

В марте 1907 г. Арсений был арестован. Царизм жестоко и беспощадно мстил революционеру: суд дважды приговаривал его к смертной казни, замененной за недостаточностью улик и в связи с ростом общественного возмущения десятью годами каторги. Фрунзе прошел через самые страшные тюрьмы России — Владимирский, Николаевский и Александровский каторжные централы. И здесь, в условиях поистине кошмарных, он не утратил человеческого достоинства, остался верен своим идеалам.

С началом первой мировой войны Фрунзе был осужден на вечное поселение в Сибирь, откуда бежал в 1915 г. и по заданию партии с 1916 г. под фамилией Михайлов вел революционную работу в войсках Западного фронта, сопряженную для него с величайшей опасностью. С октября 1917 г. и до отъезда на фронт Фрунзе вновь связал свою жизнь с рабочим классом ситцевого края.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 314.

В конце 1918 г. ЦК партии направил Фрунзе командующим 4-й армии Восточного фронта. С первого же дня пребывания в Ташкенте Михаил Васильевич начал работать и как политик, государственный деятель, дипломат, отлично знающий особенности края. Ведь речь шла не только о военном разгроме белогвардейцев и интервентов, но и о развитии революции в Средней Азии.

22 февраля 1920 г. М. В. Фрунзе обратился к войскам Туркестанского фронта: «В беспримерно тяжелых условиях, отрезанные отовсюду и лишенные братской помощи рабоче-крестьянской России, отбивая бешеные атаки врага извне и внутри, вы были стойкими часовыми революции здесь, в Туркестане. Совместно с войсками Центральной России вы ликвидировали Актюбинский фронт и восстановили связь с центром. Вы разгромили контрреволюцию в Закаспии и разбили грабительские планы английских хищников, протягивающих свои лапы к Туркестану. Вы крепко держали знамя революции в Фергане, разрушая козни врагов трудового народа, работающих здесь на английские деньги.

Вы без различия языка, религии, национальности объединились в братский военный союз рабочей, крестьянской и дехканской бедноты и спасли положение. Вы заслужили величайшую признательность социалистического Отечества и пролетариата всего мира».

В этом же приказе Фрунзе обратился к бойцам Красной Армии, пробившимся на соединение с туркестанскими войсками, пришедшими из России в Туркестан, чтобы помочь его народам в трудной борьбе с белогвардейцами, интервентами и басмачами: «Приветствую вас как старых боевых соратников и горжусь тем, что и здесь, в долинах и горах Ферганы, в степях и пустынях Закаспия, вы с честью поддержали свою боевую славу»[1].

Приказ стал документом большой мобилизующей силы: он разъяснял и утверждал ленинские идеи интернациональной солидарности народов, единство целей

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 273.

борющихся с врагами революции воинов Красной Армии и красных воинов Туркестана.

Трудные и затяжные бои на Закаспийском фронте, целью которых было освободить от интервентов и белогвардейцев Красноводск, заметно активизировались после того, как по указанию Фрунзе все войска, действовавшие на красноводском направлении, были сведены в 1-ю Туркестанскую стрелковую дивизию и вошли в состав Закаспийской армейской группы. Фрунзе предложил усилить ее за счет привлечения в Красную Армию трудящихся из коренного населения. Руководить дивизией было поручено Г. В. Зиновьеву и члену Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышеву. 6 февраля 1920 г. Красная Армия освободила Красноводск, при этом отличился 2-й Туркестанский коммунистический полк. Красноводская и Челекенская нефть стала советской. Напомним, что в январе 4-я армия освободила Эмбинский нефтеносный район. Так, под непосредственным руководством Фрунзе была решена важнейшая общегосударственная задача: Советская республика получила большие запасы столь необходимой ей нефти.

В начале марта 1920 г. Фрунзе приступил к подготовке ликвидации белогвардейской контрреволюции в Семиречье*. До этого борьба советских войск против белогвардейских в Семиречье была длительной и трудной. Сюда отступили после нанесенного 1-й армией удара части колчаковской Южной армии, банды атаманов Дутова и Анненкова. К ним отовсюду стекались белогвардейские офицеры и буржуазно-кулацкие элементы. В занятых районах Семиречья атаманы установили кровавый режим белого террора.

Для борьбы с контрреволюцией в Семиречье еще в ноябре—декабре 1919 г. была создана 3-я стрелковая дивизия Туркестанского фронта. В нее вошли части советских войск Семиречья, которые комплектовались в свое время без достаточного учета классового принципа, были засорены классово-чуждыми, главным образом кулацкими элементами, что резко снижало боеспособность этих войск.

---

* Семиреченская область с центром в городе Верном включала в себя частично земли Южного Казахстана и частично Киргизии.

Готовясь к разгрому контрреволюционных сил в Семиречье, Фрунзе прежде всего изучил, тщательно проанализировал состояние войск Семиреченского фронта и пришел к выводу о необходимости срочно провести реорганизацию войск: очистить их от классово чуждых элементов, укрепить дисциплину, строго наказывать тех, кто мешает проведению этих мер, повысить ответственность командиров и комиссаров, развернуть политико-воспитательную работу в войсках.

Одновременно М. В. Фрунзе потребовал усилить агитацию среди противника, привлекая на сторону Советской власти трудовое казачество. Развернулась просветительная работа и среди населения, изживались ошибки, допущенные советскими органами в национальной политике.

2 марта 1920 г. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев обратились с воззванием к семиреченскому казачеству и таранчинскому народу (уйгурам). Это воззвание было переведено на несколько языков коренных народов Туркестана и широко распространено среди населения, а также войск противника. Листовки с текстом воззвания разбрасывались с аэропланов непосредственно в местах расположения врага.

В воззвании М. В. Фрунзе с присущим ему талантом агитатора-коммуниста с глубоко партийных позиций разъяснял населению Семиречья важнейшие вопросы политики большевистской партии и Советской власти, говорил о разгроме Колчака, Деникина и Юденича, о победе над войсками интервентов, т. е. формировал в сознании самых широких масс, сбитых с толку враждебной информацией или просто несведущих, убеждение в прочности, справедливости и силе Советского государства и его армии. Фрунзе призывал семиреченское казачество прекратить кровопролитную тяжбу, сдать оружие и признать Советскую власть. Всем, кто откликнется на этот призыв, Фрунзе как командующий Туркестанским фронтом и как сын Семиречья* гарантиро-

* Упоминание о том, что он сын Семиречья, имело огромное не только политическое, но и психологическое значение, оно сразу как бы сокращало расстояние между командующим фронтом и всеми семиреченцами — он свой, земляк.

вал личную неприкосновенность и безопасность, прощение их проступков против Красной Армии, а также и помощь хозяйственному устройству на равных с прочим населением края условиях.

Воззвание возымело действие. Многие из тех, кто вступил в белогвардейские войска под влиянием враждебной пропаганды, обмана или просто недоразумения, переходили на сторону Советской власти, а подчас «перекладывали ружье с одного плеча на другое». Но уходили рядовые казаки, белогвардейское же командование отказалось принять условия, изложенные в воззвании. Поэтому командование Туркестанского фронта отдало приказ 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, возглавляемой И. П. Беловым, о наступлении в район Капал-Лепсинск с тем, чтобы соединиться с Сергиопольской группой войск Восточного фронта, сыгравшей большую роль в предотвращении попыток семиреченской контрреволюции соединиться с колчаковскими войсками.

Наступление, предпринятое 4 марта, не принесло ожидаемого успеха. Требовалось время для претворения в жизнь указаний Фрунзе о реорганизации войск Семиреченского фронта, укреплении среди них дисциплины, повышении уровня идейно-политической работы в войсках. Старые подразделения, не оправдавшие себя в боях, или расформировались, или пополнились новыми силами, создавались новые полки и роты, их усиливали прибывавшим в дивизию вооружением. Фрунзе отдавал все новые распоряжения: просил штаб фронта связаться с Тухачевским, с тем чтобы он перебросил от Семипалатинска на Сергиополь* подвижной отряд (об этом у Фрунзе была с ним договоренность). Убедившись в недостаточности этой меры, Фрунзе просит Главкома Красной Армии передать Сергиопольскую группу ему в подчинение как командующему Туркестанским фронтом. Приказом Главкома от 18 марта просьба была удовлетворена.

Словом, М. В. Фрунзе уделял максимум внимания подготовке операции на Семиреченском фронте, и не только с точки зрения оперативной, военной, но и с точки зрения организационной и политико-воспитательной. О военно-организаторском даровании великого

* Ныне ст. Аягуз.

советского полководца М. Н. Тухачевский писал: «В операциях, руководимых Фрунзе, во всех элементах ее замысла и исполнения обращает на себя особое внимание тщательная подготовка операции и твердое управление ею»[1].

При подготовке к наступлению Фрунзе потребовал повысить ответственность командиров и комиссаров за выполнение порученных им операций и за состояние политико-воспитательной работы среди красноармейцев в их подразделениях. Укрепив положение в армии, он 21 марта отдал приказ начать решительное наступление в Северном Семиречье против войск Дутова и Анненкова. Части 3-й Туркестанской дивизии наступали в направлении Капал—Абакумовская — Лепсинск; войска Сергиопольской группы — на Абакумовскую, чтобы соединиться с частями дивизии И. П. Белова и по Чугучакскому тракту наступать на укрепление Бахты. 27 марта укрепление было взято. Атаман Дутов с остатками своих войск бежал за кордон.

Тогда же велось наступление на Уч-Арал — ставку атамана Анненкова. Под натиском Красной Армии Анненков со своим штабом и остатками войск отступил к китайской границе. Отступая, он оставлял страшные следы: сожженные села и аулы, убитых ни в чем не повинных мирных жителей. А на самой границе в узкой горной долине атаман, собрав всех оставшихся, предложил тем, кто не хочет пойти с ним, оставить оружие и вернуться домой. Большинство пожелало остаться на родине. Атаман напутствовал: с богом. Но когда они подошли к узкому переходу, зажатому горами, на них обрушился перекрестный свинцовый ливень — пулеметы строчили с обеих сторон. Атаман остался верен своим повадкам.

29 марта капитулировал гарнизон Капала, под натиском Красной Армии сдались в плен белогвардейские части в районе Капал — Лепсинск. Семиреченский северный фронт был ликвидирован. О победе Фрунзе сообщил Ленину.

Труднее было справиться с басмачами. Это контрреволюционное, по своей классовой природе феодальное

---

[1] *М. В. Фрунзе.* Воспоминания друзей и соратников, с. 237.

движение активно поддерживала внутренняя политическая реакция в лице крупной буржуазии, землевладельцев-баев и мусульманского духовенства, а также международная реакция в лице, прежде всего, английского империализма, снабжавшего басмачей деньгами, оружием, инструкторами. Служили басмачам и русские белогвардейцы. Опираясь на темноту, невежество, безграмотность крестьянских масс, басмачи, скрывая свое контрреволюционное нутро, называли себя «защитниками ислама», «борцами за веру», «поборниками национальных прав», разжигая тем самым религиозный фанатизм и национальный шовинизм. К 1920 г. разрозненные банды басмачей объединились в крупные отряды, возглавляемые такими, получившими известность своим вероломством и жестокостью предводителями, как Куршириат, Мадаминбек, Иргаш, Халходжа и другие.

С приездом в Ташкент Михаила Васильевича Фрунзе борьба с басмачеством поднялась на новую ступень. В марте 1920 г. Фрунзе предпринял инспекционную поездку: побывал во многих гарнизонах вплоть до Красноводска на западе и Кушки на юге. Особое внимание он уделил Ферганской области, где наиболее активно действовали басмачи: посетил Фергану, Коканд, Андижан, Ош, Наманган; повсюду проводил смотры воинских подразделений, знакомился с командным составом, оснащенностью войск техникой и т. д.

Каждый такой смотр заканчивался выступлением Фрунзе перед бойцами и командирами инспектируемых войск. Так, выступив в Намангане (март 1920 г.), Фрунзе особо отметил благородную роль Красной Армии, освобождающей народы Средней Азии от террора басмачей. «Но нам еще предстоит,— говорил он,— завоевать доверие и любовь людей, ради счастья которых мы несем великие жертвы... Пусть видит мусульманская беднота, что Красная Армия — не просто военная сила, а опора и надежная сила народа»[1]. Во время этой поездки Фрунзе пришлось участвовать в схватке с басмачами, которые напали на поезд командующего, и лишь его беззаветная личная смелость, умение ориентировать-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 209.

ся в обстановке и организовать людей обеспечили победу.

Отчитавшись перед В. И. Лениным о своей поездке, о состоянии подразделений Красной Армии в различных частях Туркестана, М. В. Фрунзе приступил к решению следующих задач: подготовке командных кадров, совершенствованию морально-политической работы в армии, улучшению военно-технического оснащения. По каждому из этих пунктов Фрунзе разработал целую систему мер. Например, подготовку комсостава армии он предложил организовать с помощью создания в ряде городов края трехмесячных курсов, а в Ташкенте при Государственном университете — военного факультета. Особое внимание Фрунзе уделял подготовке национальных военных кадров. При Ташкентской пехотной школе для их обучения было создано отделение на 200 человек. Для тех, кто не знал русского языка, были организованы подготовительные курсы, для тех же, кто не знал одного из местных языков, по предложению Фрунзе в программу военно-учебных заведений вводилось его обязательное изучение. Михаил Васильевич считал, что коммунист обязан знать язык того народа, среди которого он работает.

Под непосредственным руководством М. В. Фрунзе в армии широко развернулась политико-воспитательная работа: политотделы, партийные организации, культурно-просветительные учреждения знакомили красноармейцев с политико-экономическим состоянием и социально-бытовыми условиями жизни местного населения. Особое, можно сказать определяющее значение в политико-воспитательной работе в войсках и с населением Фрунзе придавал разъяснению и претворению в жизнь ленинских принципов национальной политики. Большую известность приобрел его приказ о военных действиях против басмачей от 23 мая 1920 г. В нем в доступной для самых широких масс трудящихся форме раскрывалась суть национальной, социальной и военной политики Советской власти и ее армии. «Товарищи! — говорилось в приказе, — я... как ваш командующий, требую, чтобы каждый своим действием, каждым поступком, как отдельные красноармейцы, так и целые части, внушали населению любовь и доверие к Красной Армии... Требую, чтобы не слезы и горе, а радость и

благодарность оставляли вы за собой... чтобы вами оказывалась всяческая помощь и содействие трудовому населению области без различия национальности. Только таким путем мы дадим понять мусульманской бедноте, что Красная Армия не враг, а опора и защитник ее»[1].

Большое значение для успешной борьбы с басмачеством имела деятельность Фрунзе по созданию национальных воинских формирований. Определенный опыт в этом отношении Фрунзе уже имел. В ходе борьбы с Колчаком на Восточном фронте были созданы и успешно действовали в составе Красной Армии татарские и башкирские воинские подразделения.

Как известно, казахи, киргизы, узбеки и другие народы, населяющие Среднюю Азию и нынешний Казахстан, в царскую армию не призывались. Такая политика царизма унижала так называемые нацменьшинства, являлась выражением недоверия к ним, их неравноправия, так как защита Родины — это не только обязанность, но и великое право народа отстаивать свою независимость.

Летом 1920 г., выполняя приказ командующего фронтом о призыве коренных жителей Туркестана в Красную Армию, трудящиеся края пополнили ее состав на 31 тыс. человек. Цементирующей силой этих пополнений стали 500 коммунистов из местных национальностей, направленных в формируемые воинские части. Эти части сыграли большую роль в разгроме басмачества.

Разрабатывая тактику борьбы с басмачами, Фрунзе говорил: «Трудность не в военном преодолении врага, это для нас не очень трудно, трудность в том, чтобы все многочисленное мирное трудовое мусульманство поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним — священная задача всей мусульманской бедноты...»[2]

Партийные, советские органы и командование Туркестанской армии развернули борьбу с басмачеством по нескольким направлениям. Как уже говорилось, главным из них была разъяснительная работа среди коренного населения. Была изменена тактика военных

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 307—309.
[2] Там же, с. 308.

операций: создавались летучие отряды красной конницы, которые быстро появлялись в селениях и гарнизонах, подвергшихся нападению басмаческих банд. Делалась ставка не на вытеснение, изгнание их, а на их окружение и уничтожение. Использовал Фрунзе и такой тактический прием, как заключение соглашений с отдельными руководителями отрядов басмачей, которые изъявляли готовность признать Советскую власть. Это приводило к расколу в самом басмаческом движении.

Важным этапом борьбы с контрреволюцией в Туркестане стало народное восстание в Бухаре, поддержанное войсками Туркестанского фронта. Незадолго до этого Фрунзе перевел свой штаб из Ташкента в Самарканд, чтобы быть в непосредственной близости от главного района борьбы и оперативно руководить ею. Несмотря на то, что армия эмира в четыре раза превосходила по численности наступающие части Красной Армии, последним удалось в ходе стремительного охватывающего броска нанести сильный удар по войскам противника. Часть их укрылась, казалось бы, в неприступной крепости. По приказу Фрунзе начался ее штурм. Наступательный порыв частей Красной Армии был так силен, что сопротивление противника было сломлено. Бухара стала советской. 2 сентября 1920 г. Фрунзе телеграфировал Ленину: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства»[1].

Через неделю М. В. Фрунзе обратился к своим боевым товарищам по Туркестанскому фронту с прощальным приказом. «До сих пор,— говорил он,— все чаяния наших врагов разбивались о великую стойкость рабочих и крестьян. До сих пор попытки удушения нашей Революции кончались крахом. Иначе и быть не могло, ибо безмерны запасы энергии, таящиеся в недрах народа, борющегося за свою свободу и лучшую жизнь»[2].

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 330.

[2] Там же, с. 334.

Революционер, ученый пропагандист

Семнадцатого марта 1921 г., на следующий день после завершения X съезда РКП(б), состоялось первое заседание Оргбюро Центрального Комитета партии с участием делегатов съезда от партийных организаций Казахского края. Оргбюро, членом которого был секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский, обсудило вопрос о созыве первой партийной конференции Казахстана. Было признано необходимым созвать такую конференцию, а дату проведения поручили определить работникам временного руководящего партийного центра молодой казахской республики — Кирпартбюро. Спустя четыре дня, 21 марта, Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило состав Кирпартбюро и по его предложению установило примерную дату первой областной партийной конференции Казахстана — июнь 1921 г.

Через неделю Оргбюро ЦК РКП(б) вновь вернулось к проблемам казахстанской партийной организации. Учитывая необходимость ускоренными темпами преодолеть имевшиеся настроения местничества, разного рода уклоны в национальном вопросе, Оргбюро по рекомендации Политбюро ЦК партии решило направить в Казахстан специальную партийно-государственную комиссию. Председателем ее был утвержден секретарь ЦК РКП(б), член ЦК партии и ВЦИКа, большевик с 1898 г. Емельян Михайлович Ярославский.

Почему ЦК партии направил в Казахстан столь представительную делегацию, да еще во главе с секретарем ЦК? Выше уже отмечалось, что обстановка в крае была невероятно сложной. Прошло всего восемь месяцев после публикации ленинского декрета о создании Казахской (Киргизской) АССР. В состав Казахстана вошли области, на протяжении десятилетий экономически и культурно связанные с различными районами страны: Оренбургская и Тургайская губернии — с Южным Уралом, Акмолинская и Семипалатинская — с Западной Сибирью, Уральская губерния и Букеевская орда — с Поволжьем, Адаевский уезд — с Закаспием. Большинство местных партийных работников получило политическую подготовку в рядах партийных организаций Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири. Молодой республике недоставало кадров. Коммунисты коренной национальности, выходцы из полупролетарских слоев сохраняли тягу к родовым связям и зачастую представляли общеказахстанские проблемы сквозь призму интересов того или иного района края.

Тяжелым было и экономическое положение. Семь военных лет, да еще прямые военные действия 1918—1920 гг., протекавшие на территории Уральской, Оренбургской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской губерний, нанесли тяжелый удар по промышленности, сельскому хозяйству, транспорту. Посевные площади в 1920 г. сократились более чем вдвое по сравнению с 1913 г., а поголовье скота, главного источника существования кочевого и полукочевого населения,— на 20 процентов. Не хватало хлеба, спичек, мыла, керосина, мануфактуры.

Даже распределение промышленных товаров, поступавших из центра, вызывало сложные трения, не говоря уже о конфликтах с сибирскими, туркестанскими, поволжскими учреждениями по вопросам землепользования, перевозок, поставок сырья, подготовки кадров и т. д.

Учитывая, что все крупное тысячами нитей связано с мелким, повседневным, ЦК РКП(б) направил в Казахстан такой состав комиссии, который мог решить все вопросы.

Протокольная запись заседания ВЦИК лаконична: «1. Назначить комиссию под председательством чле-

на ВЦИК тов. Ярославского в составе тт. Исматулина и одного представителя от НКВД для поездки в Киргизскую республику с заданием разрешить на месте все конфликтные вопросы, вызывавшие недовольство киргизского населения.

2. Сложные территориальные вопросы между Астраханским исполкомом и Киргизской республикой разрешить на основании декрета об образовании Киргизской республики во время третьей сессии ВЦИК»[1].

До отъезда в Оренбург Емельян Михайлович занимался проблемами, связанными с осуществлением курса X съезда РКП(б). Усвоение его стратегии и тактики на местах шло не просто. Для одних были неясны временные рамки, для других — связь нэпа с национальным вопросом, третьи не могли найти соответствующие новым условиям стиль и методы работы партийных, советских и хозяйственных органов.

Центральный Комитет партии 26—28 мая 1921 г. созвал очередную X партийную конференцию. Е. М. Ярославский принял в ее работе самое деятельное участие. Он беседовал с делегатами из Сибири, Казахстана, Урала, Поволжья и других районов страны. И в выступлениях, и в беседах Емельян Михайлович неизменно проводил ленинские идеи о сущности и задачах партии по реализации курса нэпа. Для него, партийного организатора и пропагандиста, в разъяснении тех или иных вопросов главными правилами всегда были большевистская честность и ясность. О необходимости постоянно следовать им Ярославскому, как и другим коммунистам, постоянно напоминал В. И. Ленин. Там, на конференции, касаясь болезненного для многих партийцев вопроса о сроках нэпа, Владимир Ильич заявил: «„Всерьез и надолго" — это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько...»[2].

Немного раньше, в письме коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики, Ленин разъяснил соответствие основных положений нэпа национальной политике партии [3].

[1] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 38, д. 30, л. 4.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 329.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 198—200.

На конференции Владимир Ильич объяснил, каким должен быть стиль работы в новых условиях: правильное понимание курса партии, знание дела, плановость, живая личная связь с трудящимися, поддержка нового, передового, творчество и деловитость, правильный подбор и расстановка кадров.

Материалы конференции и прежде всего ленинские выступления стали руководством для Ярославского и других членов партийно-советской комиссии, которые через несколько дней после ее завершения отправились в тогдашнюю столицу Казахстана — Оренбург.

Прямо с вокзала Е. М. Ярославский с курьером направил в Кирпартбюро, СНК Казахской АССР, Оренбургский губком РКП(б) и губисполком следующее письмо: «Извещаю Вас, что сегодня, 8 июня, прибыл в Оренбург по поручению ЦК партии и ВЦИК. Мне поручено на месте ознакомиться со сложными вопросами, требующими авторитетного решения как в области партийного, так и советского строительства, и помочь советским и партийным органам КССР решить эти вопросы на месте.

В числе членов Полномочной комиссии, утвержденной ЦК РКП(б) и ВЦИК, прибыли тов. Попов — член коллегии Наркомвнутдела и тов. Исматулин — от Наркомнаца.

Просьба: определить в ближайшие дни ряд конкретных вопросов, требующих скорого решения, и сообщить нам ваши предложения в письменном виде. Особенно было бы желательно в этих целях (использовать) созванную в Оренбурге областную партконференцию и сессию КЦИК. Просьба передать настоящее предложение отделам.

Секретарь ЦК, член ВЦИК *Ярославский*

Члены Полномочной комиссии
по делам КССР *Попов, Исматулин»*[1].

9 июня 1921 г. Е. М. Ярославский направил в редакции партийно-советских газет Оренбурга письмо, в котором говорилось, что Комиссия по делам Казахстана приступила к работе и ждет от всех заинтересован-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 99, д. 107, л. 148.

ных лиц и учреждений деловых и конструктивных предложений. «По всем спорным вопросам, требующим принципиального решения Центра, заявления и материалы можно направлять по адресу: Оренбург, Киргизское партийное бюро ЦК РКП. Полномочная комиссия по делам Киргизской Советской Социалистической Республики»[1].

В тот же день Емельян Михайлович направил специальное письмо в Кирпартбюро. В нем говорилось, что делом огромной важности является вопрос «о проведении в жизнь постановлений X съезда РКП по национальному вопросу». Емельян Михайлович известил членов Кирпартбюро, что в дополнение к прежним совещаниям по национальному вопросу (как, например, I Всероссийское совещание 1—2 января 1921 г., которое ЦК партии проводил с представителями тюркских народов страны) будут проводиться новые, в том числе и с делегатами предстоящей областной партийной конференции. Чтобы заранее учесть ряд важных технических деталей, желательно располагать ответами на вопросы специальной анкеты. Проект такой анкеты, составленной Ярославским, прилагался. В заключение Емельян Михайлович писал: «Если найдете необходимым, добавьте к анкете дополнительные вопросы»[2].

Под руководством Е. М. Ярославского широко развернулась подготовка к открытию I Казахстанской партийной конференции. Было решено начать ее 11 июня, включить в повестку 12 вопросов. Первым шел доклад Е. М. Ярославского о решениях X Всероссийской партийной конференции. Тем самым сразу определялись стратегия и тактика действий: осуществление нэпа, его связь с решением национального вопроса и перестройка применительно к этому всей партийной работы. Емельян Михайлович отметил, что на опыте партийных организаций Казахстана ЦК партии делает первую попытку подытожить, насколько коммунисты на местах правильно усвоили программу партии по национальному вопросу, насколько они «правильно проводят наши постановления, имеющие целью организацию Советской власти и проведение коммунистических на-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 99, д. 107, л. 144.
[2] Там же, л. 145.

чал в особенных бытовых и социально-экономических условиях Киркрая».

Особое внимание Я. М. Ярославский обратил на подготовку кадров партийных работников казахской национальности; указал на опасность чрезмерного наплыва в партию мелкобуржуазных элементов. В условиях преобладания крестьянства главной опорой должны оставаться рабочие, и задача партийных организаций — превратить небольшие островки пролетариата края в действительные центры влияния на окружающую массу.

С особой гордостью Емельян Михайлович говорил о том, что партия накопила, хотя и небольшой, но важный опыт осуществления национальной программы. Образование ряда автономных республик, в том числе и Казахской, доказывает всему миру, «что не только в теории, но и на практике РКП дает наиболее радикальное и единственное правильное решение национального вопроса»[1].

В день открытия конференции, 11 июня 1921 г., газета «Коммунар», орган Оренбургско-Тургайского губкома РКП(б), дала ряд сообщений под общим заголовком «Около Кирпартконференции». В первом сообщении говорилось, что конференция «откроется в субботу, 11 июня, в пять часов вечера в помещении клуба им. тов. Свердлова». Одновременно указывалось, что для удобства делегатов и гостей Кирпартбюро в дни работы конференции будет выпускать специальные «Бюллетени». Для тех, кто стремился наиболее подробно познакомиться с опытом постановки партийной работы в различных районах края, немалый интерес представляла информация об открытии специальной выставки с материалами, раскрывающими состояние партийной работы в республике.

Утром 12 июня по заданию ВЦИК Е. М. Ярославский вручил рабочим Оренбурга высшую награду Советской республики — Памятное Красное знамя ВЦИК,— которой они были удостоены за героическую оборону города от дутовско-колчаковских войск в апре-

---

[1] Протоколы Первой областной Киргизской конференции РКП(б), 11—18 июня 1921 г. Алма-Ата—Москва, 1935 г., с. 11.

ле — мае 1919 г. Он говорил: «ВЦИК поручил мне вручить Почетное Красное знамя оренбургским пролетариям. Они его заслужили своей исключительной, самоотверженной, героической борьбой за Советскую власть в такое время, когда так много было сомневающихся в победе...»[1].

Вечером того же дня в партийном клубе им. Свердлова I Казахстанская конференция продолжила свою работу. Е. М. Ярославский сделал доклад о ходе и решениях X Чрезвычайной Всероссийской партийной конференции. Он особо подчеркнул, что ЦК партии встревожен слабым усвоением курса нэпа и X партконференция поставила задачу изучить, как усвоены и поняты партийными работниками на местах решения по вопросам новой экономической политики. Е. М. Ярославский специально зачитал делегатам первого форума коммунистов республики решение X партийной конференции: «Коренная политическая задача момента состоит в полном усвоении и точном проведении всеми партийными и советскими работниками новой экономической политики.

Эту политику партия признает установленной на долгий, рядом лет измеряемый период времени и требует от всех проведения ее с безусловной тщательностью и добросовестностью»[2].

Е. М. Ярославский беспокоился и о том, что органы печати республики, в частности Оренбурга, недостаточно разъясняют и популяризируют новую экономическую политику, что даже коммунисты часто недооценивают ее значение.

В ходе конференции Емельян Михайлович неоднократно выступал с разъяснением тех или иных аспектов практики партийного строительства, чтобы помочь делегатам постоянно поддерживать работу конференции в деловом ритме. Он подверг острой критике недостаточное внимание ответственных работников Акмолинского и Семипалатинского губкомов партии к организации идейно-разъяснительной работы в ауле и деревне, слабое привлечение женщин в ряды РКП(б).

---

[1] Коммунар, 1921, 12 июня.
[2] См.: Протоколы Первой областной Киргизской конференции РКП(б), с. 13.

При деятельной помощи Емельяна Михайловича были отредактированы тексты резолюций и постановлений партконференции, ставшие программой действий для коммунистов республики.

Вечером 18 июня Е. М. Ярославский выступил на заключительном заседании конференции, призвав делегатов, избранные ими руководящие партийные органы Казахстана к дружной и энергичной работе. Он вновь напомнил о необходимости учета особенностей республики, изыскания дифференцированного подхода к работе в ауле, селе, казачьей станице. Долг коммунистов республики, как подчеркивал Емельян Михайлович, считать первоочередной задачей борьбу с уклонами в национальном вопросе. Акцентируя внимание на необходимости борьбы с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, Е. М. Ярославский исходил не только из данных анализа работы конференции. Он знал Казахстан. Когда Емельян Михайлович стал секретарем Сибирского областного бюро ЦК РКП(б), ему пришлось вплотную заниматься проблемами Степного края, особенно работой среди кочевого и полукочевого населения Семипалатинской и Акмолинской губерний.

Назначение Е. М. Ярославского в Сибирь было продиктовано рядом обстоятельств. Огромный край, только что освобожденный от колчаковцев, переживал бурный процесс восстановления аппарата Советской власти. Вышедшие из подполья партийные организации разворачивали работу в гуще масс. Полтора года существования контрреволюционного режима отразились не только на экономике. Требовалось недюжинное умение поставить на соответствующий уровень агитационно-пропагандистскую и массово-разъяснительную работу. К тому же в партийные и советские органы большинства районов Сибири влилось немало армейских коммунистов, принесших с собой не только дух убежденности и страстности, но и элементы военного подхода к решению большинства вопросов. В аппарате Сибревкома, губревкомов и губисполкомов оказалось много тех, кто получил назначение от И. Н. Смирнова, бывшего руководителя Сиббюро ЦК РКП(б), ставшего председателем Сибревкома. Мало кто из этих людей знал, что И. Н. Смирнов, деятельный и умный организатор, в идейном плане все больше сползал на позиции

активного проводника линии Троцкого. Требовалось укрепить партийно-советский аппарат Сибири такими работниками, которые могли бы быстро и умело нейтрализовать вышеуказанные отрицательные моменты. Одним из них стал Е. М. Ярославский. Уже простой перечень занимаемых им должностей показывал, насколько широким оказался круг вопросов, которые оперативно решал Емельян Михайлович. Член Сиббюро ЦК РКП(б), а затем его секретарь, заведующий агитационно-пропагандистским отделом Сиббюро и заведующий отделом национальных меньшинств, член Сибревкома, член коллегии Сибполитпросвета, редактор общекраевой газеты «Советская Сибирь» и член редколлегии газеты «Деревенская правда». Однако не успел он окунуться в гущу дел, как пришлось выехать в Москву на IX съезд партии, на котором единодушно был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б).

По возвращении в Омск Емельян Михайлович участвовал в мероприятиях по реализации решений IX партийного съезда. Многие из них касались ускорения подъема экономики северо-восточных районов Казахстана, активного вовлечения в восстановление промышленности, транспорта, сельского хозяйства широких масс тружеников аула, села, города. Вместе с тем Ярославский значительную часть времени уделял партийной пропаганде. На страницах «Советской Сибири» — органа Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома — 20 апреля 1920 г. он опубликовал передовую статью «Что должны делать коммунисты», где раскрыл суть решений партсъезда.

23 апреля газета напечатала статью Е. М. Ярославского «Ильич». В ней Емельян Михайлович рассказал о жизни основателя пролетарской партии и Советского государства *, популярно изложил основы ленинского

---

* Е. М. Ярославский обращался к теме ленинской биографии и ранее. Известно, что 25 апреля 1917 г. в якутской газете «Социал-демократ» был помещен подготовленный им биографический очерк о В. И. Ленине под заглавием «Ленин (Влад. Ильин, К. Тулин) — Владимир Ильич Ульянов». (См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973, т. 4, с. 126.

учения, взгляды вождя рабочих и крестьян на вопросы восстановления и развития народного хозяйства, вовлечения масс в социалистическое строительство.

В этом же номере были опубликованы ленинские работы: статья «От разрушения векового уклада к творчеству нового», выдержка из доклада на VIII съезде РКП(б) о работе в деревне, заключительная часть речи на I Всероссийском съезде трудовых казаков и «О национальной гордости великороссов».

Как пропагандист и партийный журналист Е. М. Ярославский хорошо понимал значимость публикации ленинских материалов. Поэтому он стремился к тому, чтобы читатели «Советской Сибири» могли непосредственно познакомиться с докладами, статьями, речами и другими документами В. И. Ленина. В целом за 1920 и начало 1921 гг. было опубликовано 20 ленинских работ.

1 Мая 1920 г. в столице Советской Сибири — Омске, как и в целом по стране, в соответствии с решениями IX съезда РКП(б) проходил субботник. Секретарь Сиббюро Е. М. Ярославский сделал все, чтобы превратить его в настоящий праздник пролетарского интернационализма. В одном из отчетов говорилось, что дружно работали представители разных народов: русские, латыши, венгры, татары, киргизы (казахи).

Е. М. Ярославский часто встречался с представителями различных казахстанских делегаций, приезжавших в Омск на съезды, конференции, совещания для решения тех или иных проблем. Во время таких встреч он уделял особое внимание уяснению обстановки на местах, взаимоотношениям между казахами и русскими. Как результат этих встреч на страницах «Советской Сибири» появлялась информация о положении в Петропавловске, Атбасаре, Кокчетаве, Акмолинске, Павлодаре, Каркаралинске, Зайсане, Усть-Каменогорске, Кокпектах... о работе партийных организаций среди молодежи, женщин, жителей села, аула.

Е. М. Ярославский был хорошо осведомлен о подготовительной работе Наркомнаца и Кирревкома по созданию казахской советской государственности. Чтобы дать партийно-советскому активу казахских областей Сибири более полное представление о ней, Емельян Михайлович просил выступить в газете члена

коллегии Наркомнаца (бывшего замнаркома) и руководителя Кирревкома С. С. Пестковского, рассказать, как развертывается процесс советского строительства в различных районах Казахстана. Статья «Киргизы и Советская власть» была помещена в «Советской Сибири» 12 мая 1920 г.

Спустя полмесяца (27 мая) в газете появилось выступление, посвященное будущности казахского народа. Материалом для статьи «Среди красных киргиз» послужили сведения о работе съезда казахских и русских трудящихся Каркаралинского уезда. Посланцы аулов и сел приняли резолюцию, в которой горячо приветствовали Советскую власть и единодушно решили «подтвердить от имени киргиз и крестьян уезда необходимость автономного устройства киргизского края на началах федерации; приложить все усилия к пробуждению сознания киргизской бедноты и приобщению ее к мощной семье труда; положить конец произволу и насилиям со стороны степных кулаков и буржуазии».

В июле 1920 г. с участием Е. М. Ярославского при отделе народного образования Сибревкома был создан подотдел просвещения национальных меньшинств, а 14 августа при Сибревкоме — отдел национальностей, в коллегию которого среди других вошел и Емельян Михайлович.

В одном из подготовленных Сибревкомом документов говорилось: «Привлечение национальных меньшинств к активному советскому строительству, непосредственное их участие в этом строительстве на деле докажет им, что Советская власть... есть родная власть для всех трудящихся без различия национальностей. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы, на территории которых живет та или иная национальная группа в большинстве, составлялись по возможности из подходящих местных людей, знающих быт, нравы, обычаи и язык местного населения, необходимо, чтобы в эти советские институты привлекались лучшие люди трудовых масс данной национальности»[1].

Накануне объявления ленинского декрета о созда-

---

[1] См.: *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917—1923 гг. Новосибирск, 1983, с. 194—195.

нии Казахской Советской республики по поручению Е. М. Ярославского в «Советской Сибири» 24 августа публикуется статья председателя Омского губисполкома, члена партии с 1906 года Е. Полюдова «Киргизская республика». Хорошо знавший жизнь казахского аула автор отразил наиболее важные моменты того времени. Небезынтересно отметить, что за три недели до статьи Е. Полюдова в «Советской Сибири» (1920, 2 августа) была помещена большая передовая «Пробудите киргизский край». Е. М. Ярославский в это время участвовал в работе II конгресса Коминтерна. Ему удалось встретиться с представителями различных делегаций братских партий. Наиболее часто Емельян Михайлович бывал на заседаниях секции, где рассматривались национально-колониальные проблемы. Он вновь и вновь убеждался, что иного, чем предложил В. И. Ленин, пути решения национального вопроса нет.

Как секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский уделял много внимания партийной работе в местных организациях. По его инициативе в течение 1920 г. в аппарате Сиббюро состоялось несколько совещаний партийных работников. Группы сотрудников аппарата Сиббюро и Омского губкома партии были направлены в уезды, в том числе казахстанские, для оказания практической помощи. Отметим, что только Омский губком выделил для казахстанских районов 132 партийно-советских работника.

В сентябре 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) в специальном циркуляре потребовало от партийных организаций Сибири существенно усилить работу среди мусульманского населения. Было создано несколько специальных комиссий, рассмотревших пути и методы активизации партийно-советской работы среди казахского, татарского, бурятского, якутского населения. Эти же вопросы были подняты на проходившем в сентябре в Омске совещании казахских коммунистов, где рассматривались вопросы организации политико-массовой работы в аулах. Ярославский принимал самое активное участие в решении национального вопроса. Он, уроженец Забайкалья, хорошо знал особенности взаимоотношений различных народов. Ведь с самого детства на родине — в Чите — Емельян Михайлович видел совместный подневольный труд русских и бурят, знал, как

относились к коренным забайкальцам чиновники царской администрации и лучшие представители рабочих и трудовой интеллигенции.

Ярославский родился 19 февраля 1878 г. Его отец, Губельман Израиль, был неплохим скорняком, много занимался и земледелием. Многочисленное потомство (тринадцать детей) требовало немало сил, чтобы обеспечить их самым элементарным. Мать, простая баргузинская крестьянка, кроме работы по дому, трудилась поденщицей у кулаков.

С девяти лет Емельяну пришлось работать сначала в переплетной мастерской, затем в аптекарском магазине «мальчиком». В переплетной он много читал. Это позволило экстерном сдать экзамены за четыре класса гимназии.

Двадцатилетним Емельян переехал в Нерчинск — крупный центр политической каторги и ссылки. Здесь он познакомился с революционерами, передовыми рабочими, железнодорожниками, там же вступил в члены РСДРП и создал первый социал-демократический кружок, став профессиональным революционером, хотя на первых порах продолжал работать переписчиком у адвоката, чертежником, разнорабочим на строительстве Сибирской железной дороги. Он много работал, чтобы помочь материально семье, потерявшей главного кормильца — отца.

Три года (1899—1901) Ярославский служил рядовым стрелкового пехотного полка. Демобилизовавшись, переехал в Читу, где работал чертежником, репортером, домашним репетитором, занимался переводами. Двадцать лет спустя, в 1922 году, он, заполняя анкету ЦК РКП(б), сказал о себе: «Могу быть столяром-мебельщиком, полировщиком, рисовальщиком, выжигателем по дереву... фармацевтом, чернорабочим, педагогом, переводчиком, чертежником»[1].

По поручению партийной организации Читы в 1901 г. Ярославский в качестве сопровождающего больную революционерку выехал с конспиративным поручением за границу. Явки в Берлине и Париже позволили ему наладить необходимые контакты с политической эмиграцией, центрами по транспортировке нелегальных

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 7, л. 1—4.

изданий в Россию. Домой, в Забайкалье, он привез большое количество марксистской литературы, главным образом издания ленинской «Искры». С 1901 г. Е. М. Ярославский не только читает «Искру», но и постоянно пишет для нее.

В апреле 1902 г. начинается новый этап революционной деятельности Ярославского: подготовка и выпуск написанных им социал-демократических листовок и воззваний. Часть из них была широко распространена накануне 1 Мая.

По заданию «Искры» Емельян Михайлович, объединив ряд действовавших в городе кружков, создал Читинскую социал-демократическую организацию и вошел в состав ее комитета.

Первомайские выступления 1902 г., множество листовок и прокламаций серьезно обеспокоили жандармерию. Хотя прямых улик против Ярославского охранка не получила, 16 мая арестовала его и три месяца он находился под следствием. Освободившись, Емельян Михайлович перешел на нелегальное положение и уехал из Читы.

Летом 1903 г. двадцатипятилетний Ярославский прибыл в столицу Российской империи Петербург. В социал-демократических кружках города появился пропагандист Владимир Семенович Лапин. За Нарвской заставой, на Васильевском острове по поручению Петербургского комитета РСДРП Лапин-Ярославский вел пропагандистскую и организационную работу: обличал самодержавие, пропагандировал идеи научного социализма, писал листовки: «К рабочим и работницам табачных фабрик», «К переплетчикам», «К картонажникам». Их тираж доходил до 10 тыс. экземпляров. Осенью этого же года Ярославский был кооптирован в состав Петербургского комитета РСДРП.

В период русско-японской войны Е. М. Ярославский разоблачал военную политику самодержавия. Особенно тщательно работал над листовками к 1 Мая. Однако праздник пролетарской солидарности Ярославский встретил в знаменитой пересыльной тюрьме, известной под названием «Кресты». 4 апреля 1904 г.— дата его второго ареста. Он просидел до конца года. Едва освободившись, Ярославский вновь окунулся в гущу собы-

тий, снова писал листовки, разъяснял ленинские статьи.

В первые дни января 1905 г. Емельян Ярославский на рабочих собраниях гневно разоблачал гапоновцев, убеждал не поклоняться царю, призывал готовить вооруженное восстание. Но когда рабочие колонны из всех частей столицы утром 9 января двинулись к Зимнему дворцу, Емельян Михайлович, как и другие большевики, пошел с демонстрантами и до последней минуты стремился предотвратить беду.

Кровавая расправа в воскресенье 9 января дала трудящимся тяжелый, но наглядный урок. Вопреки надеждам реакции репрессиями задавить революцию, сделать этот день апофеозом контрреволюции, он стал началом первой русской революции.

Вскоре Ярославский с товарищами по Петербургскому комитету партии приступил к созданию боевых сил народа, чтобы ответить ударом на удар царизма. Полиция обнаружила нелегальную квартиру, где укрывался Емельян Михайлович, и повела за ним почти открытую слежку. По решению комитета Ярославский переехал в Одессу, но и там нашли его. Последовал третий арест. Двери камеры распахнулись лишь после десятидневной голодовки-протеста.

После Одессы Емельян Михайлович работал в Туле, Костроме, Нижнем Новгороде, Москве, Ярославле. Именно там он обрел себе тот псевдоним, который навсегда стал его фамилией. Из Ярославля Емельян Михайлович был направлен на Первую (Таммерфорскую) конференцию РСДРП, обсуждавшую вопросы военно-боевой работы партии. Там, в небольшом финском городке, произошла его первая встреча с В. И. Лениным. «Я почувствовал,— писал Е. М. Ярославский,— что передо мной товарищ, который до тонкости знает всю нашу работу и серьезно ею интересуется. Владимир Ильич не довольствовался общими ответами, он хотел знать подробности, механику всей нашей работы, дальнейшие наши планы, наши связи»[1].

Таммерфорская конференция в связи с известием о начавшемся в Москве вооруженном восстании рабочих

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1969, т. 2, с. 235.

была прервана. Ее участники разъехались в важнейшие пролетарские центры страны, чтобы поднять массы и поддержать москвичей. Но известие о восстании пришло в Таммерфорс с некоторым опозданием и, когда Ярославский приехал в Москву, бои уже прекратились. Емельян Михайлович принял все меры к тому, чтобы, вопреки капитулянтам из рядов меньшевиков, восстановить московскую военную организацию. Учитывая, что ранее Московский комитет РСДРП недостаточно внимания уделял работе среди солдат, он организовал издание специального журнала «Жизнь солдата». Но полиция вновь напала на след Ярославского. 27 марта 1906 г. во время заседания конференции военных организаций Москвы жандармы схватили его. Он был заключен в Сущевский полицейский дом, но 2 апреля, т. е. через пять дней, бежал.

На нелегальной квартире Емельян Михайлович узнал, что рабочие Ярославля избрали его делегатом IV партийного съезда. С огромным трудом Ярославский, минуя полицейские и пограничные кордоны, добрался до Стокгольма. На съезде он вторично встретился с В. И. Лениным и активно выступил в поддержку Ильича. (В протоколах мы находим несколько выступлений Ярославского.)

По завершении работы IV (Объединительного) съезда РСДРП Емельян Михайлович решением большевистского Центра был направлен на юг страны для пропаганды ленинских идей. Николаев, Екатеринославль, Одесса... В Екатеринославле он задержался до осени 1906 г., затем на короткий срок выезжал в Сибирь. Возможно, Емельян Михайлович побывал и в Петропавловске, и в Омске, где довольно высок был накал революционной борьбы.

Из Сибири Ярославский возвратился в Москву, работал с представителями военных организаций, пролетарских дружин, готовил боевые отряды для новой схватки с самодержавием. С А. С. Бубновым и Н. И. Подвойским он выпускал большевистскую газету «Казарма».

В ноябре 1906 г. от Московской партийной организации Ярославский был делегирован на конференцию военных и боевых организаций партии, которая, как и Первая Всероссийская конференция РСДРП, проходи-

ла в Таммерфорсе. Вопреки меньшевистскому ЦК конференция приняла решение о развертывании военно-боевой работы партии. Наиболее активно выступал Е. М. Ярославский.

В состав избранного конференцией Временного бюро по руководству военными и боевыми организациями вошел и Емельян Михайлович.

Из Таммерфорса он отправился в Петербург, где по рекомендации большевистского Центра возглавил общегородской комитет военной организации. От нее в апреле 1907 г. Ярославский и был избран на V съезд РСДРП. Известно, что съезд ознаменовал победу большевистской линии в революции.

В конце мая, по возвращении со съезда в Петербург, полиция арестовала его. Вместе с 24 членами военной организации партии Емельян Михайлович был отдан под суд. Приговор был лаконичен: каторжная тюрьма. В 1912 г. он попал в родное Забайкалье в качестве узника Горно-Зерентуйского острога. Летом 1913 г. ссыльного Ярославского отправили на поселение в Якутск. Там его и застала весть о свержении самодержавия. Но уехал он из Якутска в Центральную Россию не сразу. Еще в 1914 г. вместе с В. П. Ногиным он основал якутскую партийную организацию, вовлек в ее ряды лучших представителей коренной национальности. В 1916 г. Ярославский с Г. И. Петровским и Г. К. Орджоникидзе создал в Якутске нелегальные молодежные кружки, где юноши получали первые уроки марксизма. Среди юных марксистов был и Максим Аммосов, в 30-е годы работавший в Казахстане секретарем Карагандинского обкома партии.

В Москву Е. М. Ярославский переехал в начале июля 1917 г. Он сразу включился в деятельность Московского бюро ЦК РКП(б), стал ответственным за выпуск органа Московского бюро ЦК — газеты «Социал-демократ». Эта газета стала как бы филиалом ленинской «Правды». Она пропагандировала ленинские работы, решения VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. Ее любили и с удовольствием читали не только в Москве и городах центральных промышленных районов, но и в Акмолинске, Петропавловске, Кустанае, Риддере. На нее подписывались большевики Семипалатинска, Перовска. Кстати, перовские

большевики, благодаря этой газете, сумели правильно определить свою политическую линию в сложные и трудные июльские дни. Об этом говорят их письма в редакцию «Социал-демократа» от 19 июля и 19 августа 1917 г. В первом письме, полном возмущения травлей большевиков со стороны правительства Керенского, буржуазии, меньшевиков и эсеров, члены перовской большевистской организации сообщали о своем решении «всемерно оказывать самую активную помощь Центральному Комитету в борьбе с нашими врагами, для чего рабочие отчисляют полудневной заработок. Солдаты 1-й Туркестанской роты произвели сбор в размере 24 руб. 40 коп., группа организует сбор среди туземного населения и, кроме того, в Совете рабочих депутатов имеются 160 руб., которые в ближайшие дни будут отправлены общей суммой в распоряжение Центрального Комитета»[1].

Газета «Социал-демократ» активно пропагандировала ленинскую национальную политику, страстно бичевала великодержавный шовинизм Временного правительства по отношению к народам национальных окраин. 18 августа газета опубликовала статью Е. М. Ярославского «Судьба Финляндии». Емельян Михайлович писал, что, вопреки решениям I Всероссийского съезда Советов, Керенский разогнал финский сейм, унизил и оскорбил национальные чувства финнов. В статье сообщалось, что партия большевиков решительно и открыто осуждает колонизаторскую политику Временного правительства. Большевики как партия революционного пролетариата заявляют, что они непоколебимо стоят за право наций на самоопределение и считают, «что узы международной солидарности народов Финляндии и России станут тем крепче, чем свободнее будет каждая страна в деле самоопределения».

Е. М. Ярославский стал одним из организаторов протеста московского пролетариата против решений так называемого Государственного совещания, на котором Керенский и Корнилов предложили и с помощью меньшевиков и эсеров узаконили новое наступление реакции против революционного народа.

---

[1] См.: Вопросы истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1967, вып. V, с. 69.

Голос 400 тыс. московских рабочих, осудивших планы контрреволюции, услышала вся страна. В Петропавловске, Кустанае, Черняеве прошли демонстрации и собрания протеста под лозунгами и призывами «Социал-демократа», чеканные строки которых формулировал Ярославский. 19 августа 1917 г. перовская большевистская организация писала в газету, что она учитывает события последних дней и ждет указания о том, как действовать в дальнейшем, просила регулярно присылать газеты.

Август и сентябрь — время, когда Е. М. Ярославский трудился по 16—18 часов в сутки. Пропагандист, агитатор, он стал одним из руководителей Московской партийной организации. В ее составе Емельян Михайлович занял по существу лидирующие позиции, хотя в то время в Москве работали такие замечательные большевики, как И. Ф. Арманд, Р. С. Землячка, М. М. Костеловская, В. П. Ногин, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович, А. Г. Шлихтер, П. К. Штеренберг и др.

В соответствии с ленинскими указаниями Е. М. Ярославский призывал московских большевиков усилить работу в деревне через солдат, используя для этого такую форму организации, как землячества. «Пусть вся Москва покроется сетью таких землячеств, чтобы в них кипела политическая жизнь, чтобы это кипение города передавалось наполовину еще мертвой, спящей деревне,— писал он в статье, опубликованной 16 сентября в «Социал-демократе». Пусть наши революционные лозунги как искры разбросаны будут во все уголки России, зажигая там жажду борьбы; пусть свет социалистического учения осветит убогую деревенскую жизнь, и на зов наш под знамя социализма мы соберем всех бедняков города и деревни».

С первых дней октября 1917 г. Е. М. Ярославский активно включился в подготовку вооруженного восстания. 22 октября в Москве открылась конференция большевистских военных организаций области, созванная Военным бюро при ЦК РСДРП(б). Около 100 делегатов, в том числе представители фронта, с большим интересом выслушали доклад Е. М. Ярославского о текущем моменте. Емельян Михайлович сказал, что наступил решающий момент в жизни страны и необходимо

лишить буржуазию власти, передав руководство страной в руки Советов; только эти органы народного волеизъявления в состоянии решить в интересах трудящихся вопросы о войне, земле, продовольственном снабжении.

Утром 25 октября заседание Московского комитета РСДРП(б) приняло решение о создании боевого центра по проведению вооруженного восстания. В его состав от Военного бюро вошел Е. М. Ярославский. На следующий день Емельян Михайлович решением Московского Военно-революционного комитета был назначен комиссаром Кремля и Арсенала.

В городе развернулись тяжелые кровопролитные бои, продолжавшиеся целую неделю. Рабочим и солдатам под руководством большевиков пришлось сразиться с мощным контрреволюционным отрядом. Его составили около 20 тыс. офицеров и юнкеров.

После того, как рабочие и солдаты под руководством большевиков разгромили белогвардейцев, Е. М. Ярославский целиком ушел в организаторскую работу.

Крайне тревожным для молодой Республики Советов был и февраль 1918 г. Германский империализм двинул свои полчища в наступление, и партия устами Ленина призвала трудящихся к защите социалистического Отечества. Как комиссар Московского военного округа Е. М. Ярославский организовал и направил на фронт первые отряды Красной Армии. Эта работа продолжалась и после того, как усилиями В. И. Ленина, ЦК партии удалось добиться тяжелого, унизительного, но крайне необходимого мира. Вырванная у империализма, благодаря Брестскому миру, передышка оказалась слишком кратковременной. В конце мая 1918 г. страна оказалась в огненном кольце фронтов. ЦК партии направлял Е. М. Ярославского на самые сложные участки.

В канун первой годовщины Великого Октября в Москву на I Всероссийский съезд Союза рабочей и крестьянской молодежи съехалось около 200 делегатов юношеских организаций из крупнейших губерний, областей и городов страны, свободных от интервентов и белогвардейцев. По личному поручению Ленина перед участниками съезда с докладом «О текущем моменте»

выступил представитель ЦК РКП(б) Емельян Михайлович Ярославский. Первый съезд комсомола в принятой по докладу Ярославского резолюции заявил, что революционная молодежь России выражает свою полную солидарность с рабоче-крестьянской властью в ее борьбе за коммунизм...

Тот факт, что именно Емельяну Михайловичу было поручено информировать I съезд РКСМ о наиболее важных моментах международного и внутреннего положения страны, помочь представителям партийной смены разобраться в сложнейших вопросах политической жизни страны, свидетельствует о многом. В. И. Ленин, ЦК партии несомненно учитывали опыт его работы с молодежью. Да и сам Емельян Михайлович охотно встречался с комсомольцами. И позднее, уже после гражданской войны, он не раз выступал на комсомольских форумах, приходил на собрания, вечера, приглашал комсомольцев к себе. Как вспоминал один из видных деятелей комсомола 20-х годов А. И. Мильчаков, Е. М. Ярославский, зная, что в среде комсомольских активистов бушуют споры по самым разным вопросам, с неизменным интересом, чуткостью и терпением выслушивал представителей разных точек зрения, помогал найти наиболее правильные решения. «...Ярославский очень оживлялся, когда кто-нибудь из нас заговаривал о книгах; он требовательно спрашивал, что мы читаем, как учимся марксизму-ленинизму. В его прекрасной библиотеке почетное место занимали произведения Маркса, Энгельса, Ленина»[1].

Июльские дни 1919 г. В. И. Ленин оценивал как самый критический момент для судьбы революции. Деникин подписал свою директиву о наступлении на Москву, Юденич рвался к Петрограду, тяжелые бои шли на Урале, в Оренбургских степях. Прифронтовая Саратовская губерния была ближайшим тылом для Южной группы войск Восточного фронта, где красные полки возглавлял легендарный полководец М. В. Фрунзе. Саратов обеспечивал всем необходимым Царицынскую группу войск. В такой сложный момент ЦК РКП(б) направил на работу в Саратов В. А. Радуса-

---

[1] *Мильчаков А.* Первое десятилетие. Записки ветерана комсомола. М., 1965, с. 36.

Зеньковича, Н. В. Крыленко, Е. М. Ярославского. Емельян Михайлович здесь не только руководил агиткомпанией по борьбе с кулачеством и дезертирством, но и возглавлял действия по наведению в прифронтовых уездах подлинно революционного порядка.

В сентябре 1919 г. Ярославскому поручают помочь срочно ликвидировать Чердынский эсеро-кулацкий мятеж, угрожавший превратить уже тыловую Пермскую губернию в новый опасный фронт. В тот год кулацкая верхушка пермских сел не раз причиняла беспокойство местным коммунистам, военным руководителям. Известна Пермская катастрофа, на разбор обстоятельств которой ЦК РКП(б) направил специальную комиссию во главе с И. В. Сталиным и Ф. Э. Дзержинским.

Емельян Михайлович задержался в Перми. Его избрали председателем губкома партии, он возглавил газету «Красный Урал» и вновь деятельно включился в пропагандистскую работу. Всего полгода пробыл Ярославский на Северном Урале. Но тот сдвиг, который произошел в партийно-советской работе губернии за время пребывания Емельяна Михайловича, многие коммунисты связывали с его именем. И перед отъездом Е. М. Ярославского губернская Чрезвычайная комиссия вынесла специальное решение: «Просить ВЧК ходатайствовать перед ЦК РКП(б) об оставлении тов. Ярославского для работы в Пермской губернии, т[ак] к[ак] Ярославский является единственной политической величиной, который пользуется громадной популярностью и авторитетом... среди широких масс рабочих и крестьян и также среди советских работников, поэтому является незаменимым работником в настоящее время»[1].

Но ЦК партии перебросило Е. М. Ярославского на другой, не менее важный участок партийной работы — в Омск, на должность члена и секретаря Сиббюро ЦК РКП(б), где он, как мы уже писали, проработал целый год до отъезда на X съезд партии.

Кстати, в это время шли бои по ликвидации опаснейшего Ишимско-Петропавловского мятежа. Делегатам пришлось ехать на съезд во всеоружии, прорывать-

---

[1] См.: *Савельев С. Н.* Емельян Ярославский — пропагандист марксистского атеизма. Л., 1976, с. 7—8.

ся с боями через занятые мятежниками станции и разъезды. Сибирскую делегацию возглавляли такие крупные деятели партии, как Данишевский, Попов, Ярославский. Учитывая сложное продовольственное положение столицы, делегаты привезли с собой подарок участникам и гостям съезда — вагон продуктов. Делегаты единодушно решили отдать продовольствие в столовую Коммунистического университета им. Свердлова.

X съезд начал свою работу 8 марта 1921 г. в обстановке, когда существенно обострилось положение и в стране, и в самой партии. Переход к миру начался в условиях необычайной по своим масштабам и глубине хозяйственной разрухи. В 1920 г. было выплавлено стали всего три процента от уровня 1913 г. Трудным было положение в угольной промышленности, на транспорте, резко упало производство продукции сельского хозяйства. Голод, болезни, усилившиеся во время первой мировой войны, терзали Советскую республику четвертый год. Уставшее от тягот разрухи, недовольное суровыми мерами политики военного коммунизма крестьянство испытывало большие колебания. В различных районах страны под руководством эсеро-кулацких деятелей прокатилась волна мятежей. Под влиянием всех этих неурядиц стали колебаться и отдельные члены партии. Образовались различные антипартийные платформы. В. И. Ленин в одном из выступлений на съезде с горечью отмечал, что ему, которому по должности надо бы все эти платформы знать и помнить, и то не удалось это сделать. Он призвал делегатов покончить с фракционностью, навести должный коммунистический порядок в своей партийной семье.

После вступительной речи В. И. Ленина начались непродолжительные, но острые прения по составу президиума. Емельян Михайлович выступил со списком, отражавшим мнение В. И. Ленина и его сторонников. Этот список и получил одобрение большинства.

Е. М. Ярославский принял самое активное участие в работе съезда. Он трижды выступал по обсуждаемым вопросам, два раза председательствовал, неоднократно включался в дискуссии с троцкистами, децистами и другими антипартийными, антиленинскими элементами. Очень дельным было его выступление на третьем заседании (9 марта 1921 г.), когда обсуждался отчет о

работе ЦК партии. Емельян Михайлович беспощадно вскрыл пустоту и беспринципность «рабочей оппозиции» и «демократического централизма».

Емельян Михайлович поддержал ленинское положение о том, что развязанная троцкистами профсоюзная дискуссия отвлекла партийный актив от решения сложных проблем внутренней политики. Он говорил, что сама обстановка острой дискуссии в среде коммунистов благоприятствует активизации политических противников большевизма и следом за так называемой «рабочей оппозицией» в партии может возникнуть крестьянская и что с этой оппозицией пришлось иметь дело работникам партийных комитетов Западной Сибири (и Северного Казахстана).

Опытный пропагандист и агитатор, Е. М. Ярославский с большим знанием дела выступил при рассмотрении вопроса о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии. Емельян Михайлович отметил, что некоторые пропагандисты недостаточно четко себе представляют позиции учителей, главным образом бывших членов мелкобуржуазных партий, или их сторонников, которые, пользуясь своей принадлежностью к политпросветучреждениям, по существу стремятся агитировать против Советской власти. Обращаясь к сторонникам «рабочей оппозиции», Е. М. Ярославский отметил, что задача состоит не в выдумывании новых методов пропаганды, а в политическом просвещении масс, и здесь, добавил он, следует сделать акцент не только на качество пропаганды, но и на расширение круга тех, кто должен составить объект пропаганды. Он особо подчеркнул необходимость углубить политико-просветительную работу в Красной Армии, деревне, среди рабочих.

На четырнадцатом заседании съезда — 15 марта — были оглашены результаты выборов в состав ЦК РКП(б). Среди избранных 25 членов ЦК был и Е. М. Ярославский. Пленум ЦК РКП(б) избрал Емельяна Михайловича на пост секретаря Центрального Комитета партии и ввел его в состав Оргбюро ЦК.

С середины марта 1921 г. и до отъезда в Оренбург Емельян Михайлович вел напряженную работу по реализации установок X съезда партии. В числе первоочередных забот были борьба за единство партийных ря-

дов, беспощадное разоблачение любых попыток оппозиционеров затормозить или сорвать реализацию решений съезда... Емельян Михайлович много времени и сил отдавал согласованию усилий различных ведомств по ликвидации политических и социальных причин эсеро-кулацких и иных антисоветских выступлений. Как член межведомственной комиссии по борьбе с политическим бандитизмом он оказывал действенную помощь партийным организациям Поволжья, Приуралья, Северного и Восточного Казахстана в разгроме и ликвидации последствий эсеро-кулацкого бандитизма.

Но одним из наиболее трудоемких участков его деятельности была пропаганда курса и сути новой экономической политики, принятой X съездом. Через месяц после партийного форума Е. М. Ярославский подготовил весьма объемистую и содержательную брошюру «О продналоге». 27 апреля Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос о командировании уполномоченных ВЦИК на места, поручило Оргбюро ЦК обязать командируемых популяризировать основные идеи новой экономической политики и продналога и рекомендовать Ярославскому активно использовать положения выходящей брошюры В. И. Ленина «О продовольственном налоге»[1], чтобы ускорить выход своей работы.

Емельян Михайлович добросовестно выполнил задание Политбюро, доработав брошюру в духе ленинских идей и обратился к Владимиру Ильичу с просьбой дать на нее отзыв. 8 мая 1921 г. В. И. Ленин, познакомившись с запиской Ярославского, оповестил руководство Госиздата, что брошюру распространить целесообразно [2].

Спустя неделю — 14 мая — В. И. Ленин, участвуя в заседании Политбюро ЦК РКП(б), дополнил повестку дня пунктом: «Брошюра Ярославского», что свидетельствует и о согласии Владимира Ильича с содержанием работы, и о высокой ее оценке [3].

27 мая В. И. Ленин вновь получил письмо секретаря ЦК РКП(б) Е. М. Ярославского с просьбой в заключи-

---

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1979, т. 10, с. 357.
[2] Там же, с. 393.
[3] Там же, с. 414.

тельном слове по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) сказать о том, чтобы местные партийные организации правильно и своевременно информировали ЦК о тех мерах, которые ими приняты для проведения в жизнь декретов Советской власти о новой экономической политике[1]. Записку В. И. Ленину Ярославский написал ровно за неделю до отъезда в Оренбург на I Казахстанскую партийную конференцию. И, как мы уже отмечали, Емельян Михайлович скрупулезно выполнял все, что связано с положениями упомянутой записки.

Емельян Михайлович думал по завершении конференции как член ВЦИК принять участие в работе второй сессии Киргизского (Казахского) Центрального Исполнительного Комитета. Однако ЦК партии в связи с ходатайством губкомов и острой необходимостью существенно поднять работу пропагандистских аппаратов партии решил в начале июля созвать совещание заведующих агитпропотделами губкомов РКП(б). Емельян Михайлович узнал о намечавшемся совещании в самый разгар работы партийной конференции и немедленно телеграфировал в ЦК РКП(б) и ВЦИК о том, что ему придется досрочно покинуть Оренбург и выехать в Москву для организации упомянутого совещания.

Совещание заведующих агитпропотделами открылось 7 июля. От имени ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский приветствовал собравшихся, познакомил участников совещания с планом агитпропработы ЦК партии, указав, что наряду с проблемами идеологического обеспечения продналоговой политики, борьбы с голодом ЦК разрабатывает целый ряд документов, которые помогут более целенаправленно вести работу среди крестьян, а также антирелигиозную пропаганду. Особое внимание участников совещания Ярославский обратил на мероприятия по разоблачению мелкобуржуазных организаций и групп, нелегальных формирований меньшевиков, эсеров и других противников большевизма: необходимо не только парировать язвительные выпады пропагандистов из рядов эсеров и меньшевиков, но и повсеместно и постоянно разоблачать этих прислужников бур-

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 10, с. 469—470.

жуазии, вскрывать их политическую и идейную пустоту.

Е. М. Ярославский подробно остановился на проблемах подготовки агитационно-пропагандистских кадров через систему партийно-советских школ и разного рода курсов. «Партийные школы,— говорил он,— отныне имеются повсюду, более того, создается новый, повышенный тип школ в крупных областных центрах Сибири, Средней Азии, Поволжья, Закавказья. Самые квалифицированные кадры готовятся в университете им. Я. М. Свердлова и в социалистической академии. В общем, ЦК РКП(б) делает все возможное, и задачи агитпропотделов — в полную меру использовать свои кадры и посылаемые из Москвы пополнения, чтобы каждый труженик знал хотя бы в общих чертах ленинские установки, планы партии и свои задачи»[1].

Через месяц после совещания ЦК партии вновь направил Емельяна Михайловича на работу в Сибирь.

Вопрос о посылке Е. М. Ярославского секретарем Сиббюро ЦК РКП(б) специально рассматривался на заседании Пленума ЦК РКП(б), состоявшемся 8 августа 1921 г., в работе которого участвовал В. И. Ленин[2]. Назначение Емельяна Михайловича было продиктовано рядом обстоятельств. Высший орган государственного управления Сибири возглавлял крупный и талантливый организатор И. Н. Смирнов, который в политическом плане был близок с троцкистами. Его повторное назначение на этот пост могло способствовать активизации разбитых на X съезде РКП(б) сторонников Троцкого. Тем более, что Сиббюро ЦК выступало в качестве полномочного партийного органа не только Сибири, но и всего Дальнего Востока, где обстановка оставалась весьма острой.

Таким образом, Ярославскому предстояло в сложных условиях нэпа руководить партийной деятельностью на огромной территории от Урала до Камчатки. В Сибири он пробыл до конца 1922 г. Уже первые недели работы в Новониколаевске (Новосибирск), куда переехали из Омска партийно-советские и административные орга-

---

[1] Правда, 1921, 8 июля.
[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1980, т. 11, с. 175.

ны, поставили перед Емельяном Михайловичем ряд сложных проблем. Одна из них — руководство агиткампанией по разоблачению авантюры барона Унгерна. Этот вояка отличался патологической ненавистью к Советской власти. Он получил назначение в Забайкалье еще при Керенском, затем в 1918 г. в составе формирований атамана Семенова вел бои с войсками Сергея Лазо в Даурии. Когда осенью 1921 г. в Монголии обострилась обстановка, Унгерн решил, используя политическую малоопытность религиозного главы Богдогегена, захватить власть в этой стране, а затем с помощью японцев, белокитайцев и монгольских реакционеров начать наступление на советские районы Сибири. Советское правительство по просьбе руководителя монгольских революционеров Сухэ-Батора оказало действенную помощь прогрессивным силам Монголии. На помощь восставшим аратам и ремесленникам были двинуты части Красной Армии и отряды известного сибирского партизана П. Е. Щетинкина. Совместно с монгольскими цириками они разгромили формирования Унгерна, взяв его в плен.

В сентябре 1921 г. по указанию В. И. Ленина в Новониколаевске состоялся показательный процесс над Унгерном. Общественным обвинителем на суде выступил Е. М. Ярославский.

«Революционный трибунал,— говорил Емельян Михайлович,— судит не только барона Унгерна и других «сиятельных» разбойников, веками сидевших паразитами на народном теле, чьи руки обагрены кровью тысяч трудящихся. Это суд над целыми классами общества — буржуазией и помещиками, которые привыкли властвовать и грабить и которые стремятся удержать власть, хотя бы для этого потребовалось истребить половину человечества»[1].

Большой резонанс не только в Сибири, но и в Казахстане получило выступление Е. М. Ярославского в качестве общественного обвинителя по делу генерала Бакича, есаула Токарева и других высших офицеров царской армии — дутовцев, колчаковцев.

---

[1] *Юрасов И.* Е. М. Ярославский и Сибирь (к 105-летию со дня рождения).— Сибирские огни, 1983, № 3, с. 122.

Генерал Бакич, один из активных сподвижников атамана Дутова, за полтора года гражданской войны в Оренбургско-Тургайских степях причинил много бед труженикам аулов, сел и станиц. Части его четвертого корпуса, входившие в Южную армию генерала Белова, в апреле — мае 1919 г. осаждали Оренбург. Бакичевцы при отступлении через Кустанай, Кокчетав, Акмолинск, Каркаралинск, Сергиополь осиротили сотни, тысячи семей.

С мая 1920 г. по сентябрь 1921 г. генерал Бакич в районе китайских городов Чугучак и Шара-Сумэ лихорадочно сколачивал из белоэмигрантов формирования для похода на территорию Семиречья, засылал диверсионно-разведывательные группы в район Рудного Алтая. В мае 1921 г. Бакич с распростертыми объятиями принял в свои ряды крупный контрреволюционный отряд — так называемую «народную дивизию» есаула Токарева, в которую входило более двух с половиной тысяч участников Ишимско-Петропавловского мятежа, разбитых частями Красной Армии и чоновцами на территории Петропавловского и Кокчетавского уездов. Эта «дивизия», уходя в Китай через Каркаралинск, внезапным налетом 6 апреля 1921 г. уничтожила почти весь партийно-советский актив и много мирных жителей.

В своей речи на суде в Красноярске Е. М. Ярославский напомнил о тяжелейших преступлениях Бакича и Токарева, подчеркнув, что «на примере токаревцев виден крах политической платформы партий мелкобуржуазной контрреволюции и прежде всего эсеров, которые в интересах реакции хотели продолжить гражданскую войну под лозунгом «За Советскую власть без коммунистов», но не нашли поддержки и, потерпев жесточайшее поражение, превратились в банду политических убийц и грабителей»[1].

Практически большая часть 1922 г. для Е. М. Ярославского прошла в разъездах по различным районам Сибири. Всюду он выступал на собраниях коммунистов, встречался с рабочими, крестьянами, печатался в мест-

---

[1] См.: *Григорьев В.* Из истории Каркаралинской партийной организации.— Вопросы истории КПСС. Алма-Ата, 1974, вып. II, с. 188.

ных газетах, пропагандируя ленинские идеи, установки X и XI съездов партии.

ЦК РКП(б) принял решение отозвать Е. М. Ярославского в Москву. В конце 1922 г. в жизни партии и страны наступил наконец такой период, когда уходила в прошлое пора чрезвычайных решений и появилась возможность спокойно обдумывать, анализировать все происходившее. Под влиянием нэпа оживились буржуазные элементы. Кроме того, все чаще приковывала В. И. Ленина к постели болезнь, чем не замедлили воспользоваться троцкисты и иные оппозиционные группы. Все большую значимость приобретали проблемы деятельности ЦКК и РКИ и других контрольных органов, где требовались наиболее проверенные и стойкие кадры.

Е. М. Ярославский вернулся в столицу в те дни, когда вся страна жила думами о создании по плану В. И. Ленина нового государственного объединения — Союза Советских Социалистических Республик, в котором достойное место отводилось каждому народу необъятной державы.

Через два с небольшим месяца после образования СССР ЦК РКП(б) поручил Е. М. Ярославскому миссию представителя ЦК на очередной III Казахстанской партийной конференции. Он выехал из Москвы в Оренбург 9 марта 1923 г.[1]. Новая командировка в Казахстан была не случайна. Минуло полтора года со времени создания единой партийной организации республики. Коммунисты Казахстана накопили опыт работы в новой обстановке. И посылая Емельяна Михайловича в Оренбург, Секретариат ЦК полагал, что лучше Ярославского едва ли кто сможет дать точный и беспристрастный анализ положения в республике.

Создание СССР, подтвердив торжество ленинской политики партии в национальном вопросе, одновременно выдвинуло задачу резкого усиления борьбы с уклонами в национальном вопросе — великодержавным шовинизмом и местным национализмом.

Емельян Михайлович прибыл в столицу Казахской АССР вечером 11 марта и уже утром следующего дня принял участие в работе VIII Оренбургской гу-

---

[1] Степная правда, 1923, 9 марта.

бернской партийной конференции. По поручению ЦК партии он выступил перед делегатами с докладом о ходе работы февральского (1923 г.) Пленума ЦК РКП(б), который проходил в острой борьбе с Троцким и его сторонниками по ряду сложнейших проблем того времени: взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, партией и Советами. Пленум отверг курс Троцкого на фактический разрыв союза рабочих и крестьян.

Докладчик рассказал, что Пленум ЦК отложил открытие XII съезда партии в расчете на возможное выздоровление В. И. Ленина и на то, что Владимир Ильич ознакомится с материалами Пленума и подготовительными документами съезда.

Емельян Михайлович кратко охарактеризовал советскую внешнюю политику за 1922 г., итоги Генуэзской конференции, где ленинская дипломатия смогла, опираясь на растущую мощь СССР, разорвать кольцо внешнеполитической блокады и открыть полосу признания нашей страны другими государствами. Он указал на существенное оживление промышленности, сельского хозяйства, торговли.

В тот же день Е. М. Ярославский принял участие в работе профсоюзной конференции, где также выступил с докладом о международном и внутреннем положении страны.

Пребывание Е. М. Ярославского в столице КАССР совпало по времени с широко отмечавшейся по всей стране 25-летней годовщиной начала работы I съезда РСДРП.

14 марта газета «Степная правда» — орган Киргизского (Казахского) обкома РКП(б) — опубликовала статью Ярославского «Душа большевизма». В ней Емельян Михайлович дал краткий очерк истории партии, указав, что ее душу составляет непоколебимая верность знамени революционного марксизма. Ярославский отметил, что за истекшую четверть века рабочий класс под руководством большевиков с честью прошел сквозь трудные испытания трех российских революций, что победа стала возможна благодаря прочному союзу пролетариата и трудового крестьянства. Главные выводы статьи Емельян Михайлович повторил, выступая перед рабочими железнодорожных мастерских Оренбурга.

По возвращении в Москву Е. М. Ярославский на страницах «Правды» рассказал о том, как оренбургские рабочие отметили 25-летие первого съезда партии.

Среди казахских коммунистов, оставивших заметный след в революционной летописи Оренбурга, Емельян Михайлович назвал А. Т. Джангильдина, поставив ему в заслугу борьбу с казахскими буржуазными националистами из рядов алашордынцев [1].

Прошли торжества. Какие произошли перемены в жизни республики, ее партийной организации? Е. М. Ярославский встречался и беседовал со многими делегатами партийной конференции республики, прибывшими из разных губерний и уездов, просматривал статьи в газетах и журналах, анализировал издания Киргизского (Казахского) обкома РКП(б) последнего времени, предназначенные для читателей аула и села, вникал в вопросы взаимоотношений казахских и русских коммунистов, интересовался делом воспитания молодых членов партии и комсомольцев.

В день начала работы III Казахстанской партконференции «Степная правда» поместила передовую, в которой говорилось, что открывающаяся областная конференция — важная веха в политической и идейной жизни края. Ее делегатам предстоит в соответствии с установками ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» подумать о перестройке партийной и советской работы в целях упрочения связей между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством.

Повестка дня конференции предусматривала рассмотрение вопросов о том, что надо сделать для расширения социальной базы партийной организации Казахстана, как реализовать лозунг XI съезда РКП(б) о том, чтобы теснее сомкнуться с крестьянской массой [2].

Вечером 17 марта 1923 г. начала свою работу III Казахстанская партийная конференция. В ее повестке значилось девять вопросов, и на первое место делегаты единодушно поставили доклад Е. М. Ярославского «Международное и внутреннее положение СССР и отчет ЦК РКП(б)».

---

[1] Правда, 1923, 29 марта.

[2] Степная правда, 1923, 17 марта.

Емельян Михайлович подчеркнул, что страна Советов вступила в шестой год своего существования, наступила полоса прорыва дипломатической изоляции, подъема экономики.

Емельян Михайлович довольно подробно поведал о внутреннем положении Советского Союза, подчеркнув, что важнейшим показателем укрепления политической стабильности является полный крах непролетарских партий и организаций, что блестяще доказал процесс над партией эсеров. Важен и разгром фракционных группировок, вызвавший оживление в партийных организациях, усиление их влияния на массы. Он отметил, что ЦК партии тщательно анализирует положение дел на местах, принимает оперативно должные меры по оказанию помощи тем, кто сбивается с линии, определенной X и XI партийными съездами.

Много внимания Е. М. Ярославский уделил рассказу о том, как шло образование Союза Советских Социалистических Республик, как работает ЦК над тем, чтобы в жизни партии и по существу, и по форме получили достаточное отражение те изменения, что произошли в национально-государственном строительстве. Он добавил, что ставился вопрос о переименовании партии, предлагалось РКП(б) переименовать в КПСР (Коммунистическая партия Советских республик), но аббревиатура в данном случае не совсем удачна (две последних буквы схожи с названием партии эсеров). Говорил Емельян Михайлович и о предстоящем двенадцатом съезде партии, который даст четкую оценку тех уклонов в национальном вопросе, какие обнаружились за последнее время, в том числе и в Казахстане.

Емельян Михайлович подчеркнул, что он второй раз принимает участие в работе казахстанской партийной конференции и ему, как и в 1921 г., пришлось столкнуться с рядом негативных явлений, проявившихся в упреках отдельных казахских и русских партийно-советских работников в адрес друг друга. Часть русских товарищей, отмечал Ярославский, все еще недооценивает сложность партийной работы в ауле, воспитания из молодых коммунистов надлежащей смены. Он порекомендовал заняться изучением казахского языка, чтобы иметь возможность более полно представлять себе положение дел в национальной печати, литературе,

искусстве. Это предложение было продиктовано тем, что прослойка опытных, закаленных коммунистов из числа казахов была невелика, а в рядах партийной организации имелась группа выходцев из рядов буржуазных националистов или близких к ним по духу лиц.

В этой связи Емельян Михайлович обратил внимание на то, что казахстанские республиканские газеты чрезмерное внимание уделяют публикации далеких от марксизма авторов и в то же время даже не перепечатывают материалы из «Правды» и других центральных партийных изданий. Казахский читатель, говорил он, до сих пор не знаком со многими последними работами В. И. Ленина, нет перевода Программы партии, Манифеста Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса, брошюр по национальному вопросу.

Емельян Михайлович подверг критическому разбору статьи ряда национал-уклонистов из замаскировавшихся алашордынцев, которые протаскивали идеи о единстве казахского общества, ненужности классовой борьбы. Он сурово осудил брошюру С. Садвокасова «Новый путь для молодежи», в которой автор пытался популяризировать чуждые духу марксизма положения. Вместо названной брошюры Садвокасова, Ярославский предложил перевести на казахский язык и издать интересную работу Карла Либкнехта «Путь молодежи».

Емельян Михайлович принял активное участие в обсуждении всех вопросов повестки дня конференции. Свои обобщения он изложил в заключительном слове при закрытии конференции — 22 марта. Поблагодарив делегатов за то, что они избрали его своим посланцем на XII съезд РКП(б), он выразил уверенность в том, что решения конференции и предстоящего XII партийного съезда станут боевой программой для партийных организаций всех губерний и уездов Казахстана.

«Ход конференции,— говорил Ярославский,— вновь подтвердил, что центр внимания коммунистов надо перенести в аул... Работа в этой области предстоит огромная, потребуется много усилий, энергии, но такая работа принесет в недалеком будущем должную отдачу»[1].

На следующий после окончания конференции день Е. М. Ярославский принял участие в работе организа-

---

[1] Степная правда, 1923, 27 марта.

ционного пленума Киробкома РКП(б). Он внес предложение создать редакционно-издательскую коллегию из трех коммунистов по переводу марксистской литературы на казахский язык. Пленум принял предложение Ярославского. В состав такой комиссии вошли известный поэт и революционер С. Сейфуллин и видный советский работник М. Саматов [1].

7 апреля 1923 г. в «Правде» была опубликована статья Е. М. Ярославского «Две конференции», где он поделился впечатлениями о второй своей поездке в столицу Казахстана. Его внимание привлекло то, что на всем протяжении от Москвы до Оренбурга на станционных базарах идет «оживленный торг пищевыми продуктами, все в изобилии и сравнительно дешево», и это лучше всего подтверждает, что страна победила голод.

Ход работы VIII Оренбургской губернской и III Казахстанской партийных конференций подтвердил, что партийные организации справились с трудностями перехода к новой экономической политике. Отрадно также и то, что социальная база казахстанской партийной организации расширяется и, прежде всего, за счет рабочих-казахов и аульной бедноты. И это обещает в недалеком будущем вырвать из-под влияния байства основную массу казахского крестьянства и тем самым еще более укрепить позиции Советской власти в крае.

В Москве, отчитавшись в ЦК партии о поездке в Казахстан, Емельян Михайлович приступил к подготовке к XII съезду РКП(б). Это был первый после Октябрьской революции партийный форум, проходивший по ленинским наметкам, но без участия В. И. Ленина. После съезда Ярославский по решению ЦК РКП(б) включился в работу созданного в соответствии с ленинскими рекомендациями объединенного органа — ЦКК — РКИ.

Старая ленинская гвардия в то время несла огромную нагрузку государственной, партийной и общественной работы, но даже на фоне этой гвардии Емельян Михайлович выделялся обилием тех обязанностей, которые он добровольно выполнял.

В сентябре 1924 г. в ответ на просьбу канцелярии ВЦИК сообщить, какую работу, кроме обязанностей

---

[1] Степная правда, 1923, 24 марта.

члена ВЦИК, он выполняет, Ярославский ответил, ограничившись кругом партийных должностных поручений:

«1. Секретарь ЦКК.

2. Ответственный секретарь Партколлегии ЦКК.

3. Постоянная работа в «Правде», в последнее время — ответредактор.

4. Ответредактор газеты «Безбожник», издательства «Красная Нева».

5. Редактор отдела партийной жизни журнала «Красное студенчество».

6. Член комиссий ЦК РКП(б) по работе: в деревне, среди молодежи, пионерского движения, агитпропагандистской.

7. Член Комитета содействия народам Севера.

8. Председатель комиссии по отделению церкви от государства.

9. Член правления Госиздата»[1].

Кратко остановимся на том, что приходилось делать Емельяну Михайловичу по роду перечисленных обязанностей. Если говорить о первой — секретарь ЦКК — РКИ, то надо вспомнить, что этот орган по ленинскому заданию должен был «не только и даже не столько „ловить", „изобличить"... сколько *уметь поправить»* ошибки работников тех или иных учреждений, а для этого требовалось «во-1-х, *изучать* и изучить ведение дела в том или ином учреждении, предприятии, отделе и т. п.; во-2-х, вовремя *провести* необходимые практические изменения, осуществить их на деле»[2].

Эту задачу — «поправить» — Емельян Михайлович выполнял с особой тщательностью, ибо видел, что на работу в советский аппарат пришли тысячи и тысячи тех, кого еще вчера давил и душил старый дореволюционный «порядок». Безусловно, член партии с 1898 г. был непримирим и по отношению к тем, кто ловчил, изворачивался. Вот их-то со всей силой авторитета своего поста изобличал.

О круге проблем, решавшихся Ярославским — секретарем партколлегии ЦКК, можно сказать так — он вел беспощадную борьбу с активизировавшимися после

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 89, оп. 1, д. 7, л. 5.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 127.

смерти В. И. Ленина троцкистами и другими антипартийными элементами.

20-е и 30-е годы — это время, когда Емельян Михайлович становится известен всей стране как лектор, пропагандист и публицист.

Исследователи подсчитали, что перу Е. М. Ярославского принадлежит около двух тысяч статей, брошюр, книг. Из всего этого огромного творческого наследия хотелось бы выделить, во-первых, работы, раскрывающие биографию создателя и вождя нашей партии, первого зодчего пролетарского государства В. И. Ленина. Ранее уже отмечалось, что еще в Якутской ссылке (1917 г.), а затем на страницах «Советской Сибири» (1920 г.) Ярославский публиковал очерки о жизни и деятельности Владимира Ильича. В последующие годы им было создано несколько крупных научно-популярных книг о В. И. Ленине, в том числе подробная «Биография В. И. Ленина (1870—1924)», изданная в 1941 г. Ленинской тематикой Е. М. Ярославский с вдохновением занимался всю жизнь.

Многие его работы посвящены истории ленинской партии. Он написал серию статей о I, II, III и других партийных съездах, о Первой (Таммерфорской) конференции. Емельян Михайлович внес значительный вклад в крупный коллективный труд «История гражданской войны в СССР» (том II), который был удостоен Государственной премии СССР.

Одновременно с напряженной и плодотворной работой историка партии, пропагандиста Е. М. Ярославский занимался и педагогической деятельностью: заведовал кафедрой истории партии в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), читал курс лекций.

«Лекции Емельяна Михайловича,— пишет академик И. Минц,— которые, помимо слушателей ВПШ, охотно посещали и преподаватели, всегда оставляли неизгладимое впечатление. Слушателям импонировало, что лектор, видный деятель партии, так увлекательно, не поступаясь строгой научностью, рассказывает об исторических событиях, участником многих из которых он был сам. Читал Ярославский неизменно с большим подъемом, с покоряющей убежденностью в правильности линии партии, неиссякаемой верой в ее

правое дело и с глубоким уважением, любовью и признательностью к Владимиру Ильичу Ленину»[1].

Невозможно в одном очерке раскрыть поистине разностороннюю деятельность Е. М. Ярославского — революционера, ученого, пропагандиста, вся жизнь которого была примером истинного служения делу победы социализма.

Знакомясь с текстами докладов и выступлений Е. М. Ярославского, материалами его публикаций о В. И. Ленине, нельзя не обратить внимания на глубокое проникновение видного революционера и пропагандиста в глубинную суть ленинизма. Бережно сохраняя сам дух ленинских работ, Емельян Михайлович в своем изложении всегда стремился показать удивительную целостность и многогранность ленинского восприятия реальной действительности. Е. М. Ярославский особо выделял во Владимире Ильиче Ленине политика, вождя, которому было присуще величайшее умение творчески подходить к решению самых сложных задач, обосновывать неразрывную связь единства стратегии и тактики, не бояться пересмотреть то, что еще вчера казалось незыблемым.

Многое из материалов публицистического наследия Е. М. Ярославского и сегодня не утратило своей актуальности. Таковы, например, положения брошюры «О партэтике», вышедшей в начале 20-х годов, книги «Чего партия требует от коммуниста» и т. д. Осуществляя курс на перестройку всей работы партии и народа, КПСС творчески использует свой богатый исторический опыт, учитывает ленинский подход к постановке и решению важнейших проблем на крутых поворотах истории.

В Политическом докладе XXVII съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев особо остановился на необходимости развернуть борьбу за чистый и честный облик партийца, за принципиальную кадровую политику. Эта часть доклада своим содержанием продолжает и развивает ленинские мысли, сформулированные в работах и письмах вождя нашей партии и государства в 1920—1923 гг. Именно в те годы по просьбе Президиума ЦКК РКП(б) Е. М. Ярославский

[1] Коммунист, 1978, № 5, с. 60-61.

сделал на пленуме этого важнейшего партийного органа специальный доклад «О партэтике». Обосновывая отправные позиции доклада, Емельян Михайлович отмечал: «Пытаясь собрать материалы, которые у нас имеются, я убедился в том, что такого целостного взгляда, точно и лучше сформулированного, мы не найдем, пожалуй, нигде, как у тов. Ленина в его речи на III комсомольском съезде»[1].

Е. М. Ярославский подчеркнул, что главная задача для коммуниста — быть верным делу партии. Отсюда непримиримость и беспощадность к тем, кто, пользуясь партийным доверием, идет на то, чтобы залезть в государственный карман, использовать его для личного обогащения, облагодетельствования своих родственников[2]. Но дело борьбы за облик коммуниста не может ограничиваться наказаниями. Необходимо тем, кто еще не потерян окончательно для партии, дать возможность поработать в другой обстановке, «дать ему такую партийную нагрузку, при которой он не мог бы оторваться от рабочей массы, в которой он был бы постоянно перед лицом этой массы, должен был бы перед ней отчитываться»[3].

Этика коммуниста, говорил Емельян Михайлович, обязывает беречь семью, решительно бороться с пьянством, распущенностью, кумовством. Главное же, коммунист должен быть во всем примером для остальных трудящихся. Это должно стать жизненным правилом для любого члена партии, как писал Е. М. Ярославский, ибо на коммунисте лежит великая ответственность выполнять ленинские заветы, а он «завещал нам довести дело социализма до конца, до полной победы его»[4].

Представитель славной плеяды старых большевиков, стоявших у истоков создания ленинской партии, Емельян Михайлович с особым удовлетворением встречался со своими соратниками по революционному прошлому. В 1933 г. на второй конференции Всесоюзного общества старых большевиков он выступил с докладом

---

1 *Ярославский Е.* О партэтике. Л., 1925, с. 6.
2 Там же, с. 9.
3 Там же, с. 10.
4 *Ярославский Е.* Биография Ленина. М., 1938, с. 4.

о 30-летии партии. Е. М. Ярославский отмечал, что путь пролетарского революционера был тернист. Борьба с народниками, экономистами, легальными марксистами, а затем с эсерами, меньшевиками, правыми и левыми оппортунистами «закалила, выковала исключительно богатое опытом поколение профессиональных революционеров. И первая мысль, когда мы думаем о нашей партии, когда подводим итог 30-летнего существования нашей партии,— это мысль об организаторе нашей партии, о нашем учителе, о нашем вожде, друге и товарище, неумирающем Владимире Ильиче Ленине»[1].

«Коммунист с момента своего вступления в ряды партии находится в непрерывном бою и, прежде всего, на идеологическом фронте» — таковы заключительные строки упомянутого выше доклада. Святой долг того, кто стал членом ленинской партии — «жить и работать так, чтобы **помочь партии воспитать новые миллионы людей для окончательной победы коммунизма»**[2]. Этому требованию Е. М. Ярославский был верен всю жизнь.

---

[1] *Ярославский Е. М.* Тридцатилетие ВКП(б) и наши задачи. М., 1933, с. 3.

[2] Там же с. 30.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КОМПАРТИИ КАЗАХСТАНА—ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ПОСЛАНЦЫ ЛЕНИНА В КАЗАХСТАНЕ

Редактор *Е. В. Антипина*
Мл. редактор *И. В. Хромушина*
Художник *А. Г. Седельников*
Художественный редактор *Г. М. Горелов*
Технический редактор *Л. И. Конькова*
Корректор *Н. К. Жолумбетова*

ИБ № 3479

Сдано в набор 17.12.86. Подписано в печать 28.05.87. УГ27098. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,32 (вкл.). Усл.кр.-отт. 34,65. Уч.-изд. л. 17,42. Тираж 9000 экз. Заказ № 2. Цена 1 руб.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Гагарина, 93.

НОВЫЕ КНИГИ

К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции издательство «Казахстан» выпустит в свет:

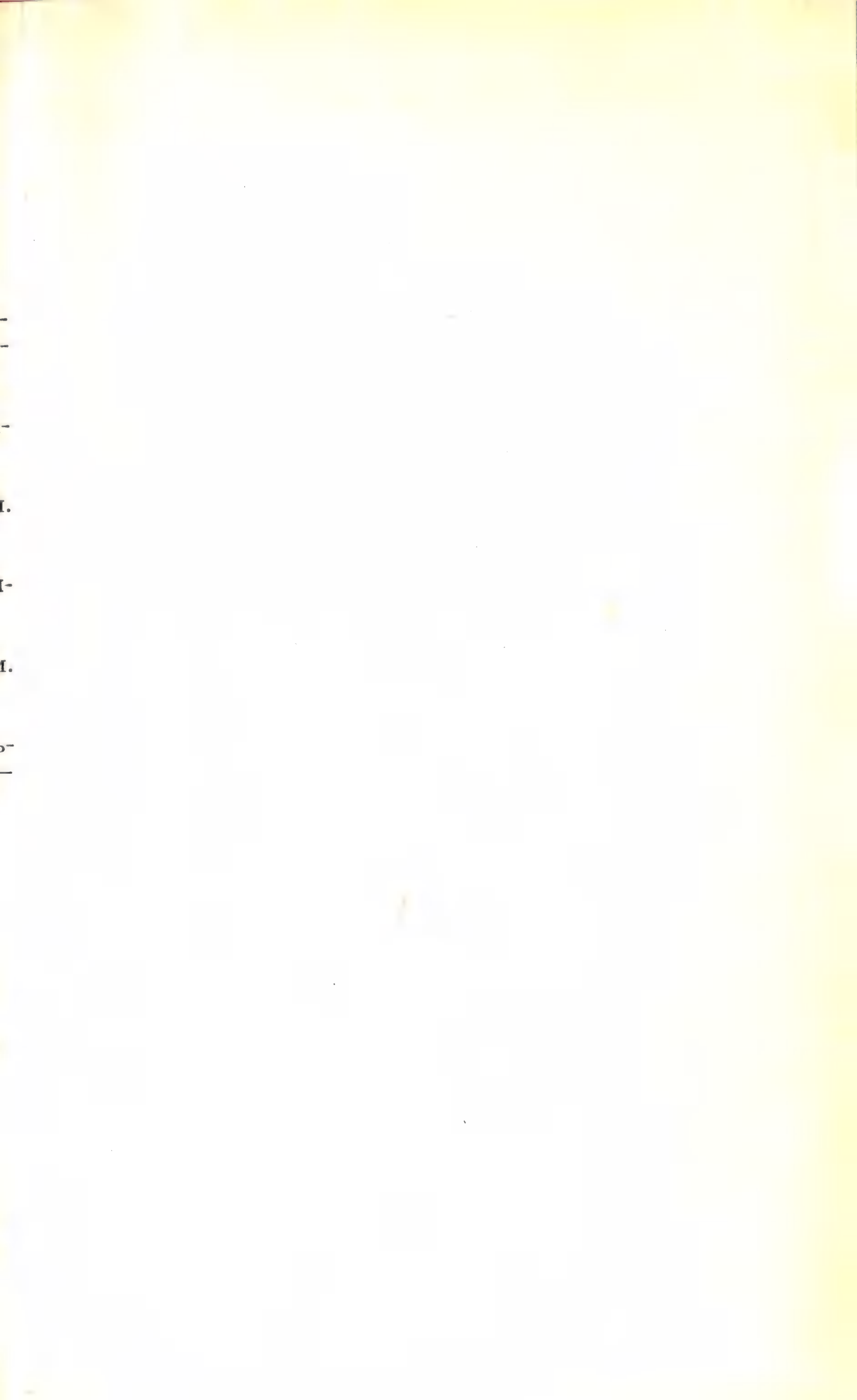
Борцы за Советскую власть в Казахстане, вып. 2. 16 л., 90 к.

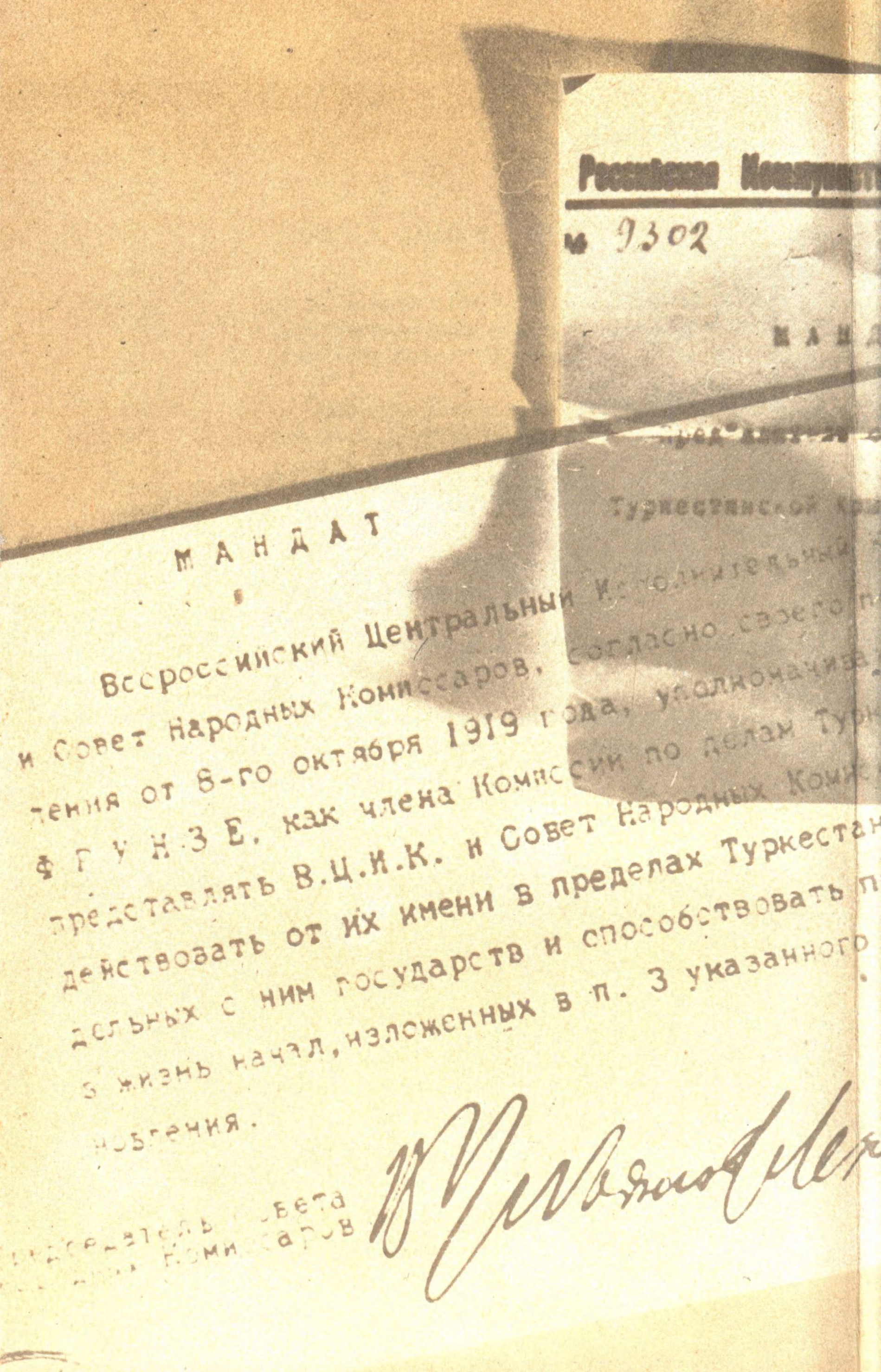
Бейсембаев С. Б. Ленин и Казахстан. 25 л., 1 р. 20 к.

Козлов Г. Я. Основа организации и деятельности партии. 11 л., 35 к.

Хамидуллин А. Г. Легендарный Максим. 6 л., 20 к.

Холодков А. А. Петропавловские большевики в трех революциях (1903—1918 гг.). 7 л., 20 к.





Российская Коммунистич…

№ 9302

МАНД…

Председатель…

Туркестанской Ко…

МАНДАТ

Всероссийский Центральный Исполнительный …
и Совет Народных Комиссаров, согласно своего п…
ления от 8-го октября 1919 года, уполномачивает …
ФРУНЗЕ, как члена Комиссии по делам Тур…
представлять В.Ц.И.К. и Совет Народных Ком…
действовать от их имени в пределах Туркестан…
дельных с ним государств и способствовать п…
в жизнь начал, изложенных в п. 3 указанного …
новления.

…седатель Совета
…ных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

…ммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет.

Москва. 10 Октября 191 г.

…ндат.

…ъявитель сего тов. Куйбышев является членом

…комиссии Ц.К.Р.К.П./большевиков/.

…й Комитет

…постанов-

…ат М.В.

…ь от Секретарь Ц.К. Елена Стасова

…ркестана.

…ссаров и

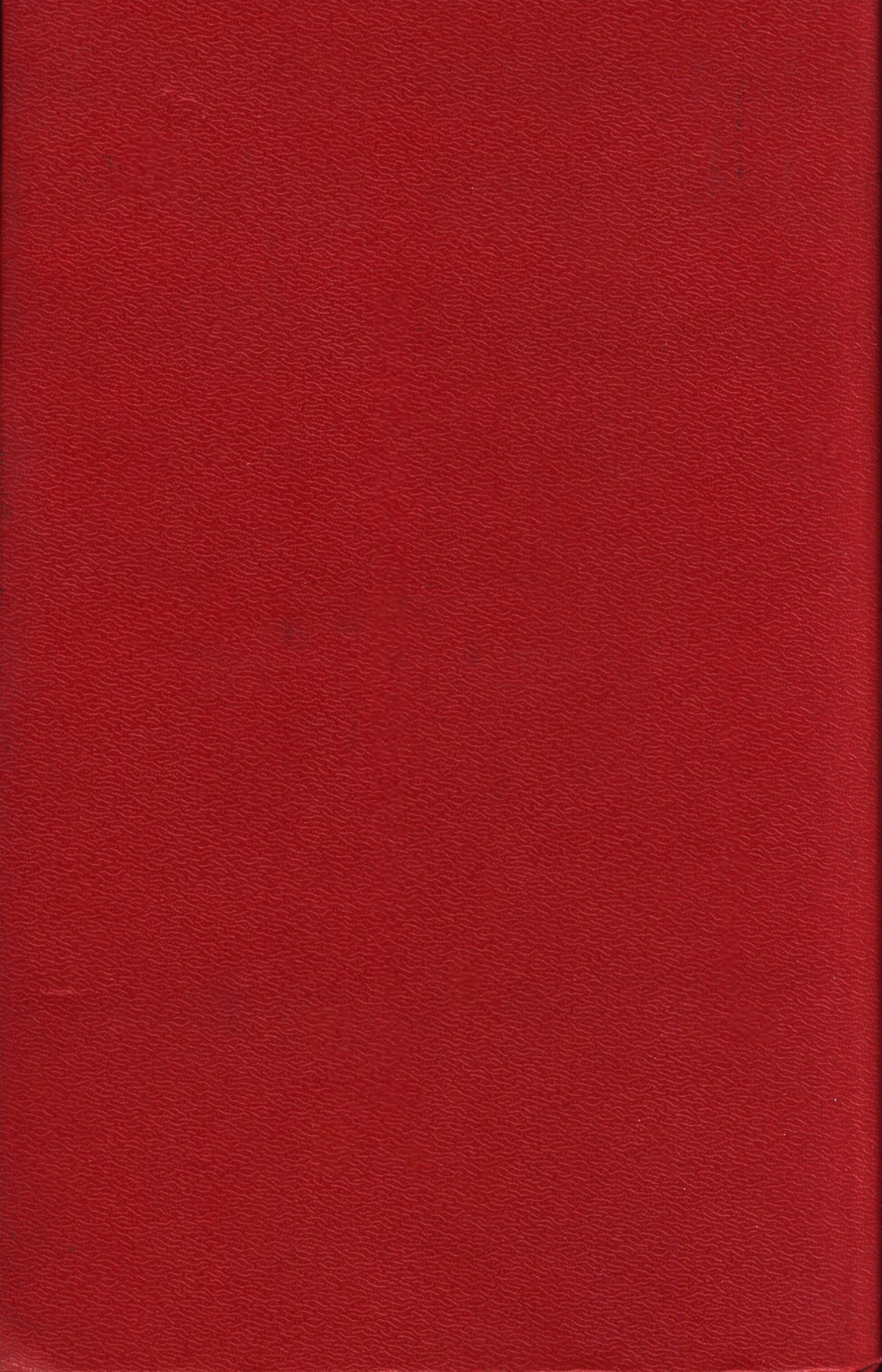
…ана и сопре-

… проведению

…о выше поста-

…

…рин)



Посланцы ЛЕНИНА в Казахстане